

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
“Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова”

Научный журнал

Издаётся с 2001 года

(до 1 января 2012 года – “Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки”)

Выходит 6 раз в год

**СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47126
выдано 11 ноября 2011 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор В.И. Голдин

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Т.Ю. Загрязкина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия),
А.В. Колмогорова, Н.И. Коновалова,
И.В. Кузнецова (отв. секретарь),
А.Г. Лошаков, А.А. Мёдова,
Й.П. Нильсен (Норвегия),
М.Ю. Опенков, А.В. Петров, Р.Г. Пихоя,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал,
Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин,
П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

**СЕРИЯ
“Гуманитарные и социальные науки”**

**Т. 24,
№ 2 / 2024**

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Лизогуб А.С. Императорское Русское военно-историческое общество и формирование исторической памяти о военных событиях в начале XX века.....	5
Сорокин А.А. Дискуссии об избирательных правах должностных лиц крестьянского самоуправления в земстве в конце XIX века.....	16
Суслов А.Ю. Убийство В.В. Воровского и процесс Конради–Полунина 1923 года в восприятии российской социалистической эмиграции.....	27

ЛИНГВИСТИКА

Богинская О.А. Stancetaking in English-Medium Research Article Abstracts: A Contrastive Analysis = Экспликация авторской позиции в англоязычных аннотациях к научным статьям: сопоставительный анализ.....	38
Внуковская А.В. Контаминация фразеологизмов как средство речевой характеристики персонажей в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина».....	47
Воронцова И.И. Роль концепта «непроизводительные деньги» в производстве антропоморфных метафор англоязычного финансового дискурса.....	58
Горностаева Ю.А. Мультимодальная репрезентация Дня мертвых в мексиканском мультипликационном дискурсе.....	69
Дзюбенко А.И. Возможные миры художественного текста: когнитивно-семантический аспект репрезентации времени (на материале романа В.В. Орлова «Альтист Данилов»).....	81
Сюй Лиюнь. Когнитивная фитонимическая метафора как средство описания внешности человека в русской и китайской лингвокультурах.....	93

СОДЕРЖАНИЕ

Индексируется в: Размещается в:

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

РУКОНТ

INFOBASE INDEX

CYBERLENINKA

Crossref

www.e.lanbook.com
электронно-библиотечная система

PR SMART

Редактор
Е.А. Почехина

Ведущий редактор
А.В. Крюкова

Переводчик
С.В. Бирюкова

Документовед
Е.В. Орёл

Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес издателя:

163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:

163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины,
д. 17, ауд. 1336
Тел.: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 27.04.2024.

Бумага писчая. Формат 84×108 1/16.

Усл. печ. л. 15,75. Уч.-изд. л. 13,92.

Тираж 1000 экз. Заказ № 8592.

Адрес типографии:

Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2024

Контанисова А.И., Федуленкова Т.Н. Теоретические пред-
посылки изучения ФЕ-терминов и их вариантов в английском
языке делового общения..... 102

ФИЛОСОФИЯ

Бреслер М.Г. Динамическая стабильность как категория
диалектического взаимодействия хаоса и космоса в онтологии
сетевое бытия..... 114

Петев Н.И. Игровой аспект мифологии: элемент переодевания и
специфика одежды..... 124

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев Т.В., Лосик А.В. Сахар, мины, торпеды: тернистый
путь «Гидроприбора»..... 135

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Голдин В.И. Северный морской путь на Арктических чтениях
в Москве..... 141

Наши рецензенты..... 146

К сведению авторов..... 148

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY

Registration certificate
PI no. FS77-47126
issued on November 11, 2011
by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
I.V. Kuznetsova (Executive Secretary),
A.G. Loshakov, A.A. Medova,
J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, Yu.V. Popkov,
A.M. Prilutsky, A.V. Repnevsky,
K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
P.V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchipsitsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 24,
No. 2 / 2024

CONTENTS

HISTORY

- Lizogub A.S.** Imperial Russian Military Historical Society and the Formation of Historical Memory of Military Events in the Early 20th Century..... 5
- Sorokin A.A.** Discussions on the Electoral Rights of Peasant Self-Government Officials in the Zemstvo in the Late 19th Century... 16
- Suslov A.Yu.** Assassination of V.V. Vorovsky and the 1923 Trial of Conradi and Polunin as Perceived by Russian Socialist Émigrés... 27

LINGUISTICS

- Boginskaya O.A.** Stancetaking in English-Medium Research Article Abstracts: A Contrastive Analysis..... 38
- Vnukovskaya A.V.** Contamination of Phraseological Units as a Means of Speech Characterization of Characters in M.A. Sholokhov's Novel *Virgin Soil Uplifted*..... 47
- Vorontsova I.I.** Role of the *Unproductive Money* Concept in the Production of Anthropomorphic Metaphors in English-Language Financial Discourse..... 58
- Gornostaeva Yu.A.** Multimodal Representation of the Day of the Dead in Mexican Animation Discourse..... 69
- Dzyubenko A.I.** Thinkable Worlds of a Literary Text: A Cognitive and Semantic Aspect of the Representation of Time (Based on V.V. Orlov's Novel *Danilov, the Violist*)..... 81
- Xu Liyun.** Cognitive Phytonymic Metaphor as a Means of Describing a Person's Appearance in Russian and Chinese Linguocultures..... 93
- Kontanistova A.I., Fedulenkova T.N.** Theoretical Prerequisites for Studying Phraseological Terms and Their Variants in Business English..... 102

CONTENTS

Indexed in:

Included in:

Editor

E.A. Lochekhina

Managing Editor

A.V. Kryukova

Translator

S.V. Biryukova

Document Manager

E.V. Orel

Make-up by

O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of Russian reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of doctor and candidate of science have to be published

Publisher's address:

nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002

Phone: +7 (8182) 21-61-99

E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:

nab. Severnoy Dviny 17, room 1336,
Arkhangelsk, 163002

Phone: +7 (8182) 21-61-21

E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;

vestnik@narfu.ru

Publication date 27.04.2024.

Writing paper. Format 84x108 ¹/₁₆.

Conv. printer's sh. 15.75.

Acad. publ. sh. 13.92.

Circulation 1000 copies. Order no. 8592.

Printer's address:

NArFU Publishing House named after

V.N. Bulatov

ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060

Free price

© NArFU named after M.V. Lomonosov, 2024

PHILOSOPHY

- Bresler M.G.** Dynamic Stability as a Category of Dialectic Interaction Between Chaos and Cosmos in the Ontology of Network Existence..... 114
- Petev N.I.** The Game/Play Aspect of Mythology: Dressing Up and the Specifics of Clothing..... 124

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

- Alekseev T.V., Losik A.V.** Sugar, Mines, Torpedoes: The Thorny Path of Gidropribor..... 135

ACADEMIC LIFE

- Goldin V.I.** Northern Sea Route at the Arctic Readings in Moscow..... 141
- Our Peer-Reviewers..... 146
- Information for Authors..... 148

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 2. С. 5–15.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 5–15.

Научная статья

УДК 94(47).083:930,25

DOI: 10.37482/2687-1505-V329

Императорское Русское военно-историческое общество и формирование исторической памяти о военных событиях в начале XX века

Анна Сергеевна Лизогуб

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия,

e-mail: ShestopalovaAS@omsu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5101-6334>

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу возможностей и потенциала Императорского Русского военно-исторического общества оказывать воздействие на процессы формирования исторической памяти о военных событиях российской истории в начале XX века. Методологическую основу составляет синтез идей междисциплинарной парадигмы *memory studies*, а также историко-сравнительный и историко-типологический методы. Автор исходит из предположения, что в начале XX века Русское военно-историческое общество выступало в качестве одного из главных акторов формирования исторической памяти о значимых событиях военной истории. Разветвленная структура, большая численность, широкое представительство на местах, разнообразные формы коммеморации позволили Обществу участвовать в отборе актов воспоминания о военных событиях и фигурах и в наполнении их определенным смыслом. В ходе исследования были установлены трудности реализации ряда коммеморативных проектов, такие как недостаточное финансовое обеспечение, конфликтные ситуации между центральным и местными отделами, а также между членами Общества. Автор приходит к выводу, что, несмотря на проблемы организационного и финансового характера, Русское военно-историческое общество за короткий период существования внесло значительный вклад в процесс сохранения памяти о военных кампаниях, что нашло отражение в различных формах коммеморации. Обществу также удалось завоевать авторитет у военных историков и заслужить их доверие. Обращение к данным сюжетам не только расширяет наши представления о существующих в современном мире мнемонических акторах, но и позволяет воссоздать основные направления политики памяти Российской империи в начале XX столетия. Перспективным видится дальнейшее изучение коммеморативных проектов Императорского Русского военно-исторического общества, а также его взаимодействия с другими акторами.

Ключевые слова: *Императорское Русское военно-историческое общество, историческая память, память о войнах, мнемонические акторы, коммеморация*

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-78-01190 «Военные события в исторической памяти российского общества в начале XX века»: <https://www.rscf.ru/project/23-78-01190/>.

Для цитирования: Лизогуб, А. С. Императорское Русское военно-историческое общество и формирование исторической памяти о военных событиях в начале XX века / А. С. Лизогуб // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 5-15. – DOI 10.37482/2687-1505-V329.

Original article

Imperial Russian Military Historical Society and the Formation of Historical Memory of Military Events in the Early 20th Century

Anna S. Lizogub

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia,

e-mail: ShestopalovaAS@omsu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5101-6334>

Abstract. This study analyses the ability and potential of the Imperial Russian Military Historical Society to influence the formation of historical memory of military events in Russian history in the early 20th century. The methodological basis is a synthesis of ideas from the interdisciplinary paradigm of memory studies, as well as comparative historical and typological historical methods. The author proceeds from the assumption that in the early 20th century, the Russian Military Historical Society was among the key actors in the formation of historical memory of significant events in military history. The extensive structure, large membership, broad local representation and various forms of commemoration allowed the society to participate in the process of selecting acts of remembrance of military events and figures as well as assigning certain meanings to them. The study identified difficulties in implementing a number of commemorative projects, such as insufficient financial support and conflicts between the central and local offices as well as between the society's members. The author comes to the conclusion that, despite the organizational and financial problems, the Russian Military Historical Society during its short period of existence has made a significant contribution to preserving the memory of military campaigns, which is reflected in various forms of commemoration. In addition, the society has managed to earn a reputation and gain the trust of military historians. Turning to these topics not only expands our understanding of the mnemonic actors existing in the modern world, but also allows us to recreate the main directions of the policy of memory in the Russian Empire in the early 20th century. Further research into the commemorative projects of the Imperial Russian Military Historical Society, as well as its interactions with other actors, seems promising.

Keywords: *Imperial Russian Military Historical Society, historical memory, memory of wars, mnemonic actors, commemoration*

Funding. The paper was funded through the Russian Science Foundation grant no. 23-78-01190 "Military Events in the Historical Memory of Russian Society in the Early 20th Century": <https://www.rscf.ru/project/23-78-01190/>.

For citation: Lizogub A.S. Imperial Russian Military Historical Society and the Formation of Historical Memory of Military Events in the Early 20th Century. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V329

Введение. Императорское Русское военно-историческое общество (ИРВИО) было образовано в 1907 году в Санкт-Петербурге для изучения военного прошлого и сохранения памяти о доблестных победах Русской армии. С первых дней своего существования ИРВИО развернуло активную работу по привлечению внимания общественности к значимым событиям и лич-

ностям военной истории. Приближающиеся 200-летие Полтавской битвы, 100-летие Отечественной войны, 300-летие освобождения Свято-Троицкой Сергиевой лавры и другие знаменательные юбилеи и годовщины ускорили процесс становления Общества. Обращение к данной проблеме позволит определить особенности политики памяти и роль ИРВИО в ней

на последнем этапе существования Российской империи.

Некоторые проекты, начало которым было положено еще в дореволюционный период, в настоящее время продолжает реализовывать РВИО – организация-преемница ИРВИО. Изучение деятельности ИРВИО с точки зрения исторического опыта поможет учесть положительные и отрицательные моменты при осуществлении подобной работы на современном этапе.

Новизна настоящего исследования обусловлена тенденциями развития современной исторической науки, в которой на протяжении нескольких десятилетий не теряют актуальности проблемы, связанные с исторической памятью. В последние годы в фокусе внимания научного сообщества все чаще оказываются «мнемонические акторы» [1, с. 5; 2, р. 27], под которыми понимаются «группы и отдельные индивиды, способные производить интерпретации реальности, вызывающие общественный резонанс, и располагающие ресурсами для их продвижения» [3, с. 31]. Наряду с государством в качестве самостоятельных акторов выделяют церковь, политические партии и институты, общественные объединения и др. [4]. Однако участники процесса формирования исторической памяти в начале XX столетия не становились предметом специальных исследований.

Цель настоящей статьи состоит в определении особенностей процесса формирования исторической памяти о военных событиях российской истории в начале XX века на примере деятельности ИРВИО. Выдвигается гипотеза о том, что Общество в начале XX столетия являлось одним из важнейших акторов политики памяти. В качестве критериев, позволяющих

оценить эффективность работы ИРВИО в процессе отбора военных событий для коммеморации, были использованы его структура, количество участников, представительство на местах, финансирование и реализуемые проекты. Под коммеморацией понимается «совокупность публичных актов “вспоминания” исторических фигур или событий и (пере)осмысление их в современном контексте» [5, с. 28].

Материалы и методы. Одним из главных источников настоящего исследования стала делопроизводственная документация ИРВИО, представленная Уставом¹, Положением о местных отделах², ежегодными отчетами³. Особое значение имело обращение к деловой переписке Совета Общества с Главным штабом, местными отделами и различными чиновниками.

В статье также были использованы источники частного характера – воспоминания членов Общества Г.С. Габаева⁴ и М.К. Соколовского. Воспоминания М.К. Соколовского об ИРВИО, написанные в начале 1930-х годов, хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ)⁵. Раздел об ИРВИО вводится в научный оборот впервые. При работе с этим источником автор учитывал время создания воспоминаний, а также непростые взаимоотношения Михаила Константиновича с коллегами по Обществу.

Некоторые статистические данные были взяты из научных исследований, проводимых как советскими, так и современными авторами. А.Н. Кочетковым [6] и В.А. Дьяковым [7] были рассмотрены причины создания, структура и социальный состав Общества. Научная и политическая деятельность ИРВИО нашла отражение в работе С.В. Бориснева [8]. Проблеме сохранения фонда Общества, находящегося в

¹Устав Императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1907. 20 с.

²Положение о местных отделах ИРВИО // Отчет о деятельности Императорского Русского военно-исторического общества с 27 августа 1907 г. по 1-е января 1909 г. Год первый. СПб., 1909. С. 43–45.

³Первые пять лет деятельности Императорского Русского военно-исторического общества. 1907–1912. СПб., 1913. 66 с.

⁴Отд. рукоп. Рос. нац. б-ки (ОР РНБ). Ф. 1001. Оп. 1. Ед. хр. 33.

⁵РГАЛИ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 15. Л. 43–59.

Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, посвятила свою диссертацию С.В. Успенская [9]. Процесс учреждения Общества детально раскрыт М.А. Смирновой [10]. Отдельные аспекты издательской деятельности ИРВИО исследованы В.Н. Самошенко и Н.А. Петровой [11]. Ряд авторов обратился к воссозданию вертикальных и горизонтальных связей военных историков с научным сообществом [12–14]. Более детальное осмысление основных этапов изучения деятельности Общества можно найти в публикации автора настоящей статьи [15]. Однако, несмотря на накопленный опыт исследования, для воссоздания основных направлений политики памяти в Российской империи начала XX века требуется обращение к анализу коммеморативных практик, выстраиваемых нарративов и актуализируемых сюжетов ИРВИО.

Методологической основой данного исследования стала междисциплинарная парадигма *memory studies*, в центре внимания которой находится изучение не только способов «вспоминания» исторических фигур и событий, но и лиц, хранящих память об этих событиях. Обращение к историко-сравнительному анализу позволило сопоставить ИРВИО и Императорское Русское историческое общество (ИРИО) по некоторым количественным показателям. Историко-типологический метод помог выявить формы коммеморации, которые использовались ИРВИО для сохранения памяти о военных событиях. Историко-описательный метод способствовал систематизации разрозненных фактов о деятельности Общества.

Возникновение ИРВИО. ИРВИО представляло собой одно из научно-исследовательских обществ, существовавших в Российской империи в начале XX века. От других подобных ин-

ститутутов его отличала разработка проблем военной истории, которая к тому времени оставалась слабо изученной сферой исторического знания. Идея создания Общества была озвучена еще в середине XIX века, но первая серьезная попытка в этом направлении была предпринята только в начале XX века. По замечанию одного из членов-учредителей, М.К. Соколовского, ИРВИО образовалось под напором необходимости, несмотря на то, что Военное министерство видело в нем «чуть ли не восстание декабристов»⁶.

В научной литературе утвердилась точка зрения о том, что перед непосредственным учреждением «мысль о создании общества была одобрена Военным министерством, а возможно, и самим царем» [7, с. 278]. Тем не менее в Уставе отмечалось, что Общество находится вне политики⁷. Такое положение, с одной стороны, приводило к благосклонному отношению к нему самодержавия, а с другой, способствовало привлечению широкого круга исследователей.

Руководство ИРВИО осуществлял Совет Общества, председателем которого являлся генерал от кавалерии Д.А. Скалон. Помимо председателя в Совет входили его товарищ, секретарь, казначей и 8 членов [7, с. 282–283]. По воспоминаниям членов Общества, Дмитрий Антонович был добрым и мягким человеком⁸, что привело к сосредоточению власти в руках товарища председателя, генерала от инфантерии А.З. Мышлаевского. В своих воспоминаниях М.К. Соколовский подчеркивал, что «Скалон только царствовал, но не управлял»⁹. Другой член ИРВИО, Г.С. Габаев, указывал, что «в руководстве не нашлось людей достаточно сильных и влиятельных, чтобы поднять на надлежащую высоту материальную мощь общества, обеспечить его своим собственным помещением и библиотекой»¹⁰.

⁶РГАЛИ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 15. Л. 44.

⁷Устав Императорского Русского военно-исторического общества. С. 2.

⁸РГАЛИ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 15. Л. 46.

⁹Там же.

¹⁰ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 6.

Несмотря на схожее мнение об отдельных аспектах работы руководящих органов ИРВИО, между Г.С. Габаевым и М.К. Соколовским сложились достаточно напряженные отношения. Последний в своих воспоминаниях едко называл Георгия Соломоновича «ремешковым историком», «астероидом в солнечной системе военно-исторического общества». Даже отмечая его огромное трудолюбие, подчеркивал, что было в нем что-то «пчелино-муравьиное»¹¹. Г.С. Габаев считал М.К. Соколовского главным недругом на историческом поприще¹².

Эффективность деятельности ИРВИО во многом зависела от его численности и структуры. Оно состояло из почетных, действительных членов и членов-сотрудников и отличалось от других научно-исследовательских обществ значительным количеством членов. Так, если в 1909 году насчитывалось 373 действительных члена и 1005 членов-сотрудников, то в 1913-м – 890 и 1991 соответственно [7, с. 280], в то время как в ИРИО за 50-летний период существования число действительных членов и членов-корреспондентов не превысило 100¹³. Высокая численность ИРВИО объяснялась активной работой по привлечению в свои ряды новых членов. Уже в январе 1908 года во все воинские части и учреждения военного ведомства были разосланы циркулярные письма с приглашением вступить в ИРВИО¹⁴.

Однако открытость и активное привлечение военных историков в ряды ИРВИО приводили не только к существованию «мертвых душ», но и к некоторым казусам. Так, в 1913 году подполковник 19-го пехотного Костромского полка

Г.П. Шкляр обратился в Совет ИРВИО с требованием пояснить, почему ему пришел «Журнал ИРВИО». Он подчеркивал, что «не состоит в данном обществе, не выписывал и не собирается выписывать данный журнал»¹⁵. В ходе проверки удалось установить, что Шкляр был причислен к Киевскому отделу ИРВИО в 1908 году, а после ухода в отставку прекратил выплату членских взносов, но при этом не был исключен из состава. Это недоразумение инициировало обновление списков Киевского отдела¹⁶.

Работа ИРВИО на местах. Достаточно быстро Общество организовало работу в городах Российской империи. Кроме Петербургского было создано 12 местных отделов [7, с. 283]. Однако их деятельность существенно отличалась и по степени активности, и по содержанию. Самыми активными были Московский, Киевский, Одесский и Варшавский отделы. Казанский, Орловский, Финляндский и Тамбовский имели незначительные результаты, а наличие Приамурского, Нижегородского, Донского и Вильнюсского отделов было формальным [16, с. 100].

Создание столь широкого представительства на местах было вызвано сложностью задач, которые перед собой ставило ИРВИО. Изучение военного прошлого, сохранение и сооружение военных памятников, устройство музеев, организация экскурсий и археологических раскопок и др.¹⁷ не могли осуществляться без привлечения местных представителей.

Деятельность местных отделов регулировалась Положением, утвержденным общим собранием ИРВИО 9 декабря 1907 года¹⁸. В первые годы своего существования руководство

¹¹РГАЛИ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 15. Л. 57.

¹²ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 36.

¹³Императорское Русское историческое общество (1866–1916) / сост. В.И. Саитов, П.Н. Жукович, А.С. Лаппо-Данилевский. Петроград: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1916. 344 с.

¹⁴Отчет о деятельности Императорского Русского военно-исторического общества с 27 августа 1907 г. по 1-е января 1909 г. Год первый. С. 12.

¹⁵Рос. гос. воен.-ист. арх. (РГВИА). Ф. 1825. Оп. 1. Д. 1. Л. 14–15.

¹⁶Там же. Л. 24.

¹⁷Устав Императорского Русского военно-исторического общества. С. 1–2.

¹⁸Положение о местных отделах ИРВИО.

Общества не вмешивалось в работу местных отделов, ограничиваясь поддержкой их начинаний. Такая ситуация приводила к тому, что при решении ряда вопросов местные отделы действовали самостоятельно, в обход Совета Общества. Так, в 1910 году председатель Московского отдела ИРВИО генерал от инфантерии В.Г. Глазов обратился к помощнику военного министра с просьбой о выдаче Московскому отделу субсидии в размере от 3 до 5 тыс. р. для создания печатного органа¹⁹. В докладной записке по Главному штабу указывалось, что данную субсидию было бы логично «испросить для Императорского Русского военно-исторического общества вообще»²⁰, а уже затем Совет Общества должен принять решение о возможности удовлетворения потребностей отделов.

Подобная практика привела к тому, что в 1913 году Совет Общества составил инструкцию для местных отделов, которая должна была активизировать научные изыскания на местах и укрепить связи между отделами и Советом. В записке все указания подразделялись на административные и научные.

Первая группа указаний была направлена на централизацию управления ИРВИО. Отныне «все сношения с высшими правительственными учреждениями должны были производиться через Совет общества»²¹. Научные указания учитывали специфику каждого отдела, поэтому за каждым из них закреплялся особый перечень поручений. В качестве первоочередных задач выдвигались обследование архивов в Варшаве, Вильне, Киеве, Херсоне, Новочеркасске, Финляндии, а также частных библиотек и описание полковых музеев²².

По мнению Совета ИРВИО, местным отделам требовалось активизировать работу по поиску и поддержанию существующих памятников военной старины, а также возведению новых. Одесскому отделу предписывалось ускорить сооружение памятника П.А. Румянцеву, Московскому – М.И. Кутузову, Вильнюсскому – М.Б. Барклаю-де-Толли, Варшавскому – А.В. Суворову. Руководство ИРВИО в особенности было обеспокоено отсутствием в Финляндии монумента, «свидетельствующего о присоединении к империи»²³.

Для распространения военно-исторических знаний Совет ИРВИО предлагал увеличить количество публичных докладов по военной проблематике, составить указатели по местам славы, организовывать экскурсии, издавать военно-исторические брошюры, а также проводить военно-исторические празднества²⁴.

Некоторые отделы сочувственно отнеслись к представленной инструкции. Так, в марте 1913 года по инициативе Московского отдела был организован повсеместный сбор пожертвований на сооружение в Москве памятника генералу-фельдмаршалу князю М.И. Кутузову-Смоленскому. Для этого был учрежден особый комитет, который возглавил товарищ председателя Московского отдела генерал от инфантерии Д.П. Зуев²⁵. Начавшаяся Первая мировая война не приостановила сбор пожертвований. Комитет организовал рассылку подписных листов и личных писем, количество которых к 1 января 1916 года составило 100 тыс.²⁶ Основная масса денежных средств находилась на хранении в Московском купеческом банке под процентами, что позволяло получать дополнитель-

¹⁹РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3391. Л. 12.

²⁰Там же. Л. 16 об.

²¹ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 63. Л. 22.

²²Там же. Л. 12–13.

²³Там же. Л. 16–17.

²⁴Там же. Л. 18–19.

²⁵РГВИА. Ф. 390. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²⁶Там же. Д. 16. Л. 68.

ный доход. На 1 января 1917 года на балансе комитета числилось 69122,35 р.²⁷

Другие отделы критически отнеслись к представленной инструкции. Так, Киевский отдел в своем заключении заявил о невозможности реализации ряда задач, возложенных на местные отделы. Прежде всего из-за финансового обеспечения, поскольку только поиск и поддержание памятников военной старины требовали значительных материальных средств²⁸. При этом за 5-летний период существования Общества пособия местным отделам составили всего лишь 1865,75 р.²⁹ Конфликт, разгоравшийся между центральным и Киевским отделами, обострился и «из-за ухудшения личных взаимоотношений между Н.И. Ивановым и Д.А. Скалоном» [16, с. 101–102].

Финансовый аспект работы ИРВИО. Значимым фактором при реализации того или иного проекта являлось финансовое обеспечение. Помимо вышеописанной практики пожертвований средства могли поступать из разных источников, прежде всего «ежегодных или единовременных членских взносов, пособий, доходов от продажи изданий, от лекций и чтений и случайных поступлений»³⁰. Ежегодные членские взносы составляли 5 р. для действительных членов и 3 р. для членов-сотрудников³¹. Для сравнения: в ИРИО на основании положений Устава, действующего с мая 1866 года по апрель 1910-го, ежегодный взнос для действительных членов должен был быть не менее 10 р.³² По замечанию председателя

ИРВИО Д.А. Скалона, членские взносы давали в среднем не более 1 тыс. р. в год, что могло обеспечить только текущие расходы Общества. Поэтому он был вынужден обратиться в Главный штаб с просьбой об ассигновании пособия Обществу на издательские и научные расходы в размере 10 тыс. р. в год³³. «Ввиду безусловной пользы»³⁴ ходатайство было удовлетворено. По подсчетам В.А. Дьякова, «в общей сумме прихода за пять лет правительственные пособия составляли около 70 % (84514 руб.)» [7, с. 281]. Несмотря на помощь со стороны государства, проблемы с финансированием оставались, что затрудняло реализацию некоторых проектов.

В июле 1910 года Одесский отдел ИРВИО обратился с ходатайством к начальнику Главного штаба Н.Г. Кондратьеву о разрешении совершить историческую экскурсию в Болгарию членам отдела в составе 30 чел. для изучения мест военной славы времен Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Данное прошение было отклонено. В качестве одной из причин указывалось, что поездка русских офицеров вызовет ответные визиты, что неизбежно приведет к новым расходам³⁵.

Работа ИРВИО по сохранению памяти о военных событиях российской истории. Наиболее активный период деятельности ИРВИО совпал с рядом юбилеев важнейших событий военной истории. Обилие памятных дат послужило образованию в 1909 году особой комиссии, которой предстояло осуществить отбор наиболее значимых военных со-

²⁷РГВИА. Ф. 390. Оп. 1. Д. 1. Л. 106.

²⁸Там же. Ф. 1825. Оп. 1. Д. 2. Л. 64.

²⁹Первые пять лет деятельности Императорского Русского военно-исторического общества. 1907–1912 гг. С. 50.

³⁰Устав Императорского Русского военно-исторического общества. С. 11.

³¹Первые пять лет деятельности Императорского Русского военно-исторического общества. 1907–1912 гг. С. 55.

³²Императорское Русское историческое общество (1866–1916). С. 128.

³³РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3028. Л. 65.

³⁴Там же. Д. 3288. Л. 3 об.

³⁵Там же. Д. 3391. Л. 23.

бытий и разработать порядок их празднования. В сентябре того же года непосредственным руководителем этого органа стал председатель Московского отдела ИРВИО В.Г. Глазов. В докладе по Главному штабу отмечалось, что «историческая оценка событий была исполнена комиссией при участии Императорского Русского военно-исторического общества»³⁶.

Среди юбилеев героического прошлого размахом и торжественностью отличались 200-летие Полтавской битвы и 100-летие Отечественной войны 1812 года. ИРВИО активно участвовало в разработке и реализации торжественных сценариев, а ряд его членов входил в состав межведомственных комиссий, на которые возлагалось решение важнейших организационных вопросов. Это свидетельствует о том, что ИРВИО оказывало непосредственное влияние не только на отбор вспоминаемых событий, но и на способы коммеморации.

ИРВИО как военно-научное сообщество активизировало изучение и популяризацию военной истории. Это нашло отражение прежде всего в издании научно-популярных трудов для армии и широких слоев населения. Первые подобные брошюры членов Общества были посвящены событиям Северной войны и Прутского похода. В сентябре 1911 года по инициативе Совета ИРВИО началось обсуждение вопросов о подготовке аналогичного издания по Русско-турецкой войне 1806–1812 годов³⁷. Г.С. Габаев в своих воспоминаниях подчеркивал, что «издательская деятельность общества особенно развивалась перед юбилеем Отечественной войны»³⁸.

Не меньшее значение ИРВИО придавало монументальной форме коммеморации. По инициативе Общества были сооружены памятные доски в честь 300-летия освобождения от по-

ляков Свято-Троицкой Сергиевой лавры, памятники И.И. Искре и В.Л. Кочубею в Киеве, А.В. Суворову в Римнике, организован сбор средств на строительство памятника А.С. Фигнеру в Санкт-Петербурге и др.

Для сохранения памяти о войнах ИРВИО активно использовало и топонимическую коммеморацию. По инициативе Общества Министерство путей сообщения решило переименовать 8 станций Брестской, Риго-Орловской и Николаевской дорог в память о юбилее Отечественной войны 1812 года. Так на карте появились станции Василисино, Царево-Займище, Семлево, Лубино, Березина-Переправа, Островно, Кульнево и Клястица. На всех объектах предполагалось размещение досок с краткой историей событий, в память о которых они были названы³⁹.

С целью популяризации военного прошлого ИРВИО также организовывало публичные лекции и чтение докладов, посвященных различным военным кампаниям – 100-летию Русско-шведской войны 1808–1809 годов, 200-летию Полтавской битвы, 300-летию осады Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 25-летию Кушкинского боя и др.

Таким образом, становлению ИРВИО как одного из важнейших акторов политики памяти способствовал ряд юбилейных событий начала XX века, поскольку именно «юбилеи являются важнейшими формами и способами институционализации памяти» [17, с. 20]. Для увековечивания памяти о подвигах русского воинства ИРВИО использовало различные формы коммеморации, но в приоритете были те, что способны сохранить память на «долгие годы и оставить след в науке»⁴⁰. Коммеморативные практики Общества не только отличались разнообразием форм, но и были направлены на разные социальные слои российского общества.

³⁶РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3338. Л. 12 об.

³⁷Там же. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1047. Л. 1.

³⁸ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 7–7 об.

³⁹Там же. Ф. 1070. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 25 об.

⁴⁰Там же. Ф. 1001. Оп. 1. Ед. хр. 283. Л. 7.

Заключение. Императорское Русское военно-историческое общество, возникнув в условиях острой критики Русской армии, смогло сформировать разветвленную структуру и многочисленный состав участников, а также привлечь денежные средства для реализации коммеморативных проектов. Сам факт создания ИРВИО свидетельствовал об изменениях в области политики памяти Российской империи. Событиям военной истории и до 1907 года отводилось значительное место в пространстве памяти российского государства. Однако только с момента учреждения Общества можно говорить о попытках государственной власти выработать единую линию в символической политике, использовать память о войнах для интеграции всего населения.

Публикация архивных документов, научно-популярных изданий, организация лекций и экскурсий, содействие сооружению памятников позволили поставить на качественно новый уровень теоретические разработки военной истории, а также содействовали популя-

ризации доблестных подвигов Русской армии и воспитанию у населения любви к Отечеству. Начавшаяся Первая мировая война привела к снижению активной деятельности ИРВИО, а революция 1917 года – к его закрытию. Тем не менее за короткий период своего существования Общество добилось признания не только в армейской среде, но и в научном сообществе. Деятельность ИРВИО способствовала актуализации в памяти российского общества различных страниц военной истории. Благодаря его усилиям получили свое развитие многие коммеморативные практики, которые в настоящее время задействованы РВИО в патриотической работе.

Достаточно перспективными являются дальнейшее изучение форм коммеморации ИРВИО и использование его опыта в современной России для воспитания молодого поколения в духе патриотизма. Отдельного исследования также требует сравнение деятельности ИРВИО с другими акторами в области сохранения исторической памяти о войнах и их героях.

Список литературы

1. Политика памяти в России – региональное измерение: коллектив. моногр. / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2023. 471 с.
2. Feindt G., Krawatzek F., Mehler D., Pestel F., Trimçev R. Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies // *Hist. Theory*. 2014. Vol. 53, № 1. P. 24–44. <https://doi.org/10.1111/hith.10693>
3. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // *Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр.* / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–53.
4. Батищев Р.Ю. Память о войнах и «войны памяти» в современных memory studies: основные подходы к изучению и ключевые акторы // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2, № 1. С. 34–42. <https://doi.org/10.15826/tetm.2021.1.005>
5. Малинова О.Ю., Миллер А.И. Введение. Символическая политика и политика памяти // *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сб. ст.* / под ред. В.В. Лапина, А.И. Миллера. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2021. С. 7–37.
6. Кочетков А.Н. Русское военно-историческое общество (1907–1914) // *Воен.-ист. журн.* 1965. № 9. С. 94–99.
7. Дьяков В.А. О возникновении, составе и деятельности Русского военно-исторического общества (1907–1917 гг.) // *Проблемы истории общественного движения и историографии: сб. ст. к 70-летию акад. М.В. Нечкиной.* М.: Наука, 1971. С. 275–288.
8. Бориснев С.В. Деятельность Императорского русского военно-исторического общества. 1907–1917 гг. // *Воен.-ист. журн.* 2007. № 5. С. 43–47.

9. Успенская С.В. Фонд «Императорское Русское Военно-историческое Общество»: обеспечение сохранности документов и перспективы использования (из Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи): дис. ... канд. культурологии. М., 2000. 176 с.

10. Смирнова М.А. Создание и начало работы Императорского Русского военно-исторического общества в дневниках В.С. Савонько // Источниковедение в современных исторических исследованиях: К юбилею Николая Георгиевича Рогулина. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2015. С. 65–71. (Тр. ист. фак. СПбГУ; Т. 24).

11. Самошенко В.Н., Петрова Н.А. Научно-издательская деятельность Русского военно-исторического общества // Издание исторических документов в СССР (вопросы истории, теории и методики): сб. науч. тр. М.: ВНИИДАД, 1989. С. 197–211.

12. Гольшев А.И. Императорское Русское военно-историческое общество в Псковской губернии // Псков. воен.-ист. вестн. 2016. № 2. С. 37–42.

13. Митрофанов В.В. Связи С.Ф. Платонова с Русским военно-историческим обществом // Вестн. Нижегород. гос. ун-та. 2012. № 4. С. 15–19.

14. Акоева Н.Б., Денисов Н.Г., Карапетян Л.А. Страницы истории Императорского Русского военно-исторического общества // Былые годы. 2018. Т. 47, № 1. С. 402–410.

15. Шестопалова А.С. Императорское Русское военно-историческое общество: к историографии проблемы // Омск. науч. вестн. Сер.: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 4. С. 39–45. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2022-7-4-39-45>

16. Бориснев С.В. Русское военно-историческое общество (1907–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 278 с.

17. Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев / под ред. О.С. Поршневой, Н.Н. Баранова, В.Н. Земцова. М.: Полит. энцикл., 2020. 551 с.

References

1. Miller A.I., Malinova O.Yu., Efremenko D.V. (eds.). *Politika pamyati v Rossii – regional'noe izmerenie* [Politics of Memory in Russia: A Regional Dimension]. Moscow, 2023. 471 p.

2. Feindt G., Krawatzek F., Mehler D., Pestel F., Trimčev R. Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies. *Hist. Theory*, 2014, vol. 53, no. 1, pp. 24–44. <https://doi.org/10.1111/hith.10693>

3. Malinova O.Yu. Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [Politics of Memory as an Area of Symbolic Politics]. Miller A.I., Efremenko D.V. (eds.). *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological Issues of Studying the Politics of Memory]. Moscow, 2018, pp. 27–53.

4. Batishchev R.Yu. Pamyat' o voynakh i “voyny pamyati” v sovremennykh memory studies: osnovnye podkhody k izucheniyu i klyuchevye aktory [War Memory and “Memory Wars” in Modern Memory Studies: The Main Approaches and Key Actors]. *Tempus et Memoria*, 2021, vol. 2, no. 1, pp. 34–42. <https://doi.org/10.15826/tetm.2021.1.005>

5. Malinova O.Yu., Miller A.I. Vvedenie. Simvolicheskaya politika i politika pamyati [Introduction. Symbolic Politics and the Politics of Memory]. Lapin V.V., Miller A.I. (eds.). *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoy Rossii i Vostochnoy Evrope* [Symbolic Aspects of the Politics of Memory in Russia and Eastern Europe Today]. St. Petersburg, 2021, pp. 7–37.

6. Kochetkov A.N. Russkoe voenno-istoricheskoe obshchestvo (1907–1914) [Russian Military Historical Society (1907–1914)]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*, 1965, no. 9, pp. 94–99.

7. D'yakov V.A. O voznikovenii, sostave i deyatelnosti Russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva (1907–1917 gg.) [On the Establishment, Members and Activities of the Russian Military Historical Society (1907–1917)]. *Problemy istorii obshchestvennogo dvizheniya i istoriografii* [Issues of the History of Social Movements and Historiography]. Moscow, 1971, pp. 275–288.

8. Borisnev S.V. Deyatel'nost' Imperatorskogo russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva. 1907–1917 gg. [Activities of the Imperial Russian Military Historical Society. 1907–1917]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*, 2007, no. 5, pp. 43–47.

9. Uspenskaya S.V. *Fond "Imperatorskoe Russkoe Voенно-istoricheskoe Obshchestvo": obespechenie sokhrannosti dokumentov i perspektivy ispol'zovaniya (iz Arkhiva Voенно-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi)* [Foundation "Imperial Russian Military Historical Society": Ensuring the Safety of Documents and Their Prospects for Use (from the Archives of the Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps): Diss.]. Moscow, 2000. 176 p.

10. Smirnova M.A. Sozdanie i nachalo raboty Imperatorskogo Russkogo voенно-istoricheskogo obshchestva v dnevnikh V.S. Savon'ko [The Creation and Commencement of the Work of the Imperial Russian Military Historical Society, According to the Diaries of V.S. Savonko]. *Istchnikovedenie v sovremennykh istoricheskikh issledovaniyakh: K yubileyu Nikolaya Georgievicha Rogulina* [Source Study in Modern Historical Research: To Nikolai G. Rogulin's Anniversary]. St. Petersburg, 2015, pp. 65–71.

11. Samoshenko V.N., Petrova N.A. Nauchno-izdatel'skaya deyatelnost' Russkogo voенно-istoricheskogo obshchestva [Scholarly and Publishing Activities of the Russian Military Historical Society]. *Izдание istoricheskikh dokumentov v SSSR (voprosy istorii, teorii i metodiki)* [Publication of Historical Documents in the USSR (Questions of History, Theory and Methodology)]. Moscow, 1989, pp. 197–211.

12. Golyshov A.I. Imperatorskoe voенно-istoricheskoe obshchestvo v Pskovskoy gubernii [The Imperial Russian Military-Historical Society in Pskov Province]. *Pskovskiy voенно-istoricheskiy vestnik*, 2016, no. 2, pp. 37–42.

13. Mitrofanov V.V. Svyazi S.F. Platonova s Russkim voенно-istoricheskim obshchestvom [Contacts of S.F. Platonov with Russian Military Historical Society]. *Vestnik Nizhneartovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 4, pp. 15–19.

14. Akoeva N.B., Denisov N.G., Karapetyan L.A. Stranitsy istorii Imperatorskogo Russkogo voенно-istoricheskogo obshchestva [Pages of History of Imperial Russian Military and Historical Society]. *Bylye gody*, 2018, vol. 47, no. 1, pp. 402–410.

15. Shestopalova A.S. Imperial Russian Military Historical Society: To Historiography of the Problem. *Omsk Sci. Bull. Ser. Soc. Hist. Mod.*, 2022, vol. 7, no. 4, pp. 39–45 (in Russ.). <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2022-7-4-39-45>

16. Borisnev S.V. *Russkoe voенно-istoricheskoe obshchestvo (1907–1917 gg.)* [Russian Military Historical Society (1907–1917): Diss.]. Moscow, 1996. 278 p.

17. Porshneva O.S., Baranov N.N., Zemtsov V.N. (eds.). *Voyna, politika, pamyat': Napoleonovskie voyny i Pervaya mirovaya voyna v prostranstve yubileev* [War, Politics, Memory: Napoleonic Wars and World War I in the Context of Anniversaries]. Moscow, 2020. 551 p.

Информация об авторе

А.С. Лизогуб – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (адрес: 644077, г. Омск, просп. Мира, д. 55-А).

Поступила в редакцию 21.11.2023

Одобрена после рецензирования 05.02.2024

Принята к публикации 12.02.2024

Information about the author

Anna S. Lizogub, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. at the Department of Russian History, Sociology and Political Studies, Dostoevsky Omsk State University (address: prosp. Mira 55-A, Omsk, 644077, Russia).

Submitted 21 November 2023

Approved after reviewing 5 February 2024

Accepted for publication 12 February 2024

Сорокин А.А.

Дискуссии об избирательных правах должностных лиц крестьянского самоуправления в земстве...

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 2. С. 16–26.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 16–26.

Научная статья

УДК 94(47).081+34.047

DOI: 10.37482/2687-1505-V330

Дискуссии об избирательных правах должностных лиц крестьянского самоуправления в земстве в конце XIX века

Александр Анатольевич Сорокин

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,

e-mail: skaliger1989@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1710-0801>

Аннотация. В настоящей статье исследуется процесс обсуждения земскими собраниями циркулярного запроса Министерства внутренних дел о возможности введения запрета избираться волостным старшинам и волостным писарям в земские гласные. На материалах журналов и постановлений земских собраний, а также докладов земских управ выделяются основные точки зрения по данному вопросу. Рассматривается 5 точек зрения земских собраний и земских управ: сохранение избирательных прав волостных старшин и волостных писарей, сохранение избирательных прав волостных старшин, лишение избирательных прав волостных старшин, лишение избирательных прав волостных писарей, лишение избирательных прав волостных старшин и волостных писарей. Приводятся основные аргументы представителей земства за сохранение (доверие избирателей, хорошее знание нужд крестьянского населения) или лишение (зависимое положение от состоящих гласными земских начальников, сложность совмещения деятельности гласного с должностными обязанностями в крестьянском управлении) избирательных прав указанных должностных лиц крестьянского самоуправления. Выявлены инициативы земства по внесению дополнительных корректив в статьи Положения о губернских и уездных земских учреждениях для защиты прав гласных от крестьян при осуществлении ими полномочий гласных (ограничение дискреционной власти земских участковых начальников, введение запрета избираться земским начальникам в земские гласные). Показаны процессы обсуждения и критика этих инициатив. В научный оборот впервые вводится докладная записка директора Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, в которой представлены распределение позиций земств по вопросу об избирательных правах волостных старшин и волостных писарей на земских выборах и предложения руководства департамента по решению данного вопроса.

Ключевые слова: земские выборы, избирательные права крестьян, волостной писарь, волостной старшина, Министерство внутренних дел Российской империи, Положение о губернских и уездных земских учреждениях

Для цитирования: Сорокин, А. А. Дискуссии об избирательных правах должностных лиц крестьянского самоуправления в земстве в конце XIX века / А. А. Сорокин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 16-26. – DOI 10.37482/2687-1505-V330.

Original article

Discussions on the Electoral Rights of Peasant Self-Government Officials in the Zemstvo in the Late 19th Century

Aleksandr A. Sorokin

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia,
e-mail: skaliger1989@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1710-0801>

Abstract. This article examines the discussions by the zemstvo assemblies of the circular request of the Ministry of Internal Affairs about the possibility of banning volost elders and volost clerks from being elected as zemstvo deputies. Based on the materials of minute books and resolutions of the zemstvo assemblies, as well as reports of the zemstvo administrations, the main points of view on this issue are singled out. Five standpoints of the zemstvo assemblies and zemstvo administrations are considered here: to preserve the right of volost elders and volost clerks to be elected, to preserve the right of volost elders to be candidates, to ban volost elders from being candidates, to ban volost clerks from being candidates, and to ban volost elders and volost clerks from being candidates. The article provides key arguments of zemstvo representatives for preserving (voters' trust and good knowledge of the needs of the peasant population) or abolishing (dependence on the land captains who are zemstvo deputies and difficulty of combining the work as a deputy with the official duties in the peasant administration) the right to be elected for the abovementioned officials in peasant self-government. Further, the paper presents zemstvo initiatives to introduce additional changes to the articles of the Statute on Zemstvo Institutions in order to protect the rights of peasant zemstvo deputies when executing their duties as such (restricting the discretionary power of land captains and banning land captains from being elected as zemstvo deputies). The discussion of these initiatives and their criticism are presented. Furthermore, a memorandum by the head of the Economy Department of the Ministry of Internal Affairs is introduced into academic discourse, demonstrating the distribution of the standpoints of the zemstvos on the right of volost elders and volost clerks to be candidates in zemstvo elections and the suggestions of the department's leadership on how to solve this issue.

Keywords: *zemstvo elections, peasant electoral rights, volost clerk, volost elder, Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, Statute on Zemstvo Institutions*

For citation: Sorokin A.A. Discussions on the Electoral Rights of Peasant Self-Government Officials in the Zemstvo in the Late 19th Century. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 16–26. DOI: 10.37482/2687-1505-V330

Изучение диалога власти и общества в вопросах, какими должны быть подходы к формированию выборных институтов самоуправления, представляется важной и актуальной исследовательской задачей применительно к российской истории конца XIX – начала XX века. Принятие в 1890 году нового Положения о губернских и уездных земских учреждениях существенно изменило земскую избира-

тельную систему и вызвало очередную волну дискуссий о дальнейшей ее реформе в земстве и периодической печати. Это было связано с тем, что земские выборы становились сословными и такие перемены особенно затронули крестьян: отныне они могли избирать своих гласных только из своей среды, причем не напрямую, а посредством выбора определенного количества кандидатов, часть которых затем

утверждалась губернатором в звании земских гласных.

Направленные официальным путем ходатайства земского и городского самоуправления о введении некоторых изменений в избирательное законодательство побудили Министерство внутренних дел на рубеже XIX–XX веков подготовить несколько циркулярных запросов для сбора фактического материала, который мог бы стать основой для последующих корректив отдельных статей Положения о губернских и уездных земских учреждениях. 9 июля 1897 года губернаторам земских губерний был разослан циркуляр за подписью товарища министра внутренних дел князя А.Д. Оболенского по возможным изменениям отдельных статей Положения. Одной из предложенных к обсуждению тем было устранение волостных старшин и писарей от участия в качестве гласных в заседаниях земских собраний¹.

Данная проблема еще не становилась предметом специального изучения. Вместе с тем вопрос о возможном сокращении круга лиц, из числа которых могли избираться гласные от крестьян, был очень важен, поскольку значительная часть таких гласных одновременно занимала должности и в сфере крестьянского самоуправления, за счет чего обеспечивалась коммуникация между уездным земством и крестьянской общиной.

Несмотря на то, что в целом институт земских выборов этого периода был рассмотрен как российскими [1–3], так и зарубежными [4–7] исследователями, акцент в данных работах больше делался на анализе норм Положения о губернских и уездных земских учреждениях. Проекты же по его реформе, относящиеся к концу XIX – началу XX века, изучены еще довольно фрагментарно, – и такие труды посвящены проблеме реализации избирательных прав отдельных категорий населения и модернизации цензовых начал [8–10]. При этом необ-

ходимо отметить ряд ценных наблюдений и выводов, имеющих непосредственное отношение к интересующей нас проблеме. Так, Г.Б. Азаматова указывает, что с начала 1890-х годов часть земских гласных одновременно являлась и земскими участковыми начальниками, которые стали выступать фактическими посредниками между земством и подчиненными им институтами крестьянского самоуправления, в результате чего активность волостных старшин и писарей в земстве стала падать [11, с. 83]. По данным А.М. Субботиной, имеющийся у кандидатов в гласные из числа крестьян опыт службы в сельской и волостной администрации, а также опыт участия в земских собраниях предыдущих созывов был важным критерием для губернатора при утверждении в гласные: примерно половина крестьян совмещала звание гласных со службой на разных должностях [12, с. 187, 189].

Исходя из этого, целью настоящей статьи является устранение вышеуказанной историографической лакуны путем определения сущности дискуссий в земствах по вопросу об устранении отдельных категорий должностных лиц крестьянского самоуправления от участия в земских выборах. Типологический метод позволит нам показать точки зрения отдельных земств, представить особенности их позиций и на материалах делопроизводства Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел проследить дальнейшую судьбу земских предложений. Это поможет существенно уточнить имеющиеся в науке данные о направлениях работы по корректировке земского избирательного законодательства, которая велась Министерством внутренних дел на рубеже XIX–XX веков, а также о политических позициях отдельных земств.

Отметим, что отдельные ходатайства об устранении из числа земских гласных должностных лиц крестьянского самоуправления направлялись еще до пересмотра Положения о земских учреждениях, последовавшего в 1890 году.

¹Рос. гос. ист. арх. (РГИА). Ф. 1287. Оп. 27. Д. 295. Л. 1.

Так, в 1879 году Смоленское губернское земское собрание ходатайствовало о запрещении избираться в гласные волостным старшинам (ввиду того, что по характеру своей деятельности они являются де-факто представителями сельской полиции и их отлучки на время сессий земских собраний пагубно сказываются на положении дел в подчиненных им волостях), а в 1881 году – и волостным старшинам, и волостным писарям, пока они подчинены единоличной власти исправников². Аналогичное постановление в 1882 году было принято Калужским губернским земским собранием в отношении волостных старшин и писарей, а также сельских старост и сборщиков податей³.

В ходе обсуждения поставленных циркуляром вопросов часть земств выступила за сохранение избирательных прав и волостных старшин, и волостных писарей. Так, Новохоперское и Павловское уездные земские собрания объясняли это тем, что участие старшин и писарей в работе земских собраний приносит много пользы, поскольку они являются грамотными и по роду своей деятельности хорошо знакомы с нуждами местного населения⁴. Та же позиция была у большинства уездных земских собраний Псковской и Новгородской губерний⁵.

Таврический губернский гласный В.К. Сахновский подчеркивал, что избрание в гласные является свидетельством выражения доверия, поэтому устранение будет ограничением прав всех крестьян. Кроме того, он подчеркивал, что в уездах и так становится меньше достойных людей, а также курьезность предла-

гаемого ограничения (за счет приравнивания волостных старшин и писарей к состоящим под следствием и судом и другим категориям лиц, не имеющих избирательных прав): «Зачем налагать руку на собственное право избирать то или другое лицо, раз общество находит его подходящим, будь оно писарь или старшина?»⁶

Позиция Воронежской губернской земской управы заключалась в том, что волостные старшины и писари на практике являются «лучшими людьми в своей среде». Отмечая, что в земстве они находятся в зависимом положении вследствие субординационных отношений с земскими начальниками, управа указывала на отсутствие гарантий, что в случае лишения их избирательных прав обычные крестьяне не окажутся в том же положении. Существовал риск, что с исключением волостных старшин и писарей из состава земских собраний и так слабое крестьянское представительство в земстве станет крайне незначительным. Поэтому предлагалось сохранить их избирательные права, но при условии устранения давления со стороны администрации на гласных от крестьян вообще и на должностных лиц крестьянского самоуправления в частности⁷.

В докладе Вытегорской уездной земской управы отмечалось, что председатели уездных земских собраний, одновременно являясь и председателями уездных съездов, своим присутствием также могут влиять на находящихся в их подчинении лиц, круг которых весьма широк, в результате чего исчезает свобода мнений

²Журналы чрезвычайного Смоленского губернского земского собрания заседаний 28 и 29 апреля 1898 года. Смоленск, 1898. С. 3–4.

³Свод постановлений Калужского губернского земского собрания за 40 лет / сост. А. Журавлев. Калуга, 1907. С. 6.

⁴Журналы Воронежского губернского земского собрания очередного созыва 2–19 декабря 1897 г. Воронеж, 1898. Л. 102 об.

⁵Постановления XXXIII очередного Псковского губернского земского собрания в съезде 2–13 декабря 1897 года. Псков, 1898. С. 18; РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. 1899 г. Д. 2550. Л. 4 об. – 11 об.

⁶Журналы заседаний Таврического губернского земского собрания XXXII очередной сессии 15–25 января 1898 года. Симферополь, 1898. С. 50.

⁷Журналы Воронежского губернского земского собрания очередного созыва 2–19 декабря 1897 г. Л. 102 об. – 103.

при обсуждении вопросов (при этом сама управа все же выступала за устранение волостных старшин и писарей)⁸.

Мнение Новгородской губернской земской управы сводилось к тому, что Положение 1890 года установило сословные выборы: «Принцип этот едва ли согласуется с понятием о земстве как о всеобщем учреждении, призванном заведовать хозяйственной частью данной местности». Поэтому предлагалось не устранять волостных старшин и писарей из числа земских гласных и на гласных из крестьян налагать наказания только по решению уездных съездов с возможностью обжалования в губернском присутствии⁹. Такая же инициатива исходила от Смоленской губернской земской управы¹⁰.

О необходимости защиты прав волостных старшин и писарей ходатайствовала и Псковская губернская земская управа, по докладу которой губернское земское собрание приняло постановление о том, что крестьяне в период их службы гласными могут быть подвергнуты административным взысканиям только по решению уездных съездов и с возможностью их обжалования (по предложению группы гласных, в состав которой вошли президент Вольного экономического общества, будущий создатель «Союза 17 октября» граф П.А. Гейден, В.В. Ковалевский, Н.П. Фон-дер-Ропп и др.). Этот порядок предлагалось распространить на всех гласных из крестьян, а не только на должностных лиц¹¹.

Костромская губернская земская управа заключала, что помимо волостных старшин и писарей в служебной зависимости от земских

начальников находятся сельские старосты и волостные судьи. Устранение всех этих лиц повлекло бы за собой лишение пассивного избирательного права порядка 3 тыс. чел. в губернии, причем, по оценкам управы, «лучших и сравнительно более развитых» из крестьян, что фактически уничтожило бы и без того незначительное крестьянское представительство в земстве¹². Поэтому выход виделся в том, чтобы ходатайствовать об устранении из числа гласных самих земских начальников (как уже было законодательно зафиксировано для чинов полиции и отдельных членов администрации), однако по решению председателя губернского земского собрания данный вопрос не был допущен к голосованию¹³.

Газета «Неделя» поддерживала позицию костромского земства. В ней отмечалось, что земские начальники «несомненно являются чиновниками администрации», как и губернатор, вице-губернатор, становой пристав, уездный исправник. Также подчеркивалось, что недовольство земских начальников членами крестьянского самоуправления в земских собраниях «нередко влекло за собою весьма серьезные последствия для тех лиц, которые имели несчастье вызвать начальнический гнев». Поэтому ходатайство костромского земства приобрело «действительно весьма важное, жизненное значение»¹⁴.

В отличие от костромского земства уфимское смогло провести схожее решение по данному вопросу. Уфимская губернская земская управа настаивала на том, что не следует ослаблять и без того ограниченное крестьянское

⁸Журналы Олонцкого губернского земского собрания и доклады управы XXXI очередной сессии с 15 января по 1 февраля 1898 г. Петрозаводск, 1898. С. 218–219.

⁹РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. 1899 г. Д. 2550. Л. 13, 18 об.

¹⁰Журналы чрезвычайного Смоленского губернского земского собрания заседаний 28 и 29 апреля 1898 года. С. 5.

¹¹Постановления XXXIII очередного Псковского губернского земского собрания в съезде 2–13 декабря 1897 года. С. 18–19.

¹²Постановления Костромского очередного губернского земского собрания сессии 1897 г. Кострома, 1898. С. 159.

¹³Там же. С. 28, 159.

¹⁴Неделя. 1897. 14 дек.

представительство, поэтому единственный выход в условиях необходимости охраны интересов крестьянского населения и «свободного течения дел в земских собраниях» – устранение из земских собраний земских начальников. Губернское земское собрание поддержало предложение управы¹⁵. Аналогичное постановление было принято и Олонецким губернским земским собранием¹⁶.

Отметим, что не все земские деятели подерживали идею защиты крестьянского голоса в земстве за счет ограничения дискреционной власти или избирательных прав земских начальников. Так, рязанский губернский гласный, известный ученый-химик Л.Н. Шишков заявлял, что данная мера «повлечет к большому злу», а что касается влияния со стороны земских начальников, то гласные, принимая присягу, уже обязуются «действовать по совести своей»¹⁷. Ряд харьковских губернских гласных находил, что утверждение о каком-либо влиянии земских начальников на волостных старшин в принципе неверно, поскольку действуют они исключительно в рамках «насаждения правового порядка в деревне». Дополнялось, что экономическая зависимость отдельных крестьян от местных землевладельцев зачастую сильнее административной¹⁸.

Дискуссии были и по вопросу об избирательных правах волостных старшин. Так, воронежский губернский гласный А.В. Стрижевский объяснял необходимость лишения

их избирательных прав тем, что они являются «покорными слугами земских начальников»¹⁹. Новгородское уездное земское собрание исходило из того, что «ввиду сложных и многообразных обязанностей, которые в настоящее время несут означенные старшины, отлучки на время заседаний очередных земских собраний могут быть для них неудобными по отношению к исполнению должностных обязанностей»²⁰. Часть пермских губернских гласных утверждала, что волостные старшины по своему функционалу соответствуют полицейской должности (п. 4 ст. 26 Положения о земских учреждениях исключал возможность избрания полицейских чинов в гласные) и будут полностью занимать места гласных от крестьян, не давая другим крестьянам проявить себя²¹.

Воронежский уездный предводитель дворянства И.Т. Алисов, напротив, предлагал сохранить избирательные права волостных старшин, но при условии изъятия у них полицейских обязанностей²². Рядом уездных земств старшины воспринимались как «лица более развитые из среды крестьянского населения» и полезные при рассмотрении в земских собраниях вопросов, касающихся крестьянского быта²³. Крестецкое уездное земское собрание устранение волостных старшин признало «наносающим более вреда, чем пользы, так как эти собрания служат им школою для изучения земской жизни во всех ее проявлениях»²⁴.

¹⁵Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания. XXIII очередное собрание 1897 года. Уфа, 1898. С. 121, 716.

¹⁶Журналы Олонецкого губернского земского собрания и доклады управы XXXI очередной сессии с 15 января по 1 февраля 1898 г. II паг. С. 74.

¹⁷XXXIII очередное Рязанское губернное земское собрание 1897–1898 гг. Рязань, 1898. Т. 2. С. 219–220.

¹⁸Журналы очередного Харьковского губернского земского собрания с 2 по 19 декабря 1898 года включительно с приложениями к ним. Харьков, 1899. С. 41–42.

¹⁹Журналы Воронежского губернского земского собрания очередного созыва 2–19 декабря 1897 г. Л. 46–47.

²⁰РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. 1899 г. Д. 2550. Л. 4 об.

²¹Журналы Пермского губернского земского собрания XXVIII очередной сессии. Пермь, 1898. С. 76–77.

²²Журналы Воронежского губернского земского собрания очередного созыва 2–19 декабря 1897 г. Л. 47.

²³Постановления Костромского очередного губернского земского собрания сессии 1897 г. С. 157.

²⁴РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. 1899 г. Д. 2550. Л. 5.

Арзамасское уездное земское собрание находило при этом желательным предоставить волостным старшинам право в случае избрания гласным отказаться от должности, хотя бы и ранее истечения трехлетия²⁵.

В Нижегородском уездном земском собрании будущий октябрист А.А. Остафьев заключал, что, поскольку по закону административные лица не могут участвовать в земских собраниях в качестве гласных, следовало бы волостным старшинам и земским начальникам в случае избрания их гласными выходить в отставку²⁶. Будущий кадет Р.Ю. Будберг, сам служивший земским начальником, замечал, что если земство признает факт воздействия земских начальников на волостных старшин, то логичнее было бы лишиться избирательных прав именно земских начальников²⁷. Белозёрская уездная земская управа при этом находила, что устранение и волостных старшин, и земских начальников – паллиатив, но более приемлемым было бы устранение земских начальников, потому что «при настоящем положении сельского управления они могут оказывать влияние на всякого представителя сельского общества»²⁸.

Нижегородская губернская земская управа, соглашаясь с доводами ряда земств о том, что должностные лица крестьянского самоуправления находятся в административной подчиненности у земских начальников, отмечала, что в подчинении у них пребывают не только должностные лица, но и вообще все крестьяне. В связи с этим предлагалось ходатайствовать об изменении законодательства в целях повышения независимости крестьянских гласных. Потому управа высказалась за сохранение волостных старшин в числе гласных при условии корректировок

ст. 62 и 64 Положения о земских участковых начальниках (чтобы взыскания налагались только уездным съездом и могли быть обжалованы в губернском присутствии), а также за возбуждение ходатайства по заключению Балахнинского уездного земского собрания об освобождении крестьянских гласных на время исполнения обязанностей гласных от действия ст. 61 Положения о земских участковых начальниках²⁹.

В Нижегородском губернском земском собрании доклад управы вызвал дискуссию. Гласный от Арзамасского уезда земский начальник Д.В. Хотяинцев заметил, что нет оснований освобождать крестьян от взысканий на время несения обязанностей гласных, приводя в качестве аргумента то, что в земстве и земские начальники заседают со своим непосредственным руководством. В ответ часть гласных возразила, что по отношению к земским начальникам никто из губернского начальства не имеет дискреционной власти. Гласный от Княгининского уезда В.Д. Калугин подчеркнул, что «для крестьян быть гласным – тяжелая повинность», а с устранением старшин никто в гласные не пойдет. После этих прений собрание высказалось за сохранение участия в гласных волостных старшин и против волостных писарей – с условием ограничения дискреционной власти земских начальников³⁰.

Орловское губернское земское собрание, обсуждая ту же проблему, по предложению председателя управы С.А. Хвостова (апеллировавшего к соответствующему решению Московского губернского земского собрания) единогласно приняло постановление о подчинении всех гласных от крестьян на время их службы гласными не земским начальникам, а уездным съездам³¹.

²⁵XXXIII очередное Нижегородское губернское земское собрание. Н. Новгород, 1898. Ч. 1. С. 314.

²⁶Там же. С. 319–320.

²⁷Журналы Воронежского губернского земского собрания очередного созыва 2–19 декабря 1897 г. Л. 47.

²⁸РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. 1899 г. Д. 2550. Л. 11–11 об.

²⁹XXXIII очередное Нижегородское губернское земское собрание. С. 329–330.

³⁰Там же. С. 120–122.

³¹Журналы XXXII очередного Орловского губернского земского собрания. Орел, 1898. С. 133.

Другая часть земств находила, что было бы целесообразно лишить избирательных прав волостных писарей. В частности, Бобровское и Воронежское уездные земские собрания исходили из того, что писари в большинстве своем не были представителями местного населения и имели с ним мало общих интересов³². Более жесткие оценки были у орловского губернского земства: отмечалось, что приглашаемые на должность по найму писари зачастую не принадлежали к крестьянскому сословию и «по своему нравственному уровню» были мало пригодны для земской деятельности³³.

Крестецкое уездное земское собрание подчеркивало, что «заменить их в волостном правлении на то время некем»³⁴. Вельское уездное земское собрание аргументировало свою позицию тем, что при назначении писарей внимание обращается преимущественно на способность вести делопроизводство, в то время как качеств, необходимых для земских гласных, назначаемые зачастую не имеют³⁵.

Еще одна группа земств выступала за лишение пассивного избирательного права и волостных старшин, и писарей. Так, в Воронежской губернии данную позицию разделяли 8 уездных земских собраний из 12. Мотивировалось это тем, что указанные должностные лица принимали участие в работе земских собраний вместе с земскими начальниками, т. е. с теми, кому непосредственно подчинялись. Признавая, что карьера волостных старшин и писарей зависела от земских начальников, земства полагали, что в таком случае в ходе голосования в земских собраниях старшины и писари будут руковод-

ствоваться не только соображениями пользы, но и личными побуждениями³⁶. Этой же позиции придерживалось и большинство уездных земских собраний Костромской губернии³⁷.

В то же время Олонецкая губернская земская управа не смогла дать «категорического заключения» (в самой губернии за сохранение избирательных прав выступили 4 земских собрания, против – 3). Это объяснялось, с одной стороны, тем, что непосредственное подчинение волостных старшин и писарей земским начальникам стесняло свободу их деятельности как гласных (тем более что начальники имели возможность командировать их в волость во время сессий земских собраний), а с другой – что именно волостные старшины и писари были хорошо знакомы с местными нуждами³⁸.

По итогам обсуждений директор Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел 18 июня 1899 года представил министру докладную записку, в которой были проанализированы мнения земств. В ней было указано, что губернаторы 15 губерний и 64 земских собрания и управы (при этом сами губернии названы не были; данные по количеству земств, судя по всему, были приведены с учетом не только губернских, но и уездных) находят, что устранение волостных старшин из состава гласных земских собраний «ни в коем случае не может быть признано желательным». Это аргументировалось тем, что подобная мера «была бы равносильна уничтожению крестьянского представительства в земских собраниях, так как лишила бы власть возможности избирать из своей среды лучших людей»³⁹.

³²Журналы Воронежского губернского земского собрания очередного созыва 2–19 декабря 1897 г. Л. 102 об.

³³Журналы XXXII очередного Орловского губернского земского собрания. С. 137.

³⁴РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. 1899 г. Д. 2550. Л. 5.

³⁵Журналы Вологодского губернского земского собрания первой очередной сессии десятого трехлетия. Вологда, 1898. С. 210–211.

³⁶Журналы Воронежского губернского земского собрания очередного созыва 2–19 декабря 1897 г. Л. 102 об.

³⁷Постановления Костромского очередного губернского земского собрания сессии 1897 г. С. 157.

³⁸Журналы Олонецкого губернского земского собрания и доклады управы XXXI очередной сессии с 15 января по 1 февраля 1898 г. С. 224.

³⁹РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. 1899 г. Д. 2374. Л. 4–4 об.

Подчеркивалось, что волостные старшины в отличие от других должностных лиц все-сторонне знают местность и ее потребности. Вместе с тем за устранение их из числа земских гласных выступили 3 губернатора, а также 42 земских собрания и земские управы. Такая позиция сводилась к тому, что «при недостаточном культурном их развитии трудно предположить, чтобы они всегда обладали достаточным гражданским мужеством и не присоединились бы, особенно при открытой подаче голосов, к мнениям лиц, от которых они служебно зависят». Губернские власти также добавляли, что «волостные старшины, будучи гласными, отвлекаются на продолжительное время от прямых своих обязанностей в ущерб делам по волости»⁴⁰.

За устранение волостных писарей высказалось 7 губернаторов и 20 земских собраний, что объяснялось таким образом: «Волостные писаря в большинстве случаев люди пришлые, случайные, ничего общего с интересами данной местности и населением не имеющие», а отвлечение на земские собрания «может неблагоприятно отразиться на их служебной деятельности». Подчеркивалось, что, будучи зависимыми от земских начальников, волостные писари «едва ли могут быть свободны в выражении своих мнений» и «не всегда надежны с нравственной стороны». За сохранение избирательных прав волостных писарей выступили, в свою очередь, 7 губернаторов и 20 земских собраний, которые исходили из того, что писари, как и волостные старшины, тесно связаны по службе с интересами населения⁴¹.

Позиция Хозяйственного департамента по итогам рассмотрения поступивших отзывов была следующей: «При ограниченности представительства сельских обществ в земских собраниях желательно, чтобы никто из пред-

ставителей этих обществ не был устранен от участия в земских собраниях». В подготовленной для министра справке отмечалось, что волостные старшины по служебному положению хорошо знакомы с экономическими условиями своей местности и имеют возможность по своему имущественному положению посвящать время общественной службе. Кроме того, лишение их избирательных прав «может подорвать авторитет и значение их среди местного населения». Руководство департамента также исходило из того, что указание на зависимость от земских начальников «едва ли заслуживает внимания», поскольку «и люди, занимающие более высокое служебное положение, не редко следуют за вожаками своих партий, разрешая земские дела на почве партийных соображений». Следовательно, если допустить факт воздействия земских начальников и дворян на волостных старшин, то «нет основания полагать, что подобное воздействие не будет иметь места и на других крестьян, не занимающих вышеуказанные должности». В связи с этим вопрос об устранении волостных старшин «должен подлежать разрешению в отрицательном смысле»⁴².

Отчасти разделяя позицию ряда земств по устранению волостных писарей, руководство департамента отмечало, что для этого не следует специально менять существующий порядок законодательным путем, потому как практическое проведение данной меры возможно за счет ст. 51 Положения о земских учреждениях, согласно которой утверждение гласных от крестьян производится губернатором. Исходя из вышеизложенного, вносилось предложение не возбуждать пересмотра Положения в вопросе об избирательных правах волостных старшин и писарей. 22 июня министр внутренних дел в качестве резолюции на документе начертал: «Согласен»⁴³.

⁴⁰РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. 1899 г. Д. 2374. Л. 4 об. – 5 об.

⁴¹Там же. Л. 5 об. – 6.

⁴²Там же. Л. 6–7 об.

⁴³Там же. Л. 4, 7 об. – 8.

Несмотря на то, что в итоге Министерство внутренних дел не сочло необходимым внести изменения в статьи Положения, регулирующие порядок избрания в гласные (в т. ч. и перечень лиц, не имеющих права избираться), разосланный в губернии циркуляр способствовал активизации дискуссий о путях развития земской избирательной системы. В целом позиция значительной части земств сводилась к тому, что целесообразнее защитить права волостных старшин и писарей как гласных за счет ограничения дискреционной власти земских начальников (вплоть до введения запрета избираться последним в гласные, как это предлагали Костромская губернская земская упра-

ва, а также Олонецкое и Уфимское губернские земские собрания). Желание сохранить старшин и писарей в числе земских гласных было обусловлено их хорошим знанием нужд и быта крестьянского населения, а также делопроизводства. Отдельные же постановления о необходимости устранения их из числа гласных в основном были продиктованы тем обстоятельством, что волость на время сессий земских собраний могла остаться без своих ключевых должностных лиц в системе управления, а применительно к волостным писарям – их нравственными качествами, слабой связью с местным населением и отсутствием должных для гласных качеств.

Список литературы

1. Куликов В.В. Становление земского самоуправления: законодательство и практика: моногр. Киров: Аверс, 2009. 335 с.
2. Свечников Н.И., Синцов Г.В. Формирование основ земского избирательного права в период подготовки и проведения реформ местного самоуправления во второй половине XIX века: моногр. Пенза: Изд-во ПГУ, 2020. 162 с.
3. Шутов А.Ю. Земские выборы в истории России (1864–1917): исследование избирательных систем. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 212 с.
4. Emerging Democracy in Late Imperial Russia: Case Studies on Local Self-Government (the Zemstvos), State Duma Elections, the Tsarist Government, and the State Council Before and During World War I / ed. by M.S. Conroy. Niwot: Univ. Colorado Press, 1998. 316 p.
5. Porter T.E. Prince George E. L'vov: The Zemstvo, Civil Society, and Liberalism in Late Imperial Russia. Lanham: Lexington Books, 2017. 257 p.
6. The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government / ed. by T. Emmons, W.S. Vucinich. Cambridge, 1982. 452 p.
7. Wcislo F.W. Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National Politics, 1855–1914. Princeton: Princeton Univ. Press, 1990. 347 p.
8. Сорокин А.А. Дискуссии о введении образовательного ценза в земское избирательное законодательство Российской империи в начале XX в. // Вестн. МГПУ. Сер.: Ист. науки. 2022. № 4(48). С. 78–90. <https://doi.org/10.25688/20-76-9105.2022.48.4.07>
9. Сорокин А.А. Дискуссии о городском представительстве в земской избирательной системе в начале XX в. (на примере Нижегородской губернии) // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 5. С. 48–54. https://doi.org/10.52452/19931778_2022_5_48
10. Сорокин А.А. Министерство внутренних дел и вопрос о пересмотре земского избирательного законодательства на рубеже XIX–XX вв. // Историко-культурное наследие в институциональном измерении: материалы II Урал. ист.-арх. форума, посвящ. 30-летию подготовки документоведов и 20-летию подготовки специалистов в сфере туризма и гостеприимства в Урал. федер. ун-те / отв. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2022. С. 441–445.
11. Азаматова Г.Б. Земское самоуправление в многонациональном регионе России (на примере Уфимской губернии, 1874–1917 гг.). Уфа: ИИЛЯ, 2021. 362 с.
12. Субботина А.М. Социально-демографическая характеристика крестьянских гласных земских собраний 1890-х гг. По материалам Государственного архива Кировской области // Вестн. архивиста. 2017. № 4. С. 183–193. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2017-4-183-193>

References

1. Kulikov V.V. *Stanovlenie zemskogo samoupravleniya: zakonodatel'stvo i praktika* [Formation of Zemstvo Self-Government: Legislation and Practice]. Kirov, 2009. 335 p.
2. Svechnikov N.I., Sintsov G.V. *Formirovanie osnov zemskogo izbiratel'nogo prava v period podgotovki i provedeniya reform mestnogo samoupravleniya vo vtoroy polovine XIX veka* [Laying the Foundation for Zemstvo Electoral Law During the Preparation and Implementation of Local Government Reforms in the Second Half of the 19th Century]. Penza, 2020. 162 p.
3. Shutov A.Yu. *Zemskie vybory v istorii Rossii (1864–1917): issledovanie izbiratel'nykh sistem* [Zemstvo Elections in the History of Russia (1864–1917): A Study of Electoral Systems]. Moscow, 1997. 212 p.
4. Conroy M.S. (ed.). *Emerging Democracy in Late Imperial Russia: Case Studies on Local Self-Government (the Zemstvos), State Duma Elections, the Tsarist Government, and the State Council Before and During World War I*. Niwot, 1998. 316 p.
5. Porter T.E. *Prince George E. L'vov: The Zemstvo, Civil Society, and Liberalism in Late Imperial Russia*. Lanham, 2017. 257 p.
6. Emmons T., Vucinich W.S. (eds.). *The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government*. Cambridge, 1982. 452 p.
7. Weislo F.W. *Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National Politics, 1855–1914*. Princeton, 1990. 347 p.
8. Sorokin A.A. Diskussii o vvedenii obrazovatel'nogo tsenzy v zemskoe izbiratel'noe zakonodatel'stvo Rossiyskoy imperii v nachale XX v. [Discussions on the Introduction of an Educational Qualification in the Zemstvo Electoral Legislation of the Russian Empire at the Beginning of the Twentieth Century]. *Vestnik MGPU. Ser.: Istoricheskie nauki*, 2022, no. 4, pp. 78–90. <https://doi.org/10.25688/20-76-9105.2022.48.4.07>
9. Sorokin A.A. Diskussii o gorodskom predstavitel'stve v zemskoy izbiratel'noy sisteme v nachale XX v. (na primere Nizhegorodskoy gubernii) [Discussions About City Representation in the Zemstvo Electoral System in the Early XX Century (on the Example of the Nizhny Novgorod Province)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2022, no. 5, pp. 48–54. https://doi.org/10.52452/19931778_2022_5_48
10. Sorokin A.A. Ministerstvo vnutrennikh del i vopros o peresmotre zemskogo izbiratel'nogo zakonodatel'stva na rubezhe XIX–XX vv. [The Ministry of Internal Affairs and the Issue of Revising the Zemstvo Election Legislation at the Turn of the 19th Century]. Mazur L.N. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie v institutsional'nom izmerenii* [Historical and Cultural Heritage in the Institutional Dimension]. Yekaterinburg, 2022, pp. 441–445.
11. Azamatova G.B. *Zemskoe samoupravlenie v mnogonatsional'nom regione Rossii (na primere Ufimskoy gubernii, 1874–1917 gg.)* [The Zemstvo Self-Government in Russia's Multinational Regions (the Case of the Ufa Province, 1874–1917)]. Ufa, 2021. 362 p.
12. Subbotina A.M. Sotsial'no-demograficheskaya kharakteristika krest'yanskikh glasnykh zemskikh sobraniy 1890-kh gg. Po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Kirovskoy oblasti [Social and Demographic Portrait of Peasant Representative in Zemstvo in 1890s: Materials from the State Archive of the Kirov Region]. *Vestnik arkhivista*, 2017, no. 4, pp. 183–193. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2017-4-183-193>

Информация об авторе

А.А. Сорокин – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (адрес: 603022, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23).

Information about the author

Aleksandr A. Sorokin, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. at the Department of Foreign Regional Studies and Local History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (address: prosp. Gagarina 23, Nizhny Novgorod, 603022, Russia).

Поступила в редакцию 11.09.2023
Одобрена после рецензирования 07.02.2024
Принята к публикации 12.02.2024

Submitted 11 September 2023
Approved after reviewing 7 February 2024
Accepted for publication 12 February 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 2. С. 27–37.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 27–37.

Научная статья

УДК 94(47).084.3:316.485.2

DOI: 10.37482/2687-1505-V331

Убийство В.В. Воровского и процесс Конради–Полунина 1923 года в восприятии российской социалистической эмиграции

Алексей Юрьевич Суслов

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия,

e-mail: fsgtkstu@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2926-8102>

Аннотация. Предметом рассмотрения являются убийство на международной конференции в Лозанне 10 мая 1923 года руководителя советской делегации В.В. Воровского и судебный процесс Конради–Полунина в оценке представителей российской социалистической эмиграции – партии социалистов-революционеров и социал-демократов-меньшевиков. Цель статьи – изучить восприятие проблемы индивидуального политического террора в российском эмигрантском социалистическом сообществе 1920-х годов. Методологической основой выступают принципы интеллектуальной истории, позволяющие раскрыть оценку Лозаннского процесса 1923 года с точки зрения анализа противостояния, идейной борьбы отдельных политических деятелей и общественных групп за пространство внимания. Дается краткая характеристика основных работ отечественных и зарубежных историков, исследовавших гибель Воровского и суд над его убийцами. Разбираются контекст судебного процесса, реакция различных лагерей эмиграции, деятельность по организации защиты М.М. Конради и А.П. Полунина. Фиксируется официальная реакция Заграничной делегации партии социалистов-революционеров, представленная в журнале «Революционная Россия». Наибольшее внимание уделяется неопубликованной статье лидера эсеров В.М. Чернова «Оба хуже» (1923) – об итогах суда в Лозанне. Анализируются аргументация автора, его взгляды на принципиальные различия дореволюционного эсеровского террора и убийства В.В. Воровского. Чернов отмечает, что народовольческий и эсеровский террор находился в жестких морально-этических рамках, не позволявших совершать политические убийства на территории свободных демократических стран. Эсеровские террористы никогда не шли по пути наименьшего сопротивления, провозглашая идею самопожертвования. Чернов акцентирует внимание на том, что привлекать к ответственности за красный террор могут только те, кто не причастен к белому террору. В настоящей работе также оценивается реакция российской социал-демократии в эмиграции, в частности публикация лидера зарубежных меньшевиков Ф.И. Дана о Лозаннском процессе. Подчеркивается его тезис о праве только социалистических партий, без привлечения Белого движения, бороться с большевистской диктатурой. Делается вывод о принципиально единой позиции заграничных российских социалистов в деле противостояния политическому террору.

Ключевые слова: В.В. Воровский, политический террор, судебный процесс Конради–Полунина, Лозаннский процесс, партия социалистов-революционеров

Суслов А.Ю.

Убийство В.В. Воровского и процесс Конради–Полунина 1923 года...

Для цитирования: Суслов, А. Ю. Убийство В.В. Воровского и процесс Конради–Полунина 1923 года в восприятии российской социалистической эмиграции / А. Ю. Суслов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 27-37. – DOI 10.37482/2687-1505-V331.

Original article

Assassination of V.V. Vorovsky and the 1923 Trial of Conradi and Polunin as Perceived by Russian Socialist Émigrés

Aleksey Yu. Suslov

Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia,

e-mail: fsgtkstu@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2926-8102>

Abstract. The article dwells on the assassination of V.V. Vorovsky, head of the Soviet delegation at the international conference in Lausanne, on May 10, 1923 and on the trial of M. Conradi and A.P. Polunin as viewed by Russian socialist émigrés, i.e. members of the Socialist Revolutionary Party and social democrats (Mensheviks). This paper aimed to study the attitude of the socialist community of Russian émigrés towards individual political terror during the 1920s. The methodology is based on the principles of intellectual history, which allow us to shed some light on the perception of the 1923 Lausanne trial by analysing the confrontation and ideological struggle of certain political figures and civic groups for attention. The paper provides a brief description of the main works of Russian and foreign historians who studied the assassination of Vorovsky and the trial of his murderers. The context of the trial, the reaction of different émigré camps and the organization of Conradi and Polunin’s defence are analysed. The official response of the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party, reflected in the *Revolutionary Russia* journal, is noted. Particular attention is given to the unpublished article “Both Are Worse” (1923) by leader of the Russian Socialist-Revolutionary Party V.M. Chernov on the results of the trial in Lausanne. Chernov’s argumentation and his views on the fundamental differences between the pre-revolutionary Socialist Revolutionary terror and the assassination of Vorovsky are analysed. Chernov points out that Socialist Revolutionary and *Narodnaya Volya*’s terror stayed within a strict moral and ethical framework that forbade political assassinations on the territory of free democratic countries. Socialist Revolutionary terrorists had never followed the path of least resistance, proclaiming the idea of self-sacrifice. Chernov emphasizes that only those not involved in the White Terror can hold others accountable for the Red Terror. The paper considers the response of Russian social democrats abroad, in particular, leader of the émigré Mensheviks F.I. Dan’s article dedicated to the Lausanne trial. His thesis about the exclusive right of socialist parties to fight the Bolshevik dictatorship, without involving the White movement, is emphasized. A conclusion is drawn that Russian socialists abroad held a fundamentally unified position on resisting political terror.

Keywords: *V.V. Vorovsky, political terror, trial of Conradi and Polunin, Lausanne trial, Socialist Revolutionary Party*

For citation: Suslov A.Yu. Assassination of V.V. Vorovsky and the 1923 Trial of Conradi and Polunin as Perceived by Russian Socialist Émigrés. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 27–37. DOI: 10.37482/2687-1505-V331

Советский дипломат Вацлав Вацлавович Ворковский (1871–1923) был убит в отеле Cecil в г. Лозанне (Швейцария) 10 мая 1923 года. Секретарь Ворковского М.А. Дивильковский и его помощник и пресс-секретарь И.Л. Аренс также пострадали во время инцидента. Советская делегация находилась на международной конференции (она проходила в два этапа – с 21 ноября 1922 года по 5 февраля 1923-го и с 23 апреля по 24 июля 1923 года), посвященной статусу черноморских проливов, однако не имела официальных полномочий и не была допущена к заседаниям из-за противодействия Великобритании и Франции. Власти Швейцарии сочли В.В. Ворковского частным лицом, поэтому СССР не мог участвовать в судебном процессе в качестве законной стороны. Тем не менее правительства Италии, Швеции, Турции, Греции, Германии, Латвии, Литвы, Монголии, Болгарии, Эстонии, Персии и других государств, в т. ч. Ватикана, выразили правительство СССР свои соболезнования.

Убийцей В.В. Ворковского был М.М. Конради (1896–1947), эмигрант, участник Первой мировой и Гражданской войн, офицер Русской армии швейцарского происхождения. Сообщник Конради, А.П. Полуниин, также офицер и эмигрант, лично в террористическом акте не участвовал, но являлся его организатором. Судебный процесс над Конради и Полуниным (5–16 ноября 1923 года) в Лозанне завершился оправданием подсудимых. Суд счел, что Конради действовал под давлением «обстоятельств, исходивших из его прошлого».

Гибель В.В. Ворковского и процесс Конради–Полунина вызвали большой общественный резонанс и острую полемику в эмиграции, активно освещались в периодической печати, как советской, так и зарубежной. Появились брошюры адвоката Полунина Т. Обера [1, 2] и советского представителя на суде С.Б. Членова [3, 4]. Советская пропаганда связывала гибель Ворковского с империалистическими кругами стран Антанты, а также возлагала ответственность на правительство Швейцарии, не обеспечившей безопасность дипломата. По Советскому Союзу прокатилась

волна массовых акций вследствие гибели Ворковского. Еще до вердикта суда, в июне 1923 года, власти РСФСР приняли решение о полном бойкоте Швейцарии: не выдавались визы швейцарским гражданам (за исключением пролетариата) и были остановлены экономические взаимоотношения. Под давлением европейских стран, прежде всего Франции, правительство Швейцарии в 1927 году осудило убийство Ворковского и выразило сожаление по этому поводу. Бойкот был снят, однако дипломатические отношения восстановились только в 1946 году.

В 1977 году на киностудии «Ленфильм» режиссер Н.В. Розанцев снял художественный фильм «Убит при исполнении», посвященный последним дням жизни В.В. Ворковского. В 2017 году вышел документальный фильм «Дело Конради» («Die Affäre Conradi») швейцарского режиссера Х. Пфистер (преьера в Москве состоялась в посольстве Швейцарии 27 сентября 2017 года).

За прошедшее время сложилась определенная историографическая традиция. В СССР было опубликовано несколько биографических трудов о В.В. Ворковском, переизданы его философские и литературоведческие работы, статьи по вопросам внешней политики [5]. Из зарубежной историографии можно выделить монографии А. Гаттикер [6] и А. Сенна [7], а также публикации Г. Каполя [8] и Р.М. Франко [9, 10]. В современной российской исторической литературе сюжет о Ворковском так или иначе затрагивается в трудах Н.Ю. Васильевой [11], А.В. Ганина [12], Ю.В. Дойкова [13], В.П. Драгунова [14], Ю.Н. Сколяр [15], К.А. Чистякова [16, 17] и др.

В то же время стоит отметить, что существующая литература сосредоточена главным образом на юридических аспектах судебного процесса и в меньшей степени затрагивает общественно-политическую реакцию на дело Конради–Полунина в среде российской эмиграции. Только в последнее время появились работы, так или иначе анализирующие подготовку суда, защиты и обвинения, международный резонанс. Не получила научного освещения реакция различных лагерей российской эмиграции,

прежде всего неонароднического. Между тем отклики представителей левого крыла Зарубежья на процесс 1923 года и проблему политического террора вызывают безусловный интерес в плане изучения эволюции программных и тактических установок социалистов-революционеров и социал-демократов в 1920-е годы.

Цель настоящего исследования – охарактеризовать восприятие проблемы индивидуального политического террора в российском эмигрантском социалистическом сообществе 1920-х годов. Методологической базой работы послужили принципы интеллектуальной истории, которые позволили рассмотреть оценку Лозаннского процесса 1923 года в контексте анализа идейной борьбы, противостояния отдельных политических деятелей и общественных групп за пространство внимания.

В определенных кругах российской эмиграции возникла идея превратить предстоящий судебный процесс над убийцей Воровского М. Конради в суд над советской властью. Возник организационный центр, наиболее активным деятелем которого был А.И. Гучков. Он сыграл решающую роль в сборе материалов и доказательствах для швейцарского суда [18, с. 136]. Гучков писал из Франции в Италию 30 июня 1923 года известному литератору А.В. Амфитеатрову: «Как только произошло в Лозанне известное Вам событие, мне и небольшому кружку моих политических друзей естественно пришло в голову воспользоваться предстоящим процессом, чтобы выполнить акт грандиозной пропаганды против большевиков и, что называется, подменить подсудимых, посадив на скамью подсудимых саму советскую власть» [19, с. 590]. Был составлен план подготовки к процессу (сбор сведений о красном терроре, деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии и др.), активную помощь Гучкову оказывали П.Б. Струве, И.С. Шмелев [20], С.П. Мельгунов, В.И. Гурко, Ю.И. Лодыженский и многие десятки других известных деятелей эмиграции. Готовилась и сторона обвинения. Ее представителям удалось привлечь бывших белых генералов

С.К. Добrorольского и Е.И. Доставалова, профессора Ю.В. Ключникова, французского коммуниста Ш. Раппопорта, писателя А. Барбюса (он прислал письмо), нескольких граждан Швейцарии и США, имевших отношение к Гражданской войне в России.

Однако сторона защиты и по числу привлеченных свидетелей, и по количеству и качеству подготовленного материала существенно превзошла обвинение. «Не только вся эмигрантская печать, – писал в варшавской газете «За свободу!» известный писатель М.П. Арцыбашев, – но и вся мировая пресса, за исключением нескольких органов усмотрела в оправдании Конради “пощечину большевизму”»¹. Сам Арцыбашев в своих статьях, в т. ч. «Показаниях, представленных на суд в Лозанну» («За свободу!» от 22 и 24 ноября 1923 года), выступал свидетелем против большевизма и тем самым в значительной мере способствовал оправданию Конради [21, с. 130].

Стоит отметить, что Лозаннский процесс 1923 года проходил на фоне активизации индивидуального политического террора в Европе после окончания Первой мировой войны. Ответственность (как, разумеется, и присяжные заседатели) была прекрасно информирована о целом ряде резонансных убийств начала 1920-х годов. Так, 13 июня 1920 года албанец А. Рустеми убил в Париже Т. Эссад-пашу, в прошлом видного османского военачальника. 15 марта 1921 года армянский студент С. Тейлирян застрелил в Берлине М. Талаат-пашу, одного из лидеров младотурецкой партии, бывшего министра внутренних дел Османской империи. 26 августа 1923 года от рук Й. Цицонкова в Праге погиб Р. Доскалов, болгарский политик, один из руководителей Болгарского земледельческого народного союза, бывший министр внутренних дел и бывший посол в Чехословакии. Во всех трех случаях убийцы избежали наказания либо ввиду признания их невменяемыми, либо ввиду оправдания присяжными. Трудно оценить, насколько сильное воздействие оказали эти

¹ Арцыбашев М.П. Пощечина // За свободу! 1923. № 275(1024). 26 нояб.

прецеденты на Лозаннский процесс, но учитывать их необходимо. Сыграли свою роль и ситуация внутри Швейцарии, особенно убежденность значительной части швейцарского общества в том, что всеобщая забастовка 1918 года была организована советскими агентами, и воспоминания о разграблении швейцарской дипломатической миссии в Петрограде (соответствующая информация прозвучала на процессе).

Часть деятелей левого спектра российской эмиграции также оказывала помощь защитникам Конради и Полунина. Обширные материалы в форме научного доклада прислал П.А. Сорочкин, собиравшийся приехать на суд А.Ф. Керенский (в итоге дал письменные показания). Это вновь оживило в эмигрантской социалистической среде дискуссию о допустимости террора как метода политической борьбы.

Официальная позиция Заграничной делегации партии социалистов-революционеров по делу Воровского была выражена 30 ноября 1923 года в обращении «По поводу новых большевицких угроз», опубликованном в № 32 журнала «Революционная Россия» – центрального органа партии. Указывалось следующее: «Убийцы Воровского освобождены вердиктом суда, в юридических формах которого происходил моральный поединок между лагерем русской контрреволюции, стоявшим за Полуниным и Конради, и лагерем большевицкого искажения революции, стоявшим за телом убитого Воровского. В этом поединке нам, русским социалистам-революционерам, нечего было делать. Мы – непримиримые враги большевицкого режима произвола и красного произвола, но враг нашего врага нам не друг. Мы не раз звали большевиков к ответу перед судом общечеловеческой совести за воскрешение – лишь

для субъективно иных целей – тех же методов управления, которые были при самодержавии вековым проклятием нашей родины; за проведение в жизнь великих лозунгов социализма методами, убийственно противоречащими всему их духу. Но мы не признали этого права за теми, кто поднимает голос и вооруженную руку против новорожденного деспотизма большевиков лишь во имя исконного освященного веками деспотизма старого режима. Конради и Полунина были для нас не героями, а моральными слепцами, преступно злоупотребившими для сведения политических счетов тем священным правом убежища, которое предоставляют всем гонимым свободные демократические государства: бессмысленное убийство Воровского, не более всякого рядового большевика повинного в ужасах красного террора, могло вызвать в нас лишь содрогание, как и всякое другое ненужное пролитие человеческой крови, сеющее ядовитые семена новых ужасов и новых убийств»².

С этой оценкой солидаризировался социалист-революционер М.В. Вишняк, один из редакторов журнала «Современные записки». Он писал З. Гиппиус из Парижа 22 января 1924 года: «Конради никто из нас не “клеймил”. Но считать его тираноубийцей, героем и подвижником – как это делают Карташов³, Гурко⁴ и Носович⁵, – я лично считаю и неосновательным, и безвкусным... Террорист оправдывает свой грех тем, что жертвует собой: он не только убивает, но и умирает. Многим ли жертвовал Конради, идя по линии наименьшего сопротивления и убивая первого попавшегося ему на пути, далеко не худшего, Воровского на швейцарской территории?.. Это убийство, повторяю, объективно – пошло скорее на

²По поводу новых большевицких угроз // Революц. Россия. 1923. № 32. С. 31.

³Карташов Антон Владимирович (1875–1960) – общественно-политический и церковный деятель, историк, член партии кадетов. В эмиграции с 1919 года.

⁴Гурко Владимир Иосифович (1862/63–1927) – общественно-политический деятель, монархист. В эмиграции с 1919 года.

⁵Носович Анатолий Леонидович (1878–1968) – военный деятель, генерал-майор, участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1920 года в эмиграции.

пользу большевикам, а субъективно – очень отдаленно напоминало былых террористов...» [22, с. 241]. Схожего мнения придерживался и далекий от социалистических кругов консервативный либерал В.А. Маклаков, писавший 17 мая 1923 года Б.А. Бахметеву: «Это убийство мне показалось недостаточно мотивированным; как политический акт, т. е. устранение вредного человека, это был бы слишком плохой выбор; Воровский принадлежал к наименее вредным людям, и, во всяком случае, не влиятельным. Как акт мести он тоже недостаточно мотивирован. <...> Убийство Воровского в моих глазах относится к категории тех преступлений, которые более всего объясняются сознанием безнаказанности и потому и вызывают наименее симпатий» [23, с. 556–557].

Лидер эсеров В.М. Чернов, находившийся в Праге, в 1923 году написал статью «Оба хуже», посвященную итогам Лозаннского процесса. Она осталась неопубликованной и отложилась в Архиве Международного института социальной истории (г. Амстердам, Нидерланды). Содержание этой работы имеет несомненный интерес, во многом обусловленный аргументами, которые Чернов приводит в поддержку позиции заграничных эсеров, осудивших убийство Воровского. Такая позиция вызвала недоумение и возражения ряда представителей эмиграции (в частности, С.П. Мельгунова⁶) [24], указывавших, что партия социалистов-революционеров в своей деятельности всегда использовала тактику политического террора. Чернов решил дать развернутый ответ на эти обвинения, по каким-то причинам оставшийся неопубликованным.

Лидер эсеров пишет, что «в свое время Исполнительный Комитет партии Народной Воли должен был выступить перед всем миром с заявлением, резко отгораживавшим героические

выступления Желябовых, Кибальчичей и Халтуриных от актов, вроде убийства президента Соединенных Штатов Линкольна человеком, мстившим за уничтожение рабовладельчества. Тогда же “Народная воля” установила принцип, по которому территория свободных демократических стран не может быть ареной политических убийств, применяемых как средство партийной борьбы. Этому принципу всегда с тех пор твердо и выдержанно следовали русские революционеры»⁷.

Чернов отмечает, что эсеровские террористы никогда не искали пути «наименьшего сопротивления», шли на огромный риск, более того, многие из них верили в то, что взять жизнь другого человека можно, лишь отдав свою. Лагерь российской контрреволюции не знал подобного ни в 1917 году, ни позднее. Касаясь террористических актов 1918 года, Чернов указывает, что «в Урицкого, в Володарского, в Ленина пошли стрелять, рискуя своей головой, одиночки-социалисты»⁸. Обратим внимание: именно одиночки. После прихода к власти большевиков террористическая борьба так и не была включена в официальную тактику партии эсеров, несмотря на внутрипартийные разногласия по данному вопросу [25, с. 329]. Тем не менее, возможно, именно в этом кроется причина, почему статья Чернова так и не была опубликована: он не хотел привлекать внимание к террористическим актам 1918 года в условиях, когда совсем недавно, по итогам московского показательного процесса социалистов-революционеров (июнь–август 1922 года), 12 чел. были приговорены к смертной казни (исполнение приговора было отложено Президиумом Всероссийского центрального исполнительного комитета), в т. ч. за покушения на лидеров большевиков. Только в январе 1924 года наказание для осужденных эсеров было смягчено.

⁶Мельгунов С. Несколько слов о процессе Конради // За свободу! 1924. № 9(1064). 11 янв. С. 2–3.

⁷Чернов В. Оба хуже // Международный институт социальной истории (Амстердам). Архив Партии социалистов-революционеров. Папка 1037.

⁸Там же.

В.М. Чернов задается вопросом, почему убийство Воровского было бессмысленным. Во-первых, оно морально «знаменовало не сращивание с моральным правосознанием страны, а разрыв с ним». В этих условиях оно «могло быть только ненужным пролитием крови, таящим в себе ядовитые семена новых актов политической вендетты, новых жертв, новых кровавых эксцессов, от которых доселе так жаждет отдохнуть страна»⁹.

Во-вторых, подчеркивает лидер эсеров, убийство «было бессмысленно еще и потому, что пользование на территории демократических государств священным правом убежища морально и психологически обязывает. И прежде всего обязывает искать другого места для сведения кровавых счетов, даже вполне понятных и в этом смысле – “простительных”, а не таких бессмысленно-случайных по выбору объекта, как то, которое произошло в Лозанне. И с этой точки зрения лозаннское дело могло только лить воду на мельницу большевизма. Конради и Полунин добились фактического оправдания. И что же? Создалось ли на этой почве единство хотя бы антибольшевистского общественного мнения? Ничего подобного. Начиная от Вандервельде и кончая целым рядом передовых буржуазных писателей и деятелей, мы видим чувство величайшей неловкости и смущения от всего происшедшего. Приговор воспринимается как удар по основным принципам даже буржуазного правосудия»¹⁰.

В-третьих, по мнению Чернова, процесс Конради «может только скомпрометировать тех демократов – не говоря уже о социалистах! – которые выступили бы в качестве защитников и апологетов его исхода. А нападать на этот исход – значит как будто “взять сторону большевиков”. В том и другом случае получается как будто какая-то морально-политическая клякса.

Это потому, что такую кляксою является самый акт, на который, как пешка, пошел Конради. Пошел во имя понятных, в известной мере даже законных человеческих чувств, – не к месту пристроенных и проявившихся бессмысленно – и некрасиво»¹¹.

Главный вывод по итогам процесса в Лозанне В.М. Чернов формулировал так: этот суд, поскольку ему удалось подняться до уровня идейного, «был как бы моральным поединком перед лицом Европы между началами белой и красной диктатуры, белого и красного террора. Но вот эта-то тяжба двух терроров и двух диктатур в самой своей основе нам – глубочайшим образом чужая»¹². Чернов подчеркивает, что привлекать к ответственности за красный террор могут только те, кто не причастен к террору белому.

Как отмечают О.В. Коновалова и В.И. Федорова, Чернов в работе «Оба хуже», сравнивая террор социалистов-революционеров до 1917 года с репрессиями большевиков, указывал, что политическое насилие – это всегда плохо, т. к. оно нарушает права человека. «Однако эсеровский террор был направлен против насилия государства, и боевики сознательно приносили себя в жертву для того, чтобы покарать виновных в унижении народа. В этом смысле это “сакральный” террор, так как борьба личности за свои права не только морально оправданна, но и священна, – подчеркивают авторы. – Однако большевики применяли насилие против личности, опираясь на силу государственного аппарата, и таким образом, приносили в жертву не себя, а других, поэтому эсеровский террор рассматривался как морально оправданный и даже священный. Тогда как обезличенный государственно-классовый террор большевиков носил, безусловно, аморальный характер. В оценке Черновым революционного насилия

⁹Чернов В. Указ. соч.

¹⁰Там же.

¹¹Там же.

¹²Там же.

в этот период явно прослеживался моральный релятивизм, связанный, очевидно, с инерцией борьбы с самодержавием. Налицо двойная оценка революционного насилия – оправдание тех, кто действует против государственной власти и ее носителей, и неприятие мер государственного принуждения» [26, с. 121]. Не оспаривая оценок террора партией социалистов-революционеров до 1917 года, заметим, что после прихода большевиков к власти Чернову и эсерам вряд ли можно поставить в вину моральный релятивизм в отношении политического террора.

Схожую с эсерами позицию занимали российские эмигранты-социал-демократы. Лидер заграничных меньшевиков Ф.И. Дан резко негативно отнесся к сценарию предстоящего процесса, который формировала защита: «...процесс Конради и Полунина – меньше всего обычный уголовный процесс, и в то же время, даже с точки зрения чистого человеколюбия, характер той судебной инстанции, перед которой они предстанут, менее всего заставляет опасаться чрезмерной жестокости приговора. И если правый фланг русской эмиграции с такою страстью и энергиею взялся за организацию защиты на этом процессе, то именно потому, что он желает сделать из него политическую тяжбу, а самого Конради из ополумевшего мстителя за претерпенные личные обиды и страдания превратить в передового борца, в своего рода символ и знамя всех оттенков белогвардейской контрреволюции <...> Бой по всей линии между контрреволюцией и революцией – вот пьеса, которую хочет поставить под названием “дела Конради” белогвардейщина на швейцарском суде»¹³. Дан делает однозначный вывод, оставляя только за социалистическими партиями право борьбы с диктатурой: «Со всеми противоречиями революции, со всеми ее ошибками и даже преступлениями демократы и социалисты, стоящие на револю-

ционной почве, могут бороться только сами, своими собственными силами. Мнимым “помощникам” в этой борьбе из черной и белой сотни ответ может быть только один: “грязные руки прочь!”»¹⁴.

Отклики В.М. Чернова и социалистов-революционеров на Лозаннский процесс отражают противоречивость поиска российскими эмигрантами новых теоретических и практических путей в период после окончания Гражданской войны и вытеснения в эмиграцию. От этого зависело будущее социалистов-революционеров как партии. В конечном счете зарубежным эсерам не удалось сохранить организационное и идейное единство, выработать новую программу партии. В то же время наследие российских социалистов эмигрантского периода сохраняет значение в плане формирования новой модели демократического социализма, для которой многие эмигранты, в т. ч. и Чернов, сделали немало.

Голос социалистической эмиграции остался в 1923 году в меньшинстве. Однако процесс Конради–Полунина показал, что российские социалистические партии в эмиграции, несмотря на то, что были далеки от монолитного единства в важнейших вопросах политической борьбы, в отдельных принципиальных моментах могли совместно выступать перед лицом оправдания политического террора. Это отчетливо выразилось во время кампании 1922 года по мобилизации европейского общественного мнения на защиту обвиняемых в Москве социалистов-революционеров и вновь подтвердилось во время суда над убийцами Воровского. В конечном итоге взаимоотношения эсеров и меньшевиков в эмиграции приведут к принятию в 1952 году знаменитого совместного обращения «На пути к единой социалистической партии», где будет сказано о необходимости создания партии демократического эволюционного социализма.

¹³Дан Ф. Под маской «судебной защиты» // Социалист. вестн. 1923. № 20(66). С. 2.

¹⁴Там же. С. 3.

Список литературы

1. *Aubert T.* L'affaire Conradi: Plaidoirie prononcée pour Arcadius Polounine devant le Tribunal Criminel de Lausanne, les 14 et 15 novembre 1923. Genève: Sonor, 1924. 132 p.
2. *Обер Ш.* Речь Обера, произнесенная в защиту Полунина перед судом присяжных в Лозанне по делу об убийстве Воровского: пер. с фр. Белград: Новое время, 1924. 102 с.
3. *Членов С.Б.* Речь по делу об убийстве В.В. Воровского. М.: Б. и., 1923. 22 с.
4. *Членов С.Б.* Убийство В.В. Воровского и буржуазное правосудие. Харьков: Путь Просвещения, 1924. 50 с.
5. *Жуковский Н.П.* Посол нового мира: О жизни, революционной, литературной, научной и дипломатической деятельности В.В. Воровского. М.: Политиздат, 1978. 318 с.
6. *Gattiker A.* L'affaire Conradi. Berne: H. Lang, 1975. 323 s.
7. *Senn A.E.* Assassination in Switzerland. The Murder of Vatslav Vorovsky. Madison: Univ. Wisconsin Press, 1981. 220 p.
8. *Capol G.* Die Affäre Conradi 1923 // Bündner Jahrbuch. Chur, 2002. Vol. 44. S. 159–171.
9. *Franco R.M.* The Last White Victory: Aleksandr Guchkov and the Conradi-Polunin Process of 1923 // *Revolut. Russ.* 2023. Vol. 36, № 1. P. 76–99. <https://doi.org/10.1080/09546545.2023.2210006>
10. *Franco R.M.* The Conflicting Soviet Responses to the Lausanne Process (1922–1924) // *MGIMO Rev. Int. Relat.* 2023. Vol. 16, № 3. P. 81–108. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-81-108>
11. *Васильева Н.Ю.* Вацлав Вацлавович Воровский // Известные дипломаты России: министры иностранных дел – XX век / отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Моск. учеб. и Картолиитография, 2007. С. 156–163.
12. *Ганин А.* «Красный террор» в черно-белом изображении // *Родина.* 2019. № 7. С. 126–129.
13. *Дойков Ю.В.* Питирим Сорокин в Праге (1922–1923): сб. Архангельск, 2009. 146 с.
14. *Драгунов В.П.* Новые факты о гибели В.В. Воровского // *Международ. жизнь.* 1989. № 4. С. 130–141.
15. *Сколяр Ю.Н.* Дело примирения: от дипломатии до культуры. Памяти Вацлава Воровского // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 27: Глобалистика и геополитика.* 2017. № 1. С. 86–94.
16. *Чистяков К.А.* Покушение М. Конради на главу советской делегации В.В. Воровского в Лозанне 10 мая 1923 г. // *Новый ист. вестн.* 2002. № 1(6). С. 118–120.
17. *Чистяков К.А.* Убить за Россию!: Из истории русского эмигрантского «активизма», 1918–1939 гг. М.: Изд-во Ипполитова, 2000. 139 с.
18. *Ломоносова М.В., Агеева А.И., Васильева Д.И.* «Существующий кризис власти может быть весьма затяжным». Страницы переписки Александра Гучкова с Питиримом Сорокиным // *Наследие.* 2020. № 2(17). С. 133–145. <https://doi.org/10.31119/hrtg.2020.2.9>
19. «Парижский философ из русских евреев»: письма М. Алданова к А. Амфитеатрову / публ. Э. Гарэтто, А. Добкина // *Минувшее: ист. альм. М.; СПб., 1997. Вып. 22. С. 539–621.*
20. *Шмелев И.С.* Защитнику русского офицера Конради – Господину Оберу, как материал для дела // *Собр. соч.: в 5 т. Т. 7 (доп.). Это было: Рассказы. Публицистика. М.: Рус. кн., 1999. С. 402–404.*
21. *Демидова О.* Диалог Варшавы и Парижа об аксиологии эмиграции (на материале писем Д. Философова к З. Гиппиус и газеты «За свободу!») // *Napis.* 2018. № 24. С. 120–135. <https://doi.org/10.18318/napis.2018.1.8>
22. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: в 4 т. Т. 3 / под ред. О. Коростелева, М. Шрубы. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 1016 с.
23. *Бахметев Б.А.* «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 3 т. Т. 2. Сентябрь 1921 – май 1923 / под ред. О. Будницкого. М.: РОССПЭН, 2002. 672 с.
24. *Мельгунов С.П.* Красный террор в России, 1918–1923 / послесл. А. Даниеля, Н. Охотина. М.: СП «РИУСО»: P. S., 1990. 207 с.
25. *Морозов К.Н.* «Это так не было»: дискуссии о терроре в эсеровской партии в годы Гражданской войны // *Идеи и идеалы.* 2019. Т. 11, № 1-2. С. 327–355.
26. *Коновалова О.В., Федорова В.И.* В.М. Чернов: от терроризма к пацифизму. Эволюция мировоззрения и реалии Советской России // *Рос. история.* 2016. № 1. С. 116–130.

References

1. Aubert T. *L'affaire Conradi: Plaidoirie prononcée pour Arcadius Polounine devant le Tribunal Criminel de Lausanne, les 14 et 15 novembre 1923*. Geneva, 1924. 132 p.
2. Ober C. *Rech' Obera, proiznesennaya v zashchitu Polunina pered sudom prisyzhnykh v Lozanne po delu ob ubiyстве Vorovskogo* [Speech by Ober, Delivered in Defence of Polunin Before the Jury in Lausanne in the Case of Vorovsky's Assassination]. Belgrade, 1924. 102 p.
3. Chlenov S.B. *Rech' po delu ob ubiyстве V.V. Vorovskogo* [Speech in the Case of the V.V. Vorovsky's Assassination]. Moscow, 1923. 22 p.
4. Chlenov S.B. *Ubiystvo V.V. Vorovskogo i burzhuznoe pravosudie* [Assassination of V.V. Vorovsky and Bourgeois Justice]. Kharkov, 1924. 50 p.
5. Zhukovskiy N.P. *Posol novogo mira: O zhizni, revolyutsionnoy, literaturnoy, nauchnoy i diplomaticheskoy deyatel'nosti V.V. Vorovskogo* [Ambassador of the New World: V.V. Vorovsky's Life and Revolutionary, Literary, Scholarly and Diplomatic Activities]. Moscow, 1978. 318 p.
6. Gattiker A. *L'affaire Conradi*. Bern, 1975. 323 p.
7. Senn A.E. *Assassination in Switzerland: The Murder of Vatslav Vorovsky*. Madison, 1981. 220 p.
8. Capol G. Die Affäre Conradi 1923. *Bündner Jahrbuch*. Chur, 2002. Vol. 44, pp. 159–171.
9. Franco R.M. The Last White Victory: Aleksandr Guchkov and the Conradi-Polunin Process of 1923. *Revolut. Russ.*, 2023, vol. 36, no. 1, pp. 76–99. <https://doi.org/10.1080/09546545.2023.2210006>
10. Franco R.M. The Conflicting Soviet Responses to the Lausanne Process (1922–1924). *MGIMO Rev. Int. Relat.*, 2023, vol. 16, no. 3, pp. 81–108. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-81-108>
11. Vasil'eva N.Yu. Vatslav Vatslavovich Vorovsky. Torkunov A.V. (ed.). *Izvestnye diplomaty Rossii: ministry inostrannykh del – XX vek* [Famous Russian Diplomats: Foreign Ministers, 20th Century]. Moscow, 2007, pp. 156–163.
12. Ganin A. “Krasnyy terror” v cherno-belom izobrazhenii [“Red Terror” in Black and White]. *Rodina*, 2019, no. 7, pp. 126–129.
13. Doikov Yu.V. *Pitirim Sorokin v Prage (1922–1923)* [Pitirim Sorokin in Prague (1922–1923)]. Arkhangelsk, 2009. 146 p.
14. Dragunov V.P. Novye fakty o gibeli V.V. Vorovskogo [New Facts About V.V. Vorovsky's Death]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 1989, no. 4, pp. 130–141.
15. Skolyar Yu.N. Delo primireniya: ot diplomatii do kul'tury. Pamyati Vatslava Vorovskogo [The Reconciliation: From Diplomacy to Culture. Dedicated to the Memory of Vatslav Vorovsky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 27: Globalistika i geopolitika*, 2017, no. 1, pp. 86–94.
16. Chistyakov K.A. Pokushenie M. Konradi na glavu sovetskoy delegatsii V.V. Vorovskogo v Lozanne 10 maya 1923 g. [M. Conradi's Assassination Attempt on the Head of the Soviet Delegation V.V. Vorovsky in Lausanne on May 10, 1923]. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2002, no. 1, pp. 118–120.
17. Chistyakov K.A. *Ubit' za Rossiyu!: Iz istorii russkogo emigrantckogo “aktivizma”, 1918–1939 gg.* [Murdered for Russia!: From the History of Russian Emigrant “Activism”, 1918–1939]. Moscow, 2000. 139 p.
18. Lomonosova M.V., Ageeva A.I., Vasilyeva D.I. “Sushchestvuyushchiy krizis vlasti mozhet byt' ves'ma zatyazhnym”. Stranitsy peregovora Aleksandra Guchkova s Pitirimom Sorokinym [“The Current Crisis of Power Can Be Quite Prolonged”. Correspondence Between Alexander Guchkov and Pitirim Sorokin]. *Nasledie*, 2020, no. 2, pp. 133–145. <https://doi.org/10.31119/hrtg.2020.2.9>
19. “Parizhskiy filosof iz russkikh evreev”: pis'ma M. Aldanova k A. Amfiteatrovu [“A Parisian Philosopher and Russian Jew”: M. Aldanov's Letters to A. Amfiteatrov]. *Minuvshee* [Bygone Times]. Moscow, 1997. Iss. 22, pp. 539–621.
20. Shmelev I.S. Zashchitniku russkogo ofitsera Konradi – Gospodinu Oberu, kak material dlya dela [To Mr. Ober, Defender of Russian Officer Conradi, as Material for the Case]. *Sobranie sochineniy. T. 7 (dop.). Eto bylo: Rasskazy. Publitsistika* [Collected Works. Vol. 7 (Suppl.). This Happened: Accounts. Opinion Articles]. Moscow, 1999, pp. 402–404.
21. Demidova O. Dialog Varshavy i Parizha ob aksiologii emigratsii (na materiale pisem D. Filosofova k Z. Gippius i gazety “Za svobodu!”) [The Dialogue Between Warsaw and Paris on the Axiology of Emigration

(on the Basis of Letters by Dmitry Filosofov to Zinaida Gippius and the “For Freedom!” Newspaper)]. *Napis*, 2018, no. 24, pp. 120–135. <https://doi.org/10.18318/napis.2018.1.8>

22. Korostelev O., Schrubba M. (eds.). “*Sovremennye zapiski*” (Paris, 1920–1940). *Iz arkhiva redaktsii* [“Modern Notes” (Paris, 1920–1940). From the Editorial Archives]. Vol. 3. Moscow, 2013. 1016 p.

23. Bakhmetev B.A. “*Sovershenno lichno i doveritel’no!*”: B.A. Bakhmetev – V.A. Maklakov. *Perepiska. 1919–1951. T. 2. Sentyabr’ 1921 – may 1923* [“Strictly Personally and Confidentially!”: B.A. Bakhmetev – V.A. Maklakov. Correspondence. 1919–1951. Vol. 2. September 1921 – May 1923]. Moscow, 2002. 672 p.

24. Mel’gunov S.P. *Krasnyy terror v Rossii, 1918–1923* [Red Terror in Russia, 1918–1923]. Moscow, 1990. 207 p.

25. Morozov K.N. “It Wasn’t Like That”: Discussions About Terror in the Socialist Revolutionary Party During the Civil War. *Idei i idealy*, 2019, vol. 11, no. 1, pt. 2, pp. 327–355 (in Russ.).

26. Konovalova O.V., Fedorova V.I. V.M. Chernov: ot terrorizma k patsifizmu. *Evolyutsiya mirovozzreniya i realii Sovetskoy Rossii* [V.M. Chernov: From Terrorism to Pacifism. Evolution of His Views and Soviet Russia’s Realities]. *Rossiyskaya istoriya*, 2016, no. 1, pp. 116–130.

Информация об авторе

А.Ю. Суслов – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления, истории и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета (адрес: 420015, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68).

Information about the author

Aleksey Yu. Suslov, Dr. Sci. (Hist.), Prof. at the Department of Public Administration, History and Sociology, Kazan National Research Technological University (address: ul. K. Marksa 68, Kazan, 420015, Russia).

Поступила в редакцию 25.01.2024

Одобрена после рецензирования 16.02.2024

Принята к публикации 19.02.2024

Submitted 25 January 2024

Approved after reviewing 16 February 2024

Accepted for publication 19 February 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 2. С. 38–46.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 38–46.

Original article

UDC 81'1

DOI: 10.37482/2687-1505-V332

Stancetaking in English-Medium Research Article Abstracts: A Contrastive Analysis

Olga A. Boginskaya

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia,

e-mail: olga_boginskaya@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9738-8122>

Abstract. This paper, inspired by interest in semantics and pragmatics of academic discourse, focuses on English-medium research article abstracts by authors with native languages other than English. The study assumes that in order to convey an authorial stance and establish an effective relationship with the reader, representatives of different cultures use a repertoire of metadiscourse devices varying in terms of quality and quantity. The theoretical basis of the research is K. Hyland's taxonomy of stance markers. Hedging and boosting devices found in the corpus were analysed using the terminology proposed by K. Hyland and H. Zou. The analysis showed that hedges and boosters are important elements of academic discourse. They play a crucial role in authorial efforts to make claims tentative and avoid categorical statements or persuade readers of certainty and accuracy of research results. The study found that academic article abstracts by Latin American authors contain considerably more hedges than those written by their Russian counterparts, who make extensive use of boosters. Anticipating and acknowledging alternative points of view, Latin American authors are more careful when making claims, which is in compliance with the internationally accepted academic writing norms. The findings suggest that Russian novice academic writers should be taught stancetaking strategies in line with the academic writing norms.

Keywords: *research article abstracts, academic discourse, stancetaking, cross-cultural differences, metadiscourse devices, hedging, boosting, K. Hyland*

For citation: Boginskaya O.A. Stancetaking in English-Medium Research Article Abstracts: A Contrastive Analysis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 38–46. DOI: 10.37482/2687-1505-V332

Научная статья

Экспликация авторской позиции в англоязычных аннотациях к научным статьям: сопоставительный анализ

Ольга Александровна Богинская

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия,

e-mail: olga_boginskaya@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9738-8122>

Аннотация. Настоящая статья, мотивированная интересом к прагматике и семантике академического дискурса, посвящена изучению англоязычных аннотаций к научным статьям, написанным авторами, не являющимися носителями английского языка. Делается попытка доказать или опровергнуть предположение о том, что с целью выражения авторской позиции и установления эффективных отношений с адресатом представители разных культур используют репертуар метадискурсивных средств, различающийся как качественно, так и количественно. Теоретической основой послужила таксономия средств экспликации авторской позиции, разработанная К. Хайландом. Кроме того, найденные в корпусе средства хеджирования и бустинга были исследованы с применением терминологии, предложенной К. Хайландом и Х. Цзоу. Анализ показал, что хеджи и бустеры являются важными элементами академического письма, помогая авторам смягчить категоричность высказываний или убедить читателей в правильности и точности представляемых результатов. Было установлено, что в отличие от российских авторов, которые отдавали предпочтение средствам усиления категоричности высказываний, латиноамериканские исследователи использовали большее количество хеджей и продуцировали более осторожные высказывания, предвосхищая и признавая альтернативные точки зрения, что соответствует общепринятой традиции академического письма. Результаты работы указывают на необходимость обучения начинающих российских исследователей средствам выражения авторской позиции в научных текстах в соответствии с нормами академического письма.

Ключевые слова: аннотации к научным статьям, академический дискурс, экспликация авторской позиции, межкультурное различие, метадискурсивные средства, хеджинг, бустинг, К. Хайланд

Для цитирования: Богинская, О. А. Экспликация авторской позиции в англоязычных аннотациях к научным статьям: сопоставительный анализ / О. А. Богинская // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 38-46. – DOI 10.37482/2687-1505-V332.

Introduction

The process of globalization has created the need to learn English in order to publish articles in international journals, to teach disciplines in English or to communicate with peers at academic conferences. This has prompted intensive research into non-native (L2) English academic writing with the aim to identify culture-specific linguistic structures and suggest ways of improving academic writing skills.

The interest in L2 academic discourse has inspired the current study, which focuses on the insufficiently explored academic prose by L2 writers from Latin America and Russia, who have only been actively using English in scholarly settings since the late 1960s.

The object of the study is research article (RA) abstracts, which have been comprehensively analysed from a variety of angles. However, despite the profusion of RA abstract studies [1–9], little research appears to have compared stance

features such as hedging and boosting in academic texts of this genre produced by L2 writers with different cultural backgrounds. Most studies focus on comparing the epistemic and evaluative stancetaking in L1 and L2 academic prose and pay little attention to similarities and differences in the use of stance markers by L2 authors.

Thus, in an attempt to contribute to research into the stance features of L2 academic writing, the present study aims to reveal differences or similarities between Latin American- and Russian-authored RA abstracts in terms of frequencies and types of stance devices to identify the extent to which Latin American and Russian authors follow the Anglophone academic writing conventions. The practical significance of this study lies in the fact that it can enlighten teachers and course designers developing academic writing materials and offer suggestions to novice L2 authors in regard to writing English-medium article abstracts, particularly when constructing authorial stances.

Theoretical framework

As a product of social interaction, academic texts contain various stance features, which have been described as linguistic items used to increase persuasiveness of texts [10] or establish credibility [11, 12]. The term *stance* was introduced by Biber and Finegan, who defined it as “the overt expression of an author’s or speaker’s attitudes, feelings, judgments, or commitment concerning the message” [13, p. 1]. Since then, stance has been interpreted from diverse perspectives. Gray and Biber defined it as a tool used for encoding opinions and assessments [14]. According to K. Hyland, stance is a type of evaluation, conceptualizing it as an attitudinal dimension that includes features used by writers to present themselves and convey their judgements and opinions [15]. He distinguished between three components of stance: evidentiality, affect and presence. Evidentiality, as Hyland put it, refers to the writer’s expressed commitment to the reliability of the proposition and its potential impact on the reader; affect involves a wide range of attitudes towards what is being said; presence concerns the extent to which the writer projects him/herself into the text. These three components are realized in the four stance features:

- (1) hedges, used to withhold complete commitment to a proposition,
- (2) boosters, helping to express certainty about what is being said and mark involvement with the topic and solidarity with the audience,
- (3) attitude markers, used to indicate the writer’s affective attitude to propositions, and
- (4) self-mentions, which manifest the explicitness of author presence [15].

Since the focus of this article is boosting and hedging, let us briefly describe these stancetaking categories.

The study has adopted Hyland’s pragmatically-oriented definition of hedging as a phenomenon contributing to the interactional function of language, used to moderate the degree of authorial commitment to the propositional content [16]. In contrast to hedges, which mitigate authorial claims, boosters are utilized to “suppress alternatives, presenting the proposition with conviction while

marking involvement, solidarity and engagement with readers” [16, p. 145], create an impression of certainty and assurance, show strong conviction for propositional content and strengthen its illocutionary force. The balance between these stance features indicates to what extent the writer is willing to entertain alternatives and convey commitment to the propositional content and respect for readers [16].

Methodology

The present study was conducted on a corpus of 204 RA abstracts derived from 12 Scopus-indexed Latin American and Russian social science journals. The abstracts were divided into two sub-corpora: sub-corpus 1 (SC1), containing abstracts from six Latin American journals (*Tempo Social, Eure, Revista Brasileira de Linguística Aplicada, Ikala, Cadernos de Pesquisa, and Estudos Avançados*), and sub-corpus 2 (SC2), containing abstracts from six Russian journals (*Educational Studies, The Journal of Social Policy Studies, Journal of Language and Education, Russian Journal of Linguistics, Issues of Cognitive Linguistics, and RUDN Journal of Sociology*).

Social sciences were chosen for the analysis based on the assumption that academic prose in this field is more culturally determined than that in hard sciences. The motivation behind the selection of RA abstracts by Latin American and Russian scholars for a contrastive analysis was both significant differences in the historical context, in which the Slavic and Latin American academic communities have been developing, and similarities associated with the recent use of English as a lingua franca in academia. In neither cultural context, English has been used as a language of science and education. However, due to the process of globalization of education, English has been gaining influence in the countries in question, which is confirmed by a growing number of English-medium publications by Latin American and Russian scholars in international journals. It is therefore of interest to analyse the ways these authors use hedging and boosting devices in RA abstracts, in order to shed light on possible cross-cultural differences. The corpus was compiled in a way that ensures comparability in terms of genre

(RA abstracts), authors' origin (Latin America and Russia) and field (social sciences).

Hyland's taxonomy of stance features presented earlier was employed as the theoretical framework. In addition, hedging and boosting devices found in the corpus were analysed using Hyland and Zou's terminology [17]. The authors identified three ways of conveying respect for peers' views and three ways of shutting down alternative voices. The taxonomies adopted in the current study are presented in Tables 1 and 2.

Table 1

Types of hedges

Type	Function
Plausibility hedges	Signal that a claim is based on plausible assumptions rather than evidence
Downtoners	Mitigate the intensity of a statement
Rounders	Indicate an (often numerical) approximation

Table 2

Types of boosters

Type	Function
Certainty markers	Indicate the writer's epistemic conviction
Extremity markers	Emphasize the upper edge of a continuum
Intensity markers	Amplify the emotive strength of a statement

The RA abstracts were downloaded from the journals' websites, converted to the Microsoft DOC format and analysed. First, the abstracts were manually scanned for boosting and hedging markers. AntConc 3.5 was then used to search the frequency of boosters and hedges in the two sub-corpora. Every occurrence of a lexical item was manually double-checked in context to verify that it served the stancetaking function. Once it was determined that a given item qualified as a booster or a hedge, it was assigned to one of the groups of

hedges (plausibility hedge, rounder or downtoner) or boosters (certainty marker, extremity marker or intensity marker). An inter-group (Latin American *versus* Russian authors) contrastive analysis was conducted to find potential similarities and differences between the groups. The frequencies of each stance feature were normalized to 1000 words and calculated. The frequencies of the types of hedges and boosters were summarized in a table format.

Results

Frequencies of hedges and boosters in the sub-corpora. The results suggest that researchers from both cultural backgrounds are conscious of the need to engage with the content and readers. However, in absolute terms, the differences between the total number of hedges and boosters were quite significant. The share of stance features was slightly different across the two cultures, with hedging markers predominating in SC1 and boosters outweighing hedges in SC2 (see Table 3).

Table 3

Frequency of hedges and boosters in the corpus (per 1000 words)

Category of metadiscourse	SC1	SC2
Hedges	21.1	16.1
Boosters	17.3	27.0
Total	38.4	43.1

Table 3 summarizes the results of the quantitative analysis of hedges and boosters occurring in the two sub-corpora. Overall, 937 hedges and boosters were found in the two sub-corpora (464 in SC1 and 473 in SC2). When normed for text length, SC1 showed a higher degree of detachment, while SC2 featured more boosters. The frequency of hedges per 1000 words differed significantly: 21.1 in SC1 and 16.1 in SC2. The normalized frequencies of boosters were also significantly different: 17.3 in SC1 and 27.0 in SC2.

Further, the types of hedges and boosters were analysed in terms of frequency. The results are presented in Tables 4 and 5.

Table 4
Frequency of the types of hedges in the corpus (per 1000 words)

Type	SC1	SC2
Plausibility hedges	12.9	10.3
Downtoners	5.1	4.9
Rounders	3.1	0.9
Total	21.1	16.1

Table 5
Frequency of the types of boosters in the corpus (per 1000 words)

Type	SC1	SC2
Certainty markers	11.8	16.1
Extremity markers	1.8	2.7
Intensity markers	3.7	8.2
Total	17.3	27.0

Rhetorical functions of hedges and boosters in the sub-corpora. Hedges downplay a writer's commitment to a proposition, modifying its relevance or certainty and opening space for alternative viewpoints. Table 4 manifests that hedging devices used in the two sub-corpora not only differed in frequency, but were also employed differently in terms of their types. As can be seen from the table, however, the general trends in the types of hedges were similar. Plausibility hedges clearly prevailed in both sub-corpora and were used to recognize the limitations of claims. However, in SC1, plausibility hedges were employed slightly more frequently, which indicates that Latin American writers more actively show their reservations about the accuracy of statements by

moderating the way of expressing ideas. Here is an example of plausibility hedges indicating that the statement is based on an assumption rather than facts:

SC1: *Moreover, the findings **suggest** that this network **may** have contributed to the "normalisation" of digital technology use¹.*

The verbal hedges *suggest* and *may* signal an awareness of alternative viewpoints and seek to avoid potential criticism.

The frequency of downtoners was slightly different in the two sub-corpora, which indicates that Latin American and Russian writers tend to show some professional modesty and soften claims in a similar way. The example below features a downtowner used to protect the writer against inaccuracy of research results and mitigate the intensity of the authorial claim:

SC1: *For women engineers, there is also gender harassment, which is characterized by explicit situations of discrimination and violence, which **tend** to negatively influence their greater inclusion in construction sites².*

In the following example, the downtoner *usually* conveys a certain qualification with regard to the degree of accuracy of the conclusion, demonstrating that the statement might be inaccurate:

SC2: *Thus, in Russian such forms **usually** convey the future, as in napishu 'I will write'³.*

Rounders indicating an approximation were rather scarce in both sub-corpora. Here is an example:

SC2: ***Approximately** seventy place names cited in this article were selected due to their lingua-cultural, geographical, associative, and commemorative significance⁴.*

¹Braga J., Martins A.C.S., Racilan M. *The Elephant in the (Class)Room: Emergency Remote Teaching in an Ecological Perspective*. Available at: <https://www.scielo.br/j/rbla/a/gZ3B63wPwmfDVfNXFMGTpzi/?lang=en> (accessed: 12 March 2023).

²Lombardi M.R. *Women Engineers in Construction Industry: The Feminization Possible and Gender Discrimination*. Available at: <https://publicacoes.fcc.org.br/cp/article/view/3619> (accessed: 10 March 2023).

³Plungian V.A., Rakhilina E.V., Reznikova T.I. *Perfective, Performative and Present: Some Non-Standard Combinations in Slavic and Beyond*. Available at: <https://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/32954> (accessed: 1 September 2023).

⁴Chesnokova O.S., Talavera-Ibarra P.L., Bolotina K.E. *New World Basque Toponymy in the Dialogue of Languages and Cultures*. Available at: <https://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/18586> (accessed: 1 September 2023).

Apparently, “by making numbers a little fuzzy, rounders take the edge off what might otherwise be regarded as an exaggeratedly exact and fussy meticulousness, thereby contributing to making the argument more accessible and persuasive” [17, p. 6].

It seems that the higher frequency of plausibility hedges and downtoners compared to rounders might be a disciplinary-specific feature: rounders are often employed in hard science articles, where they contribute to a compromise between the need for accuracy with numerical data and careful argumentation.

In contrast to hedges, boosters function by “presenting the proposition with conviction while marking involvement, solidarity and engagement with readers” [16, p. 145]. The analysis revealed a higher normalized frequency of these devices in SC2, which indicates that Russian writers tend to adopt a stronger stance and are keener to express their conviction and highlight the significance of their work:

SC2: *The limitations of the early feminist project, in particular the reproduction of class hierarchies and the stigmatization of women who engage in commercial sex, have become **apparent***⁵.

The booster used in the above example removes doubts about the claim, closing down potential opposition. It indicates involvement with the topic and helps the author to express strong belief with which he communicates the findings.

Similar to hedges, the types of boosters differed numerically. Table 5 illustrates that certainty markers were used more frequently in the Russian sub-corpus. In the Latin American sub-corpus, certainty markers predominated as well, but their normalized frequency was lower. Intensity markers ranked second in both sub-corpora; however, their normalized frequency in SC2 was about three times

greater than that in SC1. Extremity boosters rarely occurred in both sub-corpora, and their normalized frequencies were almost identical.

Let us consider the functions of boosting in more detail. According to Hyland and Zou, certainty boosters indicate the writer’s epistemic conviction [17, p. 7]. In addition to claiming the accuracy of research results, authors employ these devices to emphasize the importance of the study and avoid alternative views from readers:

SC1: *The results **show** that this practice has increased in the last five years due to the expansion of video on demand*⁶.

Unlike hedges, boosters allow authors to express their certainty in what is being stated. In the above example, the writer anticipates possible responses from the reader but chooses to prevent them. The boosting verb *to show* is used to claim that the results obtained by the author are accurate.

Intensity boosters function by amplifying the emotive strength of a statement. In contrast to certainty boosters, they add emotional colour to claims rather than indicate epistemic conviction:

SC2: *The research findings show that at the stage of the transition from school to university, there is a **very** heterogeneous student inflow by quality and forms of training*⁷.

The writers consider the issue being discussed fundamental and make an attempt to encourage the audience to perceive it in the same vein.

Finally, extremity boosters were less important both to the Latin American and Russian writers. They mark the upper edge of a continuum, thus helping remove any doubts about the claims, as in here:

SC1: *This work sought to identify **the most important** needs for family members of adult critical patients as described in the literature pursuant to the dimensions established in the*

⁵Zhaivoronok D. *Victorian Feminist Interventions in Commercial Sex in the Middle of the 19th and Early 20th Centuries*. Available at: <https://jsps.hse.ru/index.php/jsps/article/view/10603> (accessed: 1 February 2023).

⁶Carrero Martín J.F., Reverter Oliver B. *English as a Pivot Language in Audiovisual Translation: Industry and Profession in Spain*. Available at: <https://revistas.udca.edu.co/index.php/ikala/article/view/349246> (accessed: 12 March 2023).

⁷Aleshkovski I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V., Narbut N.P., Savina N.E. *Starting Positions of University Applicants and Features of Their Further Education: A Sociological Analysis*. Available at: <https://journals.rudn.ru/sociology/article/view/32039> (accessed: 12 March 2023).

“*Critical Care Family Needs Inventory*” (CCFNI) by Molter and Leske⁸.

By using the extremity marker that helps upgrade the statement, the author emphasizes the importance of the needs without having to elaborate.

Discussion and conclusion

The intent of this research was to provide an answer to the question of how culture manifests itself in academic communication. Conducted from a cross-cultural perspective, the study aimed to explore variation in the employment of hedges and boosters in a corpus of English RA abstracts written by Latin American and Russian authors, which had been largely overlooked by researchers. A comparison of the RA abstracts showed that the Latin American and Russian academic communities manifest both similar and different stancetaking preferences. While Latin American writers often turn to hedges to mitigate claims, their Russian counterparts assume less tentative authorial stances through a more frequent use of boosters. RA abstracts written by Latin American authors contain more hedges but fewer boosters than abstracts written by Russian scholars. Presumably, the differences in the employment of hedges and boosters identified in the study reflect culture-specific writing patterns of the Latin American and Russian academic communities, which favour slightly different stancetaking strategies. It seems that Russian authors produce their academic texts relying on previously written ones, thus following some well-established standards that are hard to overcome. The language of RA abstracts by Latin American scholars is more detached due to a greater influence of the Anglophone style and a wish to sound more tentative and less categorical.

To conclude, this study attempted to demonstrate the existence of cross-cultural differences in the use of hedges and boosters by L2 writers in academic texts. The findings show that RA abstract authors hedge and boost frequently using a variety of lexical items; however, there are distinct cross-cultural differences in hedge and booster frequencies and types. Although boosters are an important rhetorical tool in academic writing, I would suggest Russian authors use more hedges, which assist in making authorial claims more tentative as well as facilitating discussion and showing politeness [18]. In addition, the findings indicate that it is necessary to teach stance-constructing strategies to Russian novice academic authors and raise their awareness of disciplinary and generic differences in the use of interactional devices in academic prose. Stancetaking conventions are not always easily understood by L2 writers due to a lack of explicit practice. Thus, stancetaking deserves a prominent place in courses in English for Academic Purposes.

It should be admitted that the research results presented here are limited due to a small corpus of RA abstracts. Generalization of the results requires more support from other cultural contexts. Moreover, it is essential to continue this research using data from hard disciplines. Diachronic variation in the employment of stance features in RA abstracts by culturally diverse academic writers deserves consideration as well. In addition, it might be of interest to study how expert academic writers with different cultural backgrounds know when to use stance devices in their English texts or how stancetaking affects editors and reviewers. Further empirical research could look into other types of stance features in academic prose.

⁸Padilla Fortunatti C.F. *Most Important Needs of Family Members of Critical Patients in Light of the Critical Care Family Needs Inventory*. Available at: <https://revistas.udea.edu.co/index.php/iee/article/view/19969> (accessed: 10 February 2023).

References

1. Jing W., Jing D. A Comparative Study of Metadiscourse in English Research Article Abstracts in Hard Disciplines by L1 Chinese and L1 English Scholars. *Appl. Res. Engl. Lang.*, 2018, vol. 7, no. 3, pp. 399–434. <https://doi.org/10.22108/are.2019.110099.1264>
2. Rochma A.F., Triastuti A., Ashadi. Rhetorical Styles of Introduction in English Language Teaching (ELT) Research Articles. *Indones. J. Appl. Linguist.*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 304–314. <https://doi.org/10.17509/ijal.v10i2.28593>
3. Saidi M., Talebi S. Genre Analysis of Research Article Abstracts in English for Academic Purposes Journals: Exploring the Possible Variations Across the Venues of Research. *Educ. Res. Int.*, 2021, vol. 2021. Art. no. 3578179. <https://doi.org/10.1155/2021/3578179>
4. Darabad A.M. Move Analysis of Research Article Abstracts: A Cross-Disciplinary Study. *Int. J. Linguist.*, 2016, vol. 8, no. 2, pp. 125–140. <https://doi.org/10.5296/ijl.v8i2.9379>
5. Kozubíková Šandová J. Interpersonality in Research Article Abstracts: A Diachronic Case Study. *Discourse Interact.*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 77–99. <https://doi.org/10.5817/DI2021-1-77>
6. Belyakova M. English-Russian Cross-Linguistic Comparison of Research Article Abstracts in Geoscience. *ELUA*, 2017, no. 31, pp. 27–45. <https://doi.org/10.14198/ELUA2017.31.02>
7. Lorés-Sanz R. ELF in the Making? Simplification and Hybridity in Abstract Writing. *J. Engl. Lingua Franca*, 2016, vol. 5, no. 1, pp. 53–81. <https://doi.org/10.1515/jelf-2016-0003>
8. Wang F., Pramoolsook I. Attitude in Abstracts: Stance Expression in Translation Practice Reports and Interpretation Practice Reports by Chinese Students. *Discourse Interact.*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 100–123. <https://doi.org/10.5817/DI2021-1-100>
9. Yang Y. Exploring Linguistic and Cultural Variations in the Use of Hedges in English and Chinese Scientific Discourse. *J. Pragmat.*, 2013, vol. 50, no. 1, pp. 23–36. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2013.01.008>
10. Crismore A., Farnsworth R. Meta-Discourse in Popular and Professional Science Discourse. Nash W. (ed.). *The Writing Scholar: Studies in Academic Discourse*. Newbury Park, 1990, pp. 118–136.
11. Duszak A. Academic Discourse and Intellectual Styles. *J. Pragmat.*, 1994, vol. 21, no. 3, pp. 291–313. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(94\)90003-5](https://doi.org/10.1016/0378-2166(94)90003-5)
12. Boginskaya O.A. Opyt metadiskursivnogo analiza novogodnikh obrashcheniy Prezidenta Rossii [Metadiscourse Analysis of New Year's Addresses of the Russian President]. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk*, 2023, no. 1, pp. 166–181. https://doi.org/10.51955/2312-1327_2023_1_166
13. Biber D., Finegan E. Adverbial Stance Types in English. *Discourse Process.*, 1988, vol. 11, no. 1, pp. 1–34. <https://doi.org/10.1080/01638538809544689>
14. Gray B., Biber D. Current Conceptions of Stance. Hyland K., Guinda C.S. (eds.). *Stance and Voice in Written Academic Genres*. London, 2012, pp. 15–33.
15. Hyland K. Stance and Engagement: A Model of Interaction in Academic Discourse. *Discourse Stud.*, 2005, vol. 7, no. 2, pp. 173–192. <https://doi.org/10.1177/1461445605050365>
16. Hyland K. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. London, 2005. 230 p.
17. Hyland K., Zou H. “I Believe the Findings Are Fascinating”: Stance in Three-Minute Theses. *J. Engl. Acad. Purp.*, 2021, vol. 50. Art. no. 100973. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2021.100973>
18. Holmes J. Modifying Illocutionary Force. *J. Pragmat.*, 1984, vol. 8, no. 3, pp. 345–365. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(84\)90028-6](https://doi.org/10.1016/0378-2166(84)90028-6)

Список литературы

1. Jing W., Jing D. A Comparative Study of Metadiscourse in English Research Article Abstracts in Hard Disciplines by L1 Chinese and L1 English Scholars // *Appl. Res. Engl. Lang.* 2018. Vol. 7, № 3. P. 399–434. <https://doi.org/10.22108/are.2019.110099.1264>
2. Rochma A.F., Triastuti A., Ashadi. Rhetorical Styles of Introduction in English Language Teaching (ELT) Research Articles // *Indones. J. Appl. Linguist.* 2020. Vol. 10, № 2. P. 304–314. <https://doi.org/10.17509/ijal.v10i2.28593>

3. *Saidi M., Talebi S.* Genre Analysis of Research Article Abstracts in English for Academic Purposes Journals: Exploring the Possible Variations Across the Venues of Research // *Educ. Res. Int.* 2021. Vol. 2021. Art. № 3578179. <https://doi.org/10.1155/2021/3578179>
4. *Darabad A.M.* Move Analysis of Research Article Abstracts: A Cross-Disciplinary Study // *Int. J. Linguist.* 2016. Vol. 8, № 2. P. 125–140. <https://doi.org/10.5296/ijl.v8i2.9379>
5. *Kozubíková Šandová J.* Interpersonality in Research Article Abstracts: A Diachronic Case Study // *Discourse Interact.* 2021. Vol. 14, № 1. P. 77–99. <https://doi.org/10.5817/DI2021-1-77>
6. *Belyakova M.* English-Russian Cross-Linguistic Comparison of Research Article Abstracts in Geoscience // *ELUA.* 2017. № 31. P. 27–45. <https://doi.org/10.14198/ELUA2017.31.02>
7. *Lorés-Sanz R.* ELF in the Making? Simplification and Hybridity in Abstract Writing // *J. Engl. Lingua Franca.* 2016. Vol. 5, № 1. P. 53–81. <https://doi.org/10.1515/jelf-2016-0003>
8. *Wang F., Pramoolsook I.* Attitude in Abstracts: Stance Expression in Translation Practice Reports and Interpretation Practice Reports by Chinese Students // *Discourse Interact.* 2021. Vol. 14, № 1. P. 100–123. <https://doi.org/10.5817/DI2021-1-100>
9. *Yang Y.* Exploring Linguistic and Cultural Variations in the Use of Hedges in English and Chinese Scientific Discourse // *J. Pragmat.* 2013. Vol. 50, № 1. P. 23–36. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2013.01.008>
10. *Crismore A., Farnsworth R.* Meta-Discourse in Popular and Professional Science Discourse // *The Writing Scholar: Studies in Academic Discourse* / ed. by W. Nash. Newbury Park: Sage Publications, 1990. P. 118–136.
11. *Duszak A.* Academic Discourse and Intellectual Styles // *J. Pragmat.* 1994. Vol. 21, № 3. P. 291–313. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(94\)90003-5](https://doi.org/10.1016/0378-2166(94)90003-5)
12. *Богинская О.А.* Опыт метадискурсивного анализа новогодних обращений Президента России // *Crede Experto: транспорт, о-во, образование, яз.* 2023. № 1(36). С. 166–181. https://doi.org/10.51955/2312-1327_2023_1_166
13. *Biber D., Finegan E.* Adverbial Stance Types in English // *Discourse Process.* 1988. Vol. 11, № 1. P. 1–34. <https://doi.org/10.1080/01638538809544689>
14. *Gray B., Biber D.* Current Conceptions of Stance // *Stance and Voice in Written Academic Genres* / ed. by K. Hyland, C.S. Guinda. London: Palgrave Macmillan, 2012. P. 15–33.
15. *Hyland K.* Stance and Engagement: A Model of Interaction in Academic Discourse // *Discourse Stud.* 2005. Vol. 7, № 2. P. 173–192. <https://doi.org/10.1177/1461445605050365>
16. *Hyland K.* *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing.* London: Continuum, 2005. 230 p.
17. *Hyland K., Zou H.* “I Believe the Findings Are Fascinating”: Stance in Three-Minute Theses // *J. Engl. Acad. Purp.* 2021. Vol. 50. Art. № 100973. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2021.100973>
18. *Holmes R.* Modifying Illocutionary Force // *J. Pragmat.* 1984. Vol. 8, № 3. P. 345–365. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(84\)90028-6](https://doi.org/10.1016/0378-2166(84)90028-6)

Информация об авторе

О.А. Богинская – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков № 2 Иркутского национального исследовательского технического университета (адрес: 6640746, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83).

Information about the author

Olga A. Boginskaya, Dr. Sci. (Philol.), Prof., Prof. at the Department of Foreign Languages No. 2, Irkutsk National Research Technical University (address: ul. Lermontova 83, Irkutsk, 6640746, Russia).

Поступила в редакцию 06.09.2023
Одобрена после рецензирования 09.02.2024
Принята к публикации 12.02.2024

Submitted 6 September 2023
Approved after reviewing 9 February 2024
Accepted for publication 12 February 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 2. С. 47–57.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 47–57.

Научная статья

УДК 811.161.1:821.161.1

DOI: 10.37482/2687-1505-V333

Контаминация фразеологизмов как средство речевой характеристики персонажей в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина»

Анастасия Васильевна Внуковская

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия,

e-mail: vnykastya@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4376-8653>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению контаминации фразеологических единиц в художественной прозе М.А. Шолохова (на примере романа «Поднятая целина»). Писатель уделяет большое внимание выбору языковых единиц и способам их организации в контексте. Одной из наиболее ярких черт его идиостиля является концентрированное использование фразеологизмов в рамках ограниченного по протяженности текстового фрагмента. На основании семантической идентификации и компонентного анализа делается вывод о том, что образуемые блоки фразеологических единиц связаны парадигматическими и синтагматическими отношениями, которые детерминируют их взаимодействие, степень влияния друг на друга и способствуют структурно-семантической контаминации. В речи персонажей романа «Поднятая целина» встречаются блоки фразеологизмов, подвергшиеся контаминации. Использование контаминированных оборотов в персонажной зоне позволяет обнаружить такие характеристики действующих лиц, как социальный статус, уровень образованности, а также эмоциональное состояние, темперамент и т. д. Образ детализируется, расширяется, уточняется путем смещения акцентов и добавления сем и коннотаций. М.А. Шолохов реализует возможности совмещения признаков различных фразеологических единиц, усиливая эстетическую функцию текста. Такие категориальные свойства фразеологизмов, как целостность значения, постоянство структуры и наличие образности и экспрессивности в исходном обороте, при контаминации переосмысляются и трансформируются, тем самым обновляют образ и интенсифицируют эстетический потенциал языковых единиц в контексте и, следовательно, тексте в целом. Контаминация фразеологических единиц, возникшая в результате их концентрированного использования, в прозе М.А. Шолохова есть не что иное, как сознательное отступление от традиционных форм организации текстового пространства, направленное на достижение творческих целей и реализацию авторского замысла. Продолжение исследований в данной области может быть интересно специалистам, занимающимся стилистикой, теорией текста, фразеологией, а также вопросами изучения языковой личности.

Ключевые слова: контаминация, фразеологизм, фразеологическая единица, речевая характеристика персонажа, интенсификация образности, экспрессивность, идиостиль, М.А. Шолохов

Внуковская А.В.

Контаминация фразеологизмов как средство речевой характеристики персонажей в романе...

Для цитирования: Внуковская, А. В. Контаминация фразеологизмов как средство речевой характеристики персонажей в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина» / А. В. Внуковская // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 47-57. – DOI 10.37482/2687-1505-V333.

Original article

Contamination of Phraseological Units as a Means of Speech Characterization of Characters in M.A. Sholokhov's Novel *Virgin Soil Uplifted*

Anastasia V. Vnukovskaya

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: vnukastya@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4376-8653>

Abstract. This article dwells on the contamination of phraseological units in Mikhail Sholokhov's works using his novel *Virgin Soil Uplifted* as an example. The writer pays much attention to the choice of language units and the ways of their organization in the context. One of the most striking features of his style is the concentrated use of phraseological units within a short text fragment. Based on semantic identification and component analysis, it is concluded that the created sets of phraseological units are connected by paradigmatic and syntagmatic relations, which determine their interaction and the degree of influence on each other as well as contribute to structural and semantic contamination. The characters' speech in the novel contains phraseological units that have been contaminated. Sholokhov's use of contaminated units to describe characters allows us to identify such characteristics as their social status and level of education, as well as emotional state, temperament, etc. The image is being detailed, expanded and refined by shifting accents and adding semes and connotations. Sholokhov combines the features of various phraseological units, thus enhancing the aesthetic function of the text. Such categorical properties of phraseological units as integrity of meaning and constancy of structure as well as imagery and expressiveness of the original phraseological unit are reinterpreted and transformed during contamination, thereby updating the image and intensifying the aesthetic potential of language units in the context and, consequently, in the text as a whole. Contamination of phraseological units, which is a result of their concentrated use, in Sholokhov's works is nothing other than a conscious departure from the traditional forms of text organization, aimed at achieving creative goals and implementing the author's idea. Further research in this area may be of interest to specialists dealing with stylistics, text theory, phraseology and the study of linguistic personality.

Keywords: *contamination, phraseological unit, character's speech characteristics, intensification of imagery, expressiveness, author's style, M.A. Sholokhov*

For citation: Vnukovskaya A.V. Contamination of Phraseological Units as a Means of Speech Characterization of Characters in M.A. Sholokhov's Novel *Virgin Soil Uplifted*. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 47–57. DOI: 10.37482/2687-1505-V333

Введение. Характерной особенностью идиостиля М.А. Шолохова является концентрированное использование фразеологизмов, которые образуют блок с определенной структурно-семантической иерархией единиц в его составе [1, 2]. Входящие в блок фразеологические единицы могут подвергаться контаминации.

Сочетаемость фразеологических единиц между собой – явление значительно более редкое, чем сочетаемость лексических или лексических и фразеологических единиц. Концентрация фразеологизмов целесообразна и уместна только при соблюдении ряда условий, одним из которых служит общий критерий. Этот же критерий (сходство языковых единиц по какому-либо основанию) определяет и феномен контаминации.

Целью настоящего исследования является анализ контаминации фразеологических единиц как эффективного способа интенсификации образности и экспрессивности художественного текста. В связи с этим автор ставит следующие задачи: уточнить понятие «контаминация» и детерминировать ее роль в создании речевой характеристики персонажей в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина».

Объектом исследования выступают блоки фразеологических единиц в речи действующих лиц романа М.А. Шолохова «Поднятая целина», предметом – контаминированные блоки фразеологизмов в персонажной зоне текста. Для анализа было отобрано 195 фрагментов, содержащих примеры концентрации фразеологических единиц (из них 14 сопровождаются контаминацией).

Новизна и актуальность рассматриваемого в данной статье вопроса о целенаправленном контаминированном употреблении фразеологических единиц обусловлены необходимостью анализа приема концентрации фразеологизмов, выступающего идиостилистическим маркером языка М.А. Шолохова, в структурно-семантическом аспекте. Актуальность исследования заключается в том, что понимание специфики взаимодействия подобных единиц важно для интерпретации авторского замысла

и способствует выявлению параметров указанного стилистического приема при использовании в качестве характерологического средства для репрезентации языковой личности персонажей. Научная новизна данной статьи состоит в проведении анализе приема контаминации в блоке фразеологических единиц как средства создания речевой характеристики действующих лиц, актуализирующего индивидуально-авторскую языковую и когнитивную системы.

Ранее автором настоящего исследования была разработана типология концентрированного употребления фразеологических единиц по характеру парадигматических отношений, степени узуальности, наличию/отсутствию общих компонентов, степени трансформированности внутренней формы, количеству используемых концентрированно фразеологизмов, а также по связи со стилистическими фигурами. В данной статье контаминированные блоки фразеологизмов, находящиеся в персонажной зоне, рассматриваются на основании указанной типологии, отмечаются их окказиональность, наличие общих семантических компонентов, трансформированность структуры и семантики.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке категорий экспрессивности фразеологических единиц и выявлении их функций в художественном тексте. Полученные данные могут быть использованы для раскрытия потенциала сочетаемости фразеологических единиц как средства создания художественных образов и стилистической акцентуации и применены в пограничных между литературоведением и лингвистикой областях научного знания.

Практическая ценность настоящей статьи состоит в том, что ее выводы и фактический материал могут быть задействованы в учебных курсах по культуре речи, стилистике, литературному редактированию, филологическому анализу текста, речевой коммуникации, а также использованы для интегративного филологического анализа художественной прозы М.А. Шолохова.

Обзор литературы. Художественное произведение отражает личность своего создателя, что в первую очередь проявляется в языке как

фиксаторе и кодификаторе творческого замысла. Язык писателя характеризуется специфическими чертами, формирующими авторский идиостиль. В контексте нашей статьи обратимся к фразеологии художественного текста, т. к. одним из признаков идиостиля М.А. Шолохова выступает концентрированное использование фразеологических единиц.

Функционирование фразеологических единиц в контексте представляет интерес для исследователей в области стилистики и теории текста. С позиций стилистики функционирование фразеологических единиц рассматривала А. Начисчионе [3], как примету идиостиля эту особенность организации художественного текста отмечали Т.Б. Тагарова [4] и Л. Джафарова [5]. Многие ученые раскрывали специфику использования фразеологизмов в художественных произведениях разных писателей. Так, А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский занимались изучением фразеологии Ф.М. Достоевского [6], Е.А. Шумских – И.С. Тургенева [7], С.А. Кабанова – М. Зощенко [8], Ю.С. Горбунова – М.А. Шолохова [9]. Фразеологии иностранных писателей посвящены работы А.А. Милковой, Ю.В. Ерофеева, С. Яо [10] и др.

Структура фразеологических единиц, их устойчивость и возможности сочетаемости и трансформаций находятся в сфере интересов и отражены в трудах Т. Николаса [11], В.Ю. Меликяна [12, 13], А.В. Меликян и А.И. Дзюбенко [13], Н.Е. Булаевой и М.М. Давыдовой [14], Е.Ю. Семушиной [15], Н.И. Коробкиной [16], А. Джаббаровой [17], Н.А. Белик [18]. Т.Л. Павленко впервые обозначила феномен концентрации фразеологизмов и связанной с ней контаминации [19].

Методология. В ходе исследования были рассмотрены примеры концентрированного употребления фразеологических единиц, сопровождающегося контаминацией, в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина», проведен их лингвистический анализ, что позволило выявить основные закономерности их функционирования и дать им структурно-семантическую характеристику. Были применены описательный метод, методы семантической идентификации и компонентного анализа, а также элементы метода дистрибутивного анализа. Для уточнения семантики исследуемых языковых единиц были использованы «Фразеологический словарь русского литературного языка» (составитель А.И. Федоров)¹, «Словарь языка Михаила Шолохова»² и другие лексикографические издания.

В терминологическом словаре «Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры» контаминация детерминируется как «образование новой номинативной единицы в результате нарочитого объединения»³. В этом определении акцентируется целенаправленность смешения единиц в соответствии с замыслом автора. И.В. Пекарская, в свою очередь, в энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» обращает внимание на важнейший критерий подобного объединения единиц языка, указывая, что контаминация представляет собой «принцип построения языковой и речевой единицы, основанный на совмещении в ней признаков двух (или более) языковых или речевых единиц, близких друг другу структурно, функционально или ассоциативно»⁴.

Анализ блоков фразеологических единиц в романе «Поднятая целина» позволяет сделать

¹Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. 3-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2008. 878 с.

²Словарь языка Михаила Шолохова / под ред. Е.И. Дибровой. М.: Азбуковник, 2005. 964 с.

³Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры: терминолог. слов.-справ. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. С. 334.

⁴Культура русской речи: энцикл. слов.-справ. / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 269.

вывод о том, что контактно употребленные фразеологизмы могут подвергаться контаминации, которой способствуют их схожая образность и внутренняя форма. В этом случае исходные фразеологизмы образуют новое окказиональное структурно-семантическое целое, где значение одного или нескольких компонентов полностью входит в состав производной единицы. Вместе с тем семантика производной фразеологической единицы детерминируется исходными формами фразеологизмов-компонентов, за счет чего акцентируется определенный аспект значения и обновляется образность. Таким образом, одна из фразеологических единиц становится доминантной – ее структура и семантика дополняются второстепенными по значимости фразеологическими единицами.

Результаты. Концентрированное употребление фразеологических единиц, характерное для художественной прозы М.А. Шолохова, способствует их контаминации. В специальной литературе определяющим критерием для данного феномена является соответствие результата намерению автора. Поскольку контаминация в произведениях М.А. Шолохова носит целенаправленный характер, мы рассматриваем контаминированное использование фразеологических единиц как стилистический прием, направленный на обновление образности исходных единиц и создание яркого и экспрессивного художественного текста. В контаминированных фразеологических структурах существует три типа взаимодействия: последовательное соединение (синкретизм), наложение (апликация) и переход с одной конструкции на другую в процессе порождения текста (амальгамация)⁵.

Контаминация фразеологизмов сопровождается структурно-семантическими изменениями. По мнению И.В. Пекарской,

«синкретичные структуры всегда узуальны, закреплены системой языка, однако, попадая в сферу живого функционирования, они могут стать стилистически значимыми. Аппликативные конструкции, как правило, окказиональны, а конструкции-смешения (амальгамы) окказиональны всегда»⁶.

При контаминации фразеологических единиц важную роль играет их внутренняя форма, элементы которой прослеживаются в обновленном фразеологизме в семантическом плане и в качестве мотивирующей основы. Структура и семантика производного контаминированного оборота детерминируются не только формой и значением исходных фразеологических единиц, но и контекстом, в который он включается. Парадигматические отношения и синтагматические связи необходимы для адекватного выражения смысла фразеологизмов и актуализации внутреннего потенциала их компонентов.

В романе «Поднятая целина» контаминированные фразеологические единицы находятся в персонажной зоне, выполняя функцию речевой характеристики героев. Автор мастерски использует этот прием для дестандартизации текста. Контаминация имитирует спонтанность разговорной речи, словно эмоциональное состояние говорящего способствует смешению узуальных единиц. Так, Макар Нагульнов, несчастливый в семейной жизни, нелестно отзывается о противоположном поле: «*Умеете вы, бабы, на шею добрым людям **верхи садиться**...*»⁷

Окказиональный оборот *на шею верхи садиться* образован двумя узуальными фразеологизмами: *садиться на шею* («переходить на иждивение, содержание кого-либо»⁸) и *садиться верхом* («полностью подчинять своей воле, заставлять исполнять свои необузданные желания, капризы»⁹). Исходные единицы являются

⁵Культура русской речи. С. 269.

⁶Там же. С. 270.

⁷Шолохов М.А. Поднятая целина: роман: в 2 кн. М.: Совет. Россия, 1977. С. 458.

⁸Фразеологический словарь русского литературного языка. С. 553.

⁹Там же.

разговорно-экспрессивными и обладают общими семами [подчинять], [зависимость] и [полностью]. Аддитивными дифференцирующими семами выступают [корысть] и [капризы]. Глагольный компонент обеих фразеологических единиц *садиться* также способствует объединению сходных по значению и структуре единиц. Компоненты *на шею* и *верхом* играют ведущую роль в обновленном обороте, актуализируя значение преобладания над чем-то, нахождения в превосходящей позиции, положения «сверху».

Не случайна и сочетаемость контаминированного оборота с устойчивым выражением *добрые люди*, которое в данном контексте противопоставлено лексеме *бабы*. Такая организация высказывания отражает продиктованное печальным личным опытом понимание Макаром взаимоотношений между мужчинами и женщинами, где первые оцениваются положительно, а вторые – отрицательно. Однако помимо негативной оценки «баб» в словах Нагульнова звучит и признание их власти.

Этот яркий пример обновления фразеологических единиц путем аппликации за счет общего лексического компонента *садиться* очень удачен благодаря умелой организации текста, в котором реализуются аддитивные смыслы, создающие разносторонний образ. Данный окказиональный оборот зафиксирован и в «Словаре языка Михаила Шолохова»: «Садиться верхи на шею, несов. Подчинять себе, ставить кого-либо в полную зависимость от себя, использовать кого-либо в своих интересах»¹⁰.

По этой же модели строится окказиональный оборот в высказывании Андрея Разметнова: «Морока с этим колхозным хозяйством – **не дай и не приведи господь!**»¹¹ Общий лексиче-

ский компонент исходных единиц *господь* способствует их наложению. В результате интенсифицируется экспрессивность высказывания, акцентируя высокую степень переживаний говорящего, его обеспокоенность. Данный производный оборот встречается и в реплике пожилого колхозника Ивана Аржанова «*А ездил верхи как! Не дай и не приведи господь!*»¹², где благодаря контексту реализует семантику восхищения.

Наиболее яркие примеры контаминации фразеологизмов можно найти в репликах деда Щукаря. Рассмотрим фрагмент монолога, в котором он рассуждает о смысле жизни, ее быстротечности и пережитых невзгодах. В этом пространный монолог есть крупный блок фразеологических единиц, связанных синкретичными отношениями. В рамках нашего исследования обратим внимание на ту часть высказывания, где концентрация фразеологических единиц сопровождается аппликацией: «...*И всю-то жизнь об куске хлеба насучного думаешь, о том, чем бы **череве набить**, а жизнь **протекает, как вода сквозь пальцев**, и не заметишь, как она к концу подобрется...*»¹³

На основании узуальных фразеологических единиц *кусочек хлеба* («разг. Необходимое пропитание; средства существования»¹⁴) и *хлеб насущный* («экспрес., высок. 1. Самые необходимые средства для жизни, существования»¹⁵) создается окказиональный оборот *об куске хлеба насучного думаешь*. Преобразование сопровождается и фонетическим варьированием («хлеба насучного» заменяет нормативное «хлеба насущного»). Сочетание данного оборота с трансформированной фразеологической единицей *череве набить* («наестся до отвала, набить живот»¹⁶) отражает наиболее волнующие

¹⁰Словарь языка Михаила Шолохова. С. 779.

¹¹Шолохов М.А. Указ. соч. С. 342.

¹²Там же. С. 301.

¹³Там же. С. 428.

¹⁴Фразеологический словарь русского литературного языка. С. 317.

¹⁵Там же. С. 676.

¹⁶Словарь языка Михаила Шолохова. С. 913.

говорящего проблемы, его постоянные заботы о пропитании и крайнюю бедность. Подобранные писателем языковые единицы за счет просторечной стилистической окрашенности и функционирования в контексте создают образ необразованного старика, простого жителя Дона, чья жизнь сопровождалась каждодневным тяжелым трудом. При этом Щукарь склонен к рефлексии и отвлеченным суждениям. Созданный писателем образ вызывает симпатию и сочувствие.

Комичность этого персонажа подчеркивается его речью. В ситуации, когда деда Щукаря укусил уж, проявляются его адаптивные способности. Несмотря на испуг, герой пытается рассуждать здраво, а осознав свою ошибку и поняв, что его жизнь вне опасности, ведет долгие беседы со своим обидчиком, ругает его, демонстрирует воинственность, решительность и отвагу. «Наступить на тебя ногой ишо раз и растереть **в дым и в прах**, и больше ничего не остается»¹⁷, – заявляет осмелевший от облегчения дед.

Основой для образования контаминированного фразеологического оборота послужила фразеологическая единица *в пух и <в> прах* в первом значении – «совершенно, полностью, совсем (разгромить, разбить, разрушить, разориться, разругаться и т. п.)»¹⁸. Лексический компонент *пух* заменен на лексему *дым*, однако это не речевая ошибка, а сознательное введение в узуальную структуру лексического компонента другого фразеологизма *в дым* – «окончательно, вконец (разругаться, поссориться с кем-либо)»¹⁹. Благодаря последовательному соединению (синкретизму) узуальных фразеоло-

гизмов обновляется структура и акцентируется эмоциональное состояние персонажа, который в ярости допускает подобное смешение языковых единиц.

Создатели «Словаря языка Михаила Шолохова» также отметили рассматриваемый окказиональный трансформированный оборот, закрепив за ним дефиницию «совершенно, окончательно, полностью»²⁰. В данном определении находят отражение интегративные семы производящих основ исходных фразеологических единиц [полностью] и [уничтожить], при этом добавляется сема [конец]. Трансформация фразеологизмов сделала образ многограннее и помимо комического эффекта отразила склонность деда Щукаря к преувеличениям.

Синкретизм оборотов наблюдается и в следующем его высказывании: «*И пошла и поехала моя жизнь с той поры и **наперекосяк**, и боком, и **вверх тормашками!***»²¹ В состав окказионального образования помимо лексем вошли фразеологические единицы *идти наперекосяк* («не удаваться, не получаться»²²) и *вверх тормашками* («1. Перевернув, опрокинув. 2. Кувырком, головой вниз (падать, лететь)»²³). Контаминация фразеологизмов и введение в структуру лексических компонентов направлены на выражение говорящим сильной эмоции – сожаления.

Частым способом контаминации является амальгамация, когда один фразеологизм включается в состав другого. Так, в высказывании того же деда Щукаря мы видим трансформированный оборот, в основе которого лежат узуальные фразеологизмы *спустить шкуру* («жестоко наказывать плетью, ремнем и т. п.; выпороть, высечь»²⁴) и *за милую душу* («1. С большим

¹⁷Шолохов М.А. Указ. соч. С. 430.

¹⁸Фразеологический словарь русского литературного языка. С. 516.

¹⁹Там же. С. 208.

²⁰Словарь языка Михаила Шолохова. С. 712.

²¹Шолохов М.А. Указ. соч. С. 497.

²²Фразеологический словарь русского литературного языка. С. 254.

²³Там же. С. 57.

²⁴Там же. С. 607.

удовольствием. 2. Не задумываясь, без долгих размышлений»²⁵): «Раскулачивать его! А как ты, к примеру, будешь его раскулачивать, то есть с живого с него шубу сымать? Никак невозможно! Он с тебя скорее шкуру за милую душу спустит»²⁶.

Данный прием мы наблюдаем и в следующем фрагменте: «Чего тебя **нелегкая ни свет ни заря носит?** – недовольно отозвалась женщина»²⁷. Фразеологизм *нелегкая носит* имеет значение «кто-либо шляется, болтается где-то»²⁸, а *ни свет ни заря* – «очень рано, до рассвета»²⁹.

Градус эмоциональности в приведенных выше примерах разный. В первом контаминированные обороты способствуют детализации и усилению образности. Дед Щукарь сочетает фразеологизмы с противоположной оценочностью. Негативная семантика жестокого наказания и положительная коннотация получения удовольствия при контактном употреблении создают яркий образ. Во втором же примере обе исходные единицы утратили образность и в высказывании актуализируются по модели сочетания лексических единиц, что свидетельствует об их частом употреблении и воспроизведении в речи героини «по привычке».

М.А. Шолохов для достижения творческих целей прибегает к обновлению образности фразеологизмов, подвергая их окказиональным структурно-семантическим трансформациям. Рассмотрим амальгамативное образование, возникшее на базе фразеологических единиц *прикипать душой*³⁰ и *проливать кровь*³¹: «Но я такой грамоты, как Троцкий, не знаю, и я не так, как он... к партии я **не ученым хрящиком**

прирастал, а сердцем и своей пролитой за партию кровью!»³² В этом фрагменте эмоциональной речи Макара Нагульнова обе исходные единицы переосмысливаются, видоизменяются, сохраняя при этом внутреннюю форму. Благодаря развернутой метафоре не только обновляется образность текста, но и значительно усиливается его экспрессивность.

Заключение. Концентрация фразеологизмов в художественном тексте может сопровождаться контаминацией – сознательным смешением языковых единиц для реализации авторского замысла. Поскольку фразеологические единицы характеризуются устойчивостью структуры и целостностью семантики, их контаминация способствует обновлению образности, усилению экспрессивности и увеличению эстетической составляющей художественного текста.

Благодаря трансформации фразеологических структур путем контаминации детализируется и расширяется образ, акцентируются определенные семы и коннотации. Контаминированные обороты используются писателем для речевой характеристики персонажей: выражения эмоционального состояния говорящих, их волнения, возмущения и других эмоций. Кроме того, состав окказиональных оборотов отражает личные и социальные характеристики героев. Так как действующими лицами являются простые казаки, в их речи автор употребляет единицы разговорные, экспрессивные.

Концентрированное использование фразеологических единиц, сопровождающееся контаминацией, свидетельствует о внимательном отношении М.А. Шолохова к языку и тщательной организации текстового пространства.

²⁵Фразеологический словарь русского литературного языка. С. 208.

²⁶Шолохов М.А. Указ. соч. С. 407.

²⁷Там же. С. 366.

²⁸Фразеологический словарь русского литературного языка. С. 382.

²⁹Там же. С. 561.

³⁰Там же. С. 492.

³¹Там же. С. 504.

³²Шолохов М.А. Указ. соч. С. 172.

В романе «Поднятая целина» структурно-семантическая организация блоков фразеологических единиц сложнее и многоаспектнее, чем в более ранних произведениях писателя. Дальнейшее рассмотрение концентрации фразеологизмов как авторского стилистического приема организации текста и эффективного способа усиления образности и экспрессивности представляется перспективным для исследований в области идиостилистики и теории текста.

Список литературы

1. Внукowska А.В. Идиостилистическая маркированность художественной прозы М.А. Шолохова в аспекте фразеологии // Науч. мысль Кавказа. 2020. № 2(102). С. 115–120.
2. Внукowska А.В. О концентрации фразеологических единиц как идиостилистическом приеме (на материале прозы М.А. Шолохова) // Актуал. проблемы филологии и пед. лингвистики. 2020. № 1. С. 160–166. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-1-160-166>
3. Naciscione A. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse. Amsterdam, the Netherlands; Philadelphia, USA: John Benjamins Pub. Company, 2010. 292 p.
4. Тагарова Т.Б. Фразеологические единицы как средство определения индивидуального стиля писателей // Мир фольклора в контексте истории и культуры монгольских народов: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Н.О. Шаракшиновой, г. Иркутск, 13–15 окт. 2005 г. Иркутск: ИГУ, 2006. С. 343–351.
5. Jafarova L. Realisation of Phraseological Modifications by Updating the Existing Contexts // Am. J. Linguist. 2013. Vol. 2, № 1. P. 5–8.
6. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Фразеология Достоевского: параметры лексикографического описания // Современные проблемы авторской лексикографии: сб. науч. ст. / под общ. ред. Л.Л. Шестаковой. М.: Аквилон, 2018. С. 11–18.
7. Шумских Е.А. Индивидуально-авторская фразеология в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Рус. яз. в шк. 2021. Т. 82, № 5. С. 56–66. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-5-56-66>
8. Кабанова С.А. Авторское изменение фразеологизмов в прозе М. Зощенко // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2022. Т. 15, вып. 7. С. 2183–2188. <https://doi.org/10.30853/phil20220375>
9. Горбунова Ю.С. Фразеологические единицы, определяющие характер персонажей в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Мир Шолохова. 2016. № 1(5). С. 82–86.
10. Milkova A.A., Erofeev Yu.V., Yao S. Phraseological Units and Their Contextual Usage in the Formation of Ray Bradbury's Individual Style // J. Crit. Rev. 2020. Vol. 7, № 7. P. 517–523.
11. Nicolas T. Semantics of Idiom Modification // Idioms: Structural and Psychological Perspectives / ed. by M. Everaert, E.-J. van der Linden, A. Schenk, et al. Hillsdale: L. Erlbaum Associates, 1995. P. 233–252.
12. Меликян В.Ю. Коммуникемы в языке произведений М.А. Шолохова: эстетический аспект // Слово и текст: коллектив. моногр. Ростов н/Д.: Дон. кн. изд-во, 2020. С. 86–92.
13. Melikyan V., Melikyan A., Dzubenko A. Syntactic Phraseological Units: Syntactic Phraseology. Phraseological Subsystem of Language // Z. Slaw. 2017. Vol. 62, № 1. P. 23–47. <https://doi.org/10.1515/slau-2017-0002>
14. Bulaeva N.E., Davydova M.M. Occasional Transformations of Phraseological Units // Lib. Arts Russ. 2018. Vol. 7, № 6. P. 482–489. <https://doi.org/10.15643/libartus-2018.6.5>
15. Semushina E.Y. Instantial Transformation of Phraseological Units as Complex Phenomenon // XLinguae. 2019. Vol. 12, № 3. P. 179–191. <https://doi.org/10.18355/XL.2019.12.03.13>
16. Коробкина Н.И. Фразеологические трансформации как стилистический прием в художественной и естественной коммуникации // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. 2020. № 1. С. 56–69. URL: http://tverlingua.ru/archive/059/4_59.pdf (дата обращения: 25.02.2023).
17. Jabbarova A. Transformation and Deformation of Phraseological Units as a Means of Creating Expressivity, Efficiency and Stylistic // Междунар. журн. искусство слова. 2021. Т. 4, № 3. С. 160–163.

18. Белик Н.А. Гнездовое употребление фразеологизмов в художественной прозе М.А. Шолохова // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры: сб. науч. тр. по итогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитив. фразеологии, г. Белгород, 26–27 марта 2019 г. Белгород: Эпицентр, 2019. С. 193–196.

19. Павленко Т.Л. Контаминация фразеологизмов в художественной прозе М.А. Шолохова: эстетический аспект // Концептуальные проблемы литературы: художественная когнитивность: материалы Междунар. науч. конф., г. Ростов-на-Дону, 22 нояб. 2005 г. Ростов н/Д., 2006. С. 169–174.

References

1. Vnukovskaya A.V. Idiostilisticheskaya markirovannost' khudozhestvennoy prozy M.A. Sholokhova v aspekte frazeologii [Idiostylistic Marking of M.A. Sholokhov's Artistic Prose in the Aspect of Phraseology]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2020, no. 2, pp. 115–120.

2. Vnukovskaya A.V. On the Concentration of Phraseological Units as Idiostyle Method (Based on the Prose of M.A. Sholokhov). *Curr. Iss. Philol. Pedagog. Linguist.*, 2020, no. 1, pp. 160–166 (in Russ.). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-1-160-166>

3. Naciscione A. *Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse*. Amsterdam, 2010. 292 p.

4. Tagarova T.B. Frazeologicheskie edinitsy kak sredstvo opredeleniya individual'nogo stilya pisateley [Phraseological Units as a Means of Identifying the Individual Style of Writers]. *Mir fol'klora v kontekste istorii i kul'tury mongol'skikh narodov* [The World of Folklore in the Context of the History and Culture of the Mongolic Peoples]. Irkutsk, 2006, pp. 343–351.

5. Jafarova L. Realisation of Phraseological Modifications by Updating the Existing Contexts. *Am. J. Linguist.*, 2013, vol. 2, no. 1, pp. 5–8.

6. Baranov A.N., Dobrovolskiy D.O. Frazeologiya Dostoevskogo: parametry leksikograficheskogo opisaniya [Dostoevsky's Phraseology: Parameters of Lexicographic Description]. Shestakova L.L. (ed.). *Sovremennyye problemy avtorskoy leksikografii* [Modern Problems of Author's Lexicography]. Moscow, 2018, pp. 11–18.

7. Shumskikh E.A. Individual Author's Phraseology in I. S. Turgenev's Novel "Home of the Gentry" ("Dvoryanskoe gnezdo"). *Russkiy yazyk v shkole*, 2021, vol. 82, no. 5, pp. 56–66 (in Russ.). <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-5-56-66>

8. Kabanova S.A. Avtorskoe izmenenie frazeologizmov v proze M. Zoshchenko [Author's Reconsideration of Phraseological Units in M. Zoshchenko's Prose]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2022, vol. 15, no. 7, pp. 2183–2188. <https://doi.org/10.30853/phil20220375>

9. Gorbunova Yu.S. Frazeologicheskie edinitsy, opredelyayushchie kharakter personazhey v romane M.A. Sholokhova "Tikhyy Don" [Phraseological Units Determining the Personality of the Characters in M.A. Sholokhov's Novel *And Quiet Flows the Don*]. *Mir Sholokhova*, 2016, no. 1, pp. 82–86.

10. Milkova A.A., Erofeev Yu.V., Yao S. Phraseological Units and Their Contextual Usage in the Formation of Ray Bradbury's Individual Style. *J. Crit. Rev.*, 2020, vol. 7, no. 7, pp. 517–523.

11. Nicolas T. Semantics of Idiom Modification. Everaert M., van der Linden E.-J., Schenk A., et al. (eds.). *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Hillsdale, 1995, pp. 233–252.

12. Melikyan V.Yu. Kommunikemy v yazyke proizvedeniy M.A. Sholokhova: esteticheskiy aspekt ["Communicemes" in the Language of M.A. Sholokhov's Works: An Aesthetic Aspect]. *Slovo i tekst* [Word and Text]. Rostov-on-Don, 2020, pp. 86–92.

13. Melikyan V., Melikyan A., Dzyubenko A. Syntactic Phraseological Units: Syntactic Phraseology. Phraseological Subsystem of Language. *Z. Slaw.*, 2017, vol. 62, no. 1, pp. 23–47. <https://doi.org/10.1515/slwa-2017-0002>

14. Bulaeva N.E., Davydova M.M. Occasional Transformations of Phraseological Units. *Lib. Arts Russ.*, 2018, vol. 7, no. 6, pp. 482–489 (in Russ.). <https://doi.org/10.15643/libartus-2018.6.5>

15. Semushina E.Y. Instantial Transformation of Phraseological Units as Complex Phenomenon. *XLinguae*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 179–191. <https://doi.org/10.18355/XL.2019.12.03.13>

16. Korobkina N.I. Frazeologicheskie transformatsii kak stilisticheskiy priem v khudozhestvennoy i estestvennoy kommunikatsii [Decomposition of Set Phrases as a Stylistic Device in Belletristic and Natural Communication]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 2020, no. 1, pp. 56–69. Available at: http://tverlingua.ru/archive/059/4_59.pdf (accessed: 25 February 2023).

17. Jabbarova A. Transformation and Deformation of Phraseological Units as a Means of Creating Expressivity, Efficiency and Stylistic. *Int. J. Word Art*, 2021, vol. 4, no. 3, pp. 160–163.

18. Belik N.A. Gnezdovoe upotreblenie frazeologizmov v khudozhestvennoy proze M.A. Sholokhova [Group Use of Phraseological Units in M.A. Sholokhov's Fiction]. *Frazeologiya v yazykovoy kartine mira: kognitivno-pragmaticheskie registry* [Phraseology in a Linguistic Worldview: Cognitive-Pragmatic Registers]. Belgorod, 2019, pp. 193–196.

19. Pavlenko T.L. Kontaminatsiya frazeologizmov v khudozhestvennoy proze M.A. Sholokhova: esteticheskiy aspekt [Contamination of Phraseological Units in M.A. Sholokhov's Fiction: An Aesthetic Aspect]. *Kontseptual'nye problemy literatury: khudozhestvennaya kognitivnost'* [Conceptual Problems of Literature: Artistic Cognition]. Rostov-on-Don, 2006, pp. 169–174.

Информация об авторе

А.В. Внуковская – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ростовского юридического института МВД России (адрес: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83).

Information about the author

Anastasia V. Vnukovskaya, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof. at the Department of Foreign Languages, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (address: ul. Eremenko 83, Rostov-on-Don, 344015, Russia).

Поступила в редакцию 05.08.2023
Одобрена после рецензирования 10.01.2024
Принята к публикации 19.01.2024

Submitted 5 August 2023
Approved after reviewing 10 January 2024
Accepted for publication 19 January 2024

Воронцова И.И.

Роль концепта «непроизводительные деньги» в производстве антропоморфных метафор...

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 2. С. 58–68.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 58–68.

Научная статья

УДК 81'373.612.2:811.111

DOI: 10.37482/2687-1505-V334

Роль концепта «непроизводительные деньги» в производстве антропоморфных метафор англоязычного финансового дискурса

Ирина Игоревна Воронцова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,

e-mail: iravorontsova1@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1723-181X>

Аннотация. Статья посвящена анализу роли антропоморфных монетарных метафор в интерпретации реципиентами (в нашем случае – студентами университетов) профессиональной англоязычной финансовой информации. Приоритетное направление – англоязычная антропоморфная метафорика непроизводительного капитала – скупо представлено в трудах современной отечественной и зарубежной лингвистики. Цель настоящей работы – проследить, как антропоморфные монетарные метафоры участвуют в квалификации финансовых понятий. Предметом исследования являются функционирование и реализация образных языковых единиц, экспонирующих концепт категории денег в семантике празднующего капитала, объектом – модель adjective + money, где модификатор (прилагательное) непроизводительности сообщает образному выражению пейоративное значение. Новая эпистемологическая стратегия гуманитарного антропоморфизма ставит акцент на актуальности изучения антропоморфных монетарных метафор в лингвокультурологическом контексте англоязычного финансового дискурса в силу их лингвистической и культурной асимметрии в русском и английском языках, снижающей уровень интуитивности обучения. Методом исследования послужил лингвосомиологический анализ модели adjective + money с модификатором непроизводительности на примерах корпусных материалов периодики, архивов, финансовых словарей и энциклопедий, интернет-медиа. Автор приходит к умозаключению, что сплетение концептуальной области бездействия с доменом финансов порождает метафорический перенос от характеристик человека к монетарным сущностям с экспрессивной отрицательной коннотацией когнитивных моделей, метафорично отражающих отношение к неиспользуемому капиталу. Кроме того, отражаясь на лексическом оснащении профессионального континуума, антропоморфная монетарная метафора задействует риторическое мышление обучающихся, упрощая сложные для их понимания понятия и повышая уровень интуитивности обучения. Результаты работы могут быть востребованы лингвистами и культурологами и найти свое применение в области дискурс-анализа.

Ключевые слова: антропоморфная монетарная метафора, непроизводительный капитал, лингвокультурологическое пространство, метафорический перенос, англоязычный финансовый дискурс

Для цитирования: Воронцова, И. И. Роль концепта «непроизводительные деньги» в производстве антропоморфных метафор англоязычного финансового дискурса / И. И. Воронцова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 58-68. – DOI 10.37482/2687-1505-V334.

Original article

Role of the *Unproductive Money* Concept in the Production of Anthropomorphic Metaphors in English-Language Financial Discourse

Irina I. Vorontsova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

e-mail: iravorontsova1@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1723-181X>

Abstract. The article analyses the role of anthropomorphic monetary metaphors (AMMs) in interpreting professional English-language financial information by recipients (in our case, university students). The priority direction – English-language AMMs of unproductive capital – is but sparingly represented in modern Russian and foreign linguistic papers. The article aims to study the role of AMMs in qualifying financial concepts. The subject of the study is the functioning and implementation of figurative language units exposing the concept of the category of money in the semantics of idle funds. The object of the study is the *adjective + money* model, where the modifier (adjective) of unproductivity imparts a pejorative meaning to the figurative expression. The new epistemological strategy of humanitarian anthropomorphism places emphasis on the relevance of studying AMMs in the linguocultural context of English-language financial discourse due to their linguistic and cultural asymmetry in Russian and English, which reduces the level of learning intuitiveness. The research method applied here is a linguistic semiological analysis of the *adjective + money* model with an unproductivity modifier. The material included a corpus of periodicals, archives, financial encyclopaedias and dictionaries, as well as online media. The author draws an inference that an interweaving of the conceptual domains of idleness and finance generates a metaphorical transfer from human characteristics to monetary entities with an expressive negative connotation of cognitive models that metaphorically reflect the attitude towards idle capital. Moreover, finding their way into the lexical equipment of the professional continuum, AMMs activate students' rhetorical thinking, simplifying concepts that are difficult for them to understand and increasing their level of learning intuitiveness. The results can be of interest to linguists and experts in cultural studies and be used in the field of discourse analysis.

Keywords: *anthropomorphic monetary metaphors, unproductive capital, linguocultural space, metaphorical transfer, English-language financial discourse*

For citation: Vorontsova I.I. Role of the *Unproductive Money* Concept in the Production of Anthropomorphic Metaphors in English-Language Financial Discourse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 58–68. DOI: 10.37482/2687-1505-V334

Введение. Научный, публицистический, профессиональный дискурсы являют все больше свидетельств тому, что использование образного языка не только способствует яркому выражению идей и эмоций, но и выполняет различные функции, такие как объяснение, оценка, воздействие на взгляды и отношения реципиентов, завлекая последних в некую семантическую ловушку. Реймонд Гиббс в труде «Метафорические войны: концептуальные метафоры в жизни человека» называет своих коллег – исследователей из группы Pragglejaz¹ – идеальным примером того, почему любители языка обожают метафоры [1].

Целью настоящего исследования стало определение места и роли антропоморфных монетарных метафор семантического поля «непроизводительный капитал» в квалификации финансовых категорий.

Поскольку объем академических изысканий в поле метафорического мышления в оптике когнитивно-дискурсивной и антропоцентрической научных парадигм продолжает расти, акцентируется приоритет лингвосомиологического вектора анализа профессиональной метафоры [2], позволяющего фиксировать результаты освоения профессиональной информации. Антропометричность метафоры, т. е. соизмеримость сопоставляемых наименований и объектов в человеческом сознании безотносительно к реальным сходствам и различиям сопоставляемых сущностей, самым естественным образом вписывается в создание новой модели науки, в которой метафора предстает органичным элементом научной деятельности [3, с. 62]. Актуальность исследования обусловлена тенденцией роста употребления антропоморфных монетарных метафор в финансовом дискурсе и, следовательно, необходимостью изучения данных форм с позиций их интерпретации и прагматического воздействия на реципиента в соответствии с современной лингвистической когнитивной антропоориентированной парадигмой.

Безусловно, многообразие функционала антропоморфного образного языка, в частности монетарных метафор, в профессиональном дискурсе объясняет широту спектра трактовок и лингвистических подходов к этому когнитивному явлению в современной отечественной и зарубежной лингвистике: деньги «порождают метафорическую экспансию» [4]. Тем не менее метафорическое описание непроизводительного капитала представлено в существующих научных трудах весьма фрагментарно.

В статье сделан акцент на продуктивности антропометрических когнитивных инструментов для создания в английском языке образных адъективных средств выражения категории денег. На основании проанализированного эмпирического материала выделены наиболее продуктивные структуры, архитектурно представляющие модель *adjective + money*, где прилагательное в коннотации непроизводительности сообщает отрицательно-оценочное (пейоративное) значение всему образному выражению. В процессе исследования доказано, что описываемые монетарные метафоры являются сложным когнитивным механизмом, требующим осмысления семантического наполнения составляющих его компонентов для интерпретации смысла целостной метафорической единицы.

Теоретическая значимость настоящей работы мыслится во вкладе в дальнейшее углубленное изучение антропоморфной монетарной метафоры различных семантических полей с опорой на современную ментальную парадигму исследования метафоры в триаде дискурс – мышление – общение [5, с. 99]. Результаты проведенного изыскания могут найти применение в области лингвистики, когнитивистики, концептологии, культурологии и дискурс-анализа. Практическая ценность исследования видится в перспективе использования его данных в практических курсах лингвокультурологии, медиалингвистики, лингвоэкономики и перевода профессиональных текстов.

¹Pragglejaz Group. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse // *Metaphor and Symbol*. 2007. Vol. 22, № 1. P. 1–39.

Теоретические основы исследования. Настоящая статья выстроена в достаточно широком теоретическом контексте когнитивной лингвистики и концептуальной теории метафор (Дж. Лакофф и М. Джонсон, Дж. Лакофф и М. Тернер, Р. Гиббс, З. Кевечеш, В.И. Заботкина, М.Н. Коннова), где метафора определяется как набор соответствий между двумя концептуальными областями – источником и целевыми доменами – и рассматривается как когнитивный инструмент «структурирования мышления и, следовательно, языка» [6].

«Объясняя абстрактное и незнакомое в терминах конкретного и интуитивно понятного, метафора облегчает восприятие фактов и умозаключений, увеличивая содержательность и запоминаемость информации» [7, с. 369]. Установлено, что в отдельных случаях культурное своеобразие может создавать асимметрию лингвистического поиска для не носителей языка, ибо лингвистические образы связаны с отражением не столько объективной реальности, сколько культурной картины мира, существующей в представлении говорящего [8]. Таким образом, уменьшается сила метафорической убедительности и снижается уровень интуитивности обучения. Это актуализирует изучение антропоморфных монетарных метафор, претендующих на заметную нишу в лексическом инвентаре языка, в культурологическом аспекте [9].

Автор выражает надежду, что материалы, нашедшие свое отражение в настоящей работе, могут быть интересны и полезны лингвистам, когнитологам, специалистам в области лингвоэкономики.

Методология исследования. Анализ данных проведен на примерах монетарных образных выражений из корпусных материалов на английском языке, архивов, материалов интернет-медиа и лексикографических словарей. Общее количество рассмотренных высказываний с монетарными образными выражениями составило более 1200 ед.

Сама природа метафоры антропометрична, ибо в основе метафоризации лежат ассоциативные связи, инспирированные опытом человека в силу его способности мыслить метафорически.

Финансовый мир наполнен антропоморфными фигуративными выражениями, что наглядно демонстрирует описание монетарных процессов, где монетарные метафоры несут коннотативную нагрузку – яснее, ярче, эмоциональнее выразить мысль. В основе метафорического переноса лежит сопоставление характеристик мира людей и мира денег с акцентированной когнитивно-прагматической ориентацией на особенности финансового поведения человека.

Проведенная аналитика подтверждает постулат (*money is human – деньги обладают человеческими чертами*²) более ранних исследований (Дж. Чартерис-Блэк (2004), З. Кевечеш (2010), Х. Херрера-Солер и М. Уайт (2012)) и позволяет утверждать, что антропоморфные монетарные образные знаки в языке бизнеса и экономики предстают наиболее убедительными способами структурирования абстрактных понятий. Неосвязаемый феномен денег в сочетании с человеческими качествами становится антропоморфным, облегчая восприятие, поскольку персонификация как «форма онтологической метафоры обеспечивает определенный экзистенциальный статус целевой области и предлагает один из лучших исходных доменов, которые у нас есть, – это мы сами» [10, р. 39]. Общая семантическая нагрузка адъективных модификаторов профилирует деньги так, что образное значение денежных выражений в силу когнитивного переноса на физические и психические состояния человека видоизменяет абстрактное понятие, позволяя воспринимать деньги как личность [11].

Результаты исследования. С позиций когнитивной лингвистики метафора представляет собой межфреймовое проецирование (*frame-to-frame mapping*, в терминологии Дж. Лакоффа [12]), в процессе которого структура до-

²Здесь и далее приводится перевод автора настоящей статьи.

мена источника накладывается на структуру домена цели. Интерпретация метафорического образа реализуется в процессе когнитивного освоения новых дискурсивных форм с элементами «разных семиотических систем, обусловленных контекстуальными связями» [13, с. 34].

В квалификации финансовых понятий можно проследить активное участие антропоморфных образов, метафорически экспонирующих категорию денег в семантике неиспользуемых ресурсов. Адъективные словосочетания *barren money*, *lazy money*, *idle money*, *bad money*, *dead money* в семантике бесплодности, лени, праздности, ненормативности, смерти ведут себя как идеализированные когнитивные модели, концептуализируя максимум информации с минимальными затратами благодаря тому, что ранее структурированная информация облегчает доступ к еще не структурированной [14].

Экономические словари (словарь финансовых терминов InvestorWords³, New English-Russian Explanatory Dictionary of Financial Markets⁴, «Толковый англо-русский словарь финансовых терминов»⁵) трактуют *barren money*, *lazy money*, *idle money*, *bad money*, *dead money* как непроизводительный – *unproductive* – капитал, который не приносит процентов, хотя, безусловно, оттеняют различия в их значениях.

Barren money

В настоящее время англоязычный финансовый дискурс обнаруживает повышение частотности метафоры *barren money* – *бесплодные деньги*⁶, не приносящие процентов или иных доходов (также *idle funds*⁷ – *празднoleжащие фонды*).

Простым примером могут служить запрятанные в бумажник хозяина или портмоне хозяйки, хранящиеся в сейфе или под матрасом наличные деньги домохозяйства на случай непредвиденного кризиса. В прошлом, когда банки были закрыты по выходным, не существовало круглосуточных банкоматов и дебетовых карт, такой подход был не лишен смысла, однако в наши дни он полностью утрачен. Проводимая аналогия с бесплодными особями (*barren* – *яловый*, о скоте⁸) подчеркивает отсутствие воспроизведения себе подобных, нерепродуктивность, терминальность развития: *An empty vessel, barren of life and prophecy*⁹ – *Пустой сосуд, лишенный жизни и пророчеств*.

Модель свободного дискурса управляет языковыми знаками, сплетая концептуальную область бесплодия, бездействия с доменом финансов и порождая метафорическую фразу по классической семантической модели: *barren spectators* – *равнодушные зрители*¹⁰.

Визуализация адъективного словосочетания *barren money* – *бесплодные деньги* –

³InvestorWords.com. URL: <https://www.howthemarketworks.com/investorwords-com/> (дата обращения: 28.09.2023).

⁴New English-Russian Explanatory Dictionary of Financial Markets. URL: <https://slovar-vocab.com/english-russian/new-financial-markets-vocab.html> (дата обращения: 28.09.2023).

⁵Толковый англо-русский словарь финансовых терминов. URL: <https://inflexio.ru/glossary/> (дата обращения: 28.09.2023).

⁶New English-Russian Explanatory Dictionary of Financial Market. URL: <https://slovar-vocab.com/english-russian/new-financial-markets-vocab/barren-money-1183865.html> (дата обращения: 12.09.2023).

⁷A Collection of TED Talks (and More) on the Topic of Economics. URL: <https://www.ted.com/topics/economics> (дата обращения: 25.06.2023).

⁸Новый большой англо-русский словарь. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus_apresyan/8236/barren (дата обращения: 21.09.2023).

⁹Spirituality of the Empty Vessel. URL: <https://glenben10.wordpress.com/2012/07/25/spirituality-of-the-empty-vessel/> (дата обращения: 04.10.2023).

¹⁰English-Russian Base Dictionary. URL: https://basic_en_ru.academic.ru/13295/barren (дата обращения: 04.10.2023).

явственно прослеживается в рассуждениях Аристотеля о деньгах и его аргументации против ростовщичества – *usury*, которое извлекает выгоду из самих денег, а не способствует торговле полезными товарами, и из всех способов получения богатства является самым неестественным [15]: *Aristotle observed that since money is barren (i. e., it does not leave offspring like cattle or wheat do), it is unjust to lend it at interest* – Аристотель заметил, что, поскольку деньги бесплодны, (т. е. не оставляют потомства, как скот или пшеница), несправедливо давать их займы под проценты¹¹.

Lazy money

Ленивые деньги – *lazy money* – те деньги, что не работают, но представляют собой безопасные инвестиции (*lazy portfolio* (инвест.) – портфель лежебоки, портфель простака¹²), как, например, деньги на *checking accounts* – процентных чековых счетах¹³.

Правда, важно заботиться о получении процентов, опережающих инфляцию.

Синонимом прилагательного *lazy* выступает *idle*, как синонимом неисчисляемого существительного *laziness* – лень является *idleness*

– *праздность: capital idleness* – бездействие капитала¹⁴; *cost of idleness* – затраты при простое¹⁵; *Current employment laws will be changed to reward effort and punish laziness*¹⁶ – В действующие законы о занятости будут внесены изменения, дабы вознаграждать усилия и наказывать лень. В следующих примерах исходный домен – состояния человека, а целевой домен – монетарные сущности, схожие с людьми в некоторых характеристиках: *sweet idleness*¹⁷ – сладостное безделье; *busy idleness* – показная суемота¹⁸; *idleness is the parent of vice* – лень – мать всех пороков; *eat the bread of idleness* – вести праздную жизнь¹⁹.

Idle money

Прилагательное *idle* применительно к людям имеет такие общие значения, как *doing nothing* – ничем не занятый, *purposeless* – бесцельный, *lazy* – ленивый: *idle rich*²⁰ – живущие в праздности богачи; *idle folks lack no excuses* – у лодырей всегда оправдание найдется; *the world divided into the idle rich and the labouring poor* – мир разделился на праздных богачей и трудящихся бедняков²¹.

Английское прилагательное *idle* (др.-англ. *idel*, родственно нем. *Eitel* – тщетный,

¹¹Glosbe.com. URL: <https://glosbe.com/en/en/barren%20money> (дата обращения: 21.09.2023).

¹²Multitran. URL: <https://www.multitran.com/m.exe?s=lazy+portfolio&l1=1&l2=2> (дата обращения: 04.10.2023).

¹³English-Russian Dictionary of Economics and Finance. URL: <https://slovar-vocab.com/english-russian/economic-finances-vocab/money-supply-1887585.html> (дата обращения: 11.10.2023).

¹⁴English-Russian Dictionary of Diplomacy. URL: https://diplomacy_en_ru.academic.ru/4885/capital_idleness (дата обращения: 11.10.2023).

¹⁵English-Russian Dictionary of Accounting and Auditing. URL: <https://slovar-vocab.com/english-russian/vocab-accounting-audit/cost-of-idleness-1089486.html> (дата обращения: 13.10.2023).

¹⁶Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. URL: https://archive.org/details/collinscobuilda-d0000unse_m7k3 (дата обращения: 25.06.2023).

¹⁷Glosbe.com. URL: <https://glosbe.com/en/en/sweet%20idleness> (дата обращения: 18.10.2023).

¹⁸English-Russian-English Dictionary of General Lexis. URL: <https://slovar-vocab.com/english-russian-english/best-collection-vocab/busy-idleness-4827013.html> (дата обращения: 18.10.2023).

¹⁹Универсальный англо-русский словарь. URL: https://universal_en_ru.academic.ru/ (дата обращения: 25.06.2023).

²⁰Merriam-Webster.com. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/idle%20rich> (дата обращения: 01.10.2023).

²¹Универсальный англо-русский словарь.

не приносящий желаемого результата²²) первоначально означало пустой (*empty*), а также бесполезный (*useless*), никчемный, напрасный (*worthless*). Отнесенное к людям значение *unemployed, out of work* – безработный²³ в *idle workers* – бездействующие работники²⁴ – восходит к X веку.

Более жесткие, неодобрительные оттенки значения *avoiding work* – избегающий работы, *lazy* – ленивый²⁵, *indolent*²⁶ – бездельный датируются XIV веком. Одно из значений глагола *idle* в коллокации с существительными (*to spend one's time doing nothing* – проводить время в ничегонеделании), подпитывающее идею праздности, впервые встречается в XVII веке в дневнике Сэмюэля Пеписа²⁷: *to idle away the afternoon* – пробездельничать полдня; *to idle 200 workers* – уволить 200 рабочих.

Idle money – тазаврированные деньги, неинвестированные денежные средства, неиспользуемые свободные средства²⁸; *idle funds*²⁹ – празнолежащий капитал, *idle cash* – незадействованные ресурсы³⁰ – все это отно-

сится к деньгам, которые находятся в распоряжении государственных учреждений, предприятий и частных лиц и не используются или не приносят дохода: *Idle money is contrary to the nature of capitalism, and owners of funds search for profitable investments*³¹ – Неиспользуемые денежные средства противоречат самой природе капитализма, и собственники средств ищут возможности их прибыльного приложения.

Примером неиспользуемых средств являются деньги, хранящиеся на традиционных сберегательных счетах, где они постепенно обесцениваются из-за инфляции, т. е. превращаются в *bad idle cash*³² – плохие денежные средства, не только не приносящие проценты или прибыль, но и порой выходящие на *negative real-adjusted returns of idle cash* – отрицательный возврат денежных средств: *These figures represent idle money, which means recession*³³ – Эти цифры представляют бездействующие деньги, что означает экономический спад.

²²Wörterbuch Deutsch-Russisch. URL: https://deutsch_russisch.academic.ru/ (дата обращения: 18.10.2023).

²³Англо-русский словарь по экономике и финансам. URL: https://economics_finance_en_ru.academic.ru/36467/unemployed (дата обращения: 01.07.2023).

²⁴English-Russian Combinatory Dictionary. URL: https://combinatory_en_ru.academic.ru/20678/%28an%29+idle+worker (дата обращения: 01.07.2023).

²⁵Large English-Russian Phrasebook. URL: https://large_phrasebook_en_ru.academic.ru/9281/lazy (дата обращения: 25.06.2023).

²⁶Merriam-Webster.com. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/indolent> (дата обращения: 25.06.2023).

²⁷The Diary of Samuel Pepys: Daily Entries from the 17th Century London Diary. URL: <https://www.pepysdiary.com/> (дата обращения: 18.10.2023).

²⁸New English-Russian Explanatory Dictionary of Financial Markets. URL: https://financial_markets_en_ru.academic.ru/3979/idle+money (дата обращения: 17.07.2023).

²⁹Investopedia. URL: <https://www.investopedia.com/terms/i/idlefunds.asp> (дата обращения: 01.07.2023).

³⁰Универсальный англо-русский словарь.

³¹European Parliament Proceedings Parallel Corpus 1996–2011. URL: <https://www.statmt.org/europarl/Loan+Capital> (дата обращения: 29.08.2023).

³²European Parliament Proceedings Parallel Corpus 1996–2011. URL: <https://www.statmt.org/europarl/finance+idle+cash> (дата обращения: 29.08.2023).

³³Liew C. Sitting on Cash? Invest \$15,000 in This Dividend Stock for \$27,833.72 in a Decade. URL: <https://org.europarl/ /2023/07/09/sitting-on-cash-invest-15000-in-this-dividend-stock-for-27833-72-in-a-decade/> (дата обращения: 25.07.2023).

В этом отношении интересен пример (*Can we marry the idle men and the idle money?*³⁴ – *Возможно ли совместить праздных людей и праздные деньги?*), эксплицирующий использование прилагательного *idle* в прямом и переносном значениях в рамках одного предложения.

Bad money

Применительно к людям прилагательное *bad* предполагает злоумышленника, человека предосудительного поведения, причиняющего вред другим: *there is no such thing as a bad boy*³⁵ – *плохих парней не бывает; many persons of known bad character were preventively imprisoned* – *многие лица, известные своей неблагонадежностью, были посажены в тюрьму в превентивных целях; bad companies became bad because they do bad things*³⁶ – *плохие компании стали плохими, потому что совершают плохие поступки.*

В контексте культурологического пространства англоязычного финансового дискурса *bad money* – валюта, ценность которой равна или меньше ее номинальной стоимости. *Good money* – *хорошие деньги* – имеют потенциал большей стоимости, чем их номинал. Шотландский экономист Генри Даннинг Маклеод приписал этот закон сэру Томасу Грешему (XIX век). Закон Грешема – Gresham's law – гласит: если два вида денег в обращении имеют одинаковую номинальную, но разную внутреннюю стоимость, деньги с более высокой внутренней стоимостью будут накапливаться и в конечном итоге вытеснятся из обращения деньгами с меньшей внутренней стоимостью.

Другими словами, плохие деньги вытесняют из обращения хорошие деньги: *A market which drives bad money out and compensates suppliers of good money*³⁷ – *Рынок, который вытесняет плохие деньги и компенсирует поставщикам хорошие деньги.* Таким образом, метафора создает аспекты в целевой области: *So if barbarity is the triumph of force, bad money is the triumph of economy – in a metaphoric sense...*³⁸ – *Стало быть, если варварство – триумф силы, то плохие деньги – триумф экономики, в метафорическом смысле...*

Вышедшая на экраны США в 2019 году криминальная драма «Bad Money» (реж. Дж. Хэзлетт) демонстрирует, как люди прибегают к плохим деньгам, чтобы выжить в нестабильном финансовом мире.

Dead money

Переход от состояния жизни (*alive*) к состоянию смерти (*dead*), естественный для каждого живого существа, проявляется в англоязычном финансовом дискурсе имплицитно, поскольку метафора отображает только такие атрибуты исходного домена, которые не создают конфликта в структуре целевого домена (перепределение домена). *Dead money* – *мертвые деньги* – термин для обозначения мертвого, не приносящего дохода капитала либо инвестиций, не имеющих достаточного роста или не приносящих дивидендов. Это могут быть деньги, спрятанные в матрасе, беспроцентный расчетный счет или акции, цена которых заморозилась: *Well, bonds are dead money right now*³⁹ – *Облигации – это мертвые деньги.* Экспрессивная отрицательная коннотация метафорично

³⁴UK Parliament. Parliamentary Archives. URL: <https://archives.parliament.uk/online-resources/1908/12/03/archives/idle-money-and-idle-men.html> (дата обращения: 29.08.2023).

³⁵A Collection of TED Talks (and More) on the Topic of Economics.

³⁶Sull D. Why Good Companies Go Bad. URL: <https://hbr.org/1999/07/why-good-companies-go-bad> (дата обращения: 10.08.2023).

³⁷Majaski C. What Is Seigniorage and Does It Cause Inflation? With Example. URL: <https://www.investopedia.com/terms/s/seigniorage.asp> (дата обращения: 28.09.2023).

³⁸Sound Art Pierre Schaeffer II. URL: <https://preparedguitar.blogspot.com/2016/04/sound-art-pierre-schaeffer-ii.html> (дата обращения: 18.10.2023).

³⁹Levin J. Bonds as Diversifiers Aren't Dead – Just Dormant. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2023-10-26/bonds-as-diversifiers-aren-t-dead-just-dormant> (дата обращения: 02.10.2023).

отражает отношение к бездействующему капиталу, концептуализируемому как состояние смерти живых субъектов.

В литературном контексте метафора использована в названии книги Чарльза Р. Морриса «Куча мертвых денег: Великий крах и глобальная депрессия, 1929–1939» – «A Rabble of Dead Money: The Great Crash and the Global Depression, 1929–1939»⁴⁰. К примеру, первым дополнением к играм серии *Fallout* стало *Dead Money* – Убежище⁴¹. Интересно, что выражение *dead on the money*⁴² не выстраивается на основе денег, а подразумевает однозначное согласие собеседника: *совершенно верно, чистая правда*.

Изучение профессиональных антропоморфных метафор в качестве дидактического инструмента задействует риторическое мышление студентов. Происходит реструктуризация профессионального континуума, проникновение в суть предмета как способ увидеть знакомый объект или явление в новом, не опробованном преломлении, упрощаются сложные для понимания понятия, достигается запечатление в оперативную память.

Если говорить о методических рекомендациях, то педагогический дискурс предполагает равным образом и кропотливую работу педагога по целенаправленному насыщению своей речи новыми метафорами, ибо это способствует реализации обратной связи между преподавателем и студентами. Такие естественные и спонтанные обучающие моменты разнообразят занятие и остаются в памяти.

Заключение. С развитием и оформлением экономики как отдельной науки антропоморфная монетарная метафора находит воплощение на макроуровне экономического дискурса и на микроуровне терминологии.

Многочисленные примеры, приведенные в настоящей работе, иллюстрируют, сколь различные когнитивные инструменты в построении отобранного ряда монетарных образных выражений могут способствовать более глубокому осознанию механизма функционирования антропоморфных образных выражений в профессиональном английском языке бизнеса и финансов. В связи с этим весьма органично звучит утверждение Джозефа Уильямса о том, что метафора – это способ исследования предмета, способ видеть предмет через призму новых перспектив [16].

Проведенный анализ убедительно демонстрирует, что метафорический перенос качеств человека на именованная неодушевленных объектов в межкультурном деловом и профессиональном экономическом дискурсе вполне естественно влечет за собой использование эмоционально-оценочных и экспрессивно-образных средств для выражения субъективного отношения говорящего к предмету речи и передачи эмоций. Этот производный механизм – от более общих иконических моделей к конкретным метафорам – является еще одним основанием лингвистической экономики.

Возможные перспективы дальнейшего интердисциплинарного исследования усматриваются в анализе межфреймового проецирования антропоморфных монетарных метафор с позиций когнитивной лингвистики.

Список литературы

1. *Gibbs R. W. Jr.* Metaphor Wars: Conceptual Metaphors in Human Life. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2017. 320 p.
2. *Харченко В.К.* Профессионализм врача в зеркале языка метафор: о монографии О.С. Зубковой «Метафора в профессиональной семиотике» // Язык профессионального общения и лингвистические исследования: сб. ст.

⁴⁰ *Morris Charles R.* A Rabble of Dead Money: The Great Crash and the Global Depression, 1929–1939. PublicAffairs, 2017. 416 p.

⁴¹ *Dead Money.* URL: https://fallout.fandom.com/ru/wiki/Dead_Money (дата обращения: 08.10.2023).

⁴² *Cambridge Dictionary.* URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/dead-on> (дата обращения: 08.10.2023).

междунар. науч.-практ. семинара / отв. ред. Т.В. Самосенкова, Л.Г. Петрова. Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. С. 215–219.

3. *Воронцова И.И.* Метаморфозы образа и смысла: метафорика англоязычного экономического дискурса: моногр. М.: РГГУ, 2023. 373 с.

4. *Чудинов А.П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: моногр. Екатеринбург, 2003. 248 с.

5. *Кушникова Л.В., Гейхман Л.К., Кан С.* Когнитивные стратегии перевода антропонимической метафоры в художественном дискурсе // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2022. № 3(461). С. 98–104. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10314>

6. *Deignan A.* Corpus Linguistic Data and Conceptual Metaphor Theory // *Confronting Metaphor in Use: An Applied Linguistic Approach* / ed. by M.S. Zanotto, L. Cameron, M.C. Cavalcanti. Amsterdam: John Benjamins Pub., 2008. P. 149–162.

7. *Заботкина В.И., Коннова М.Н.* Прецедентные метафоры как инструмент языковой манипуляции в англо-американском медиадискурсе: аксиологический аспект // Новый филол. вестн. 2022. № 3(62). С. 367–382.

8. *Bustan F., Semiun T., Ulinisa U.* The Forms and Meanings of Anthropomorphic Metaphors // *J. Edulanguage*. 2022. Vol. 8, № 1. P. 11–19.

9. *Алексеева Д.А.* Финансово-экономические метафоры в английском сленге // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, № 3. С. 252–255.

10. *Kövecses Z.* *Metaphor: A Practical Introduction*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. 375 p.

11. *Silaški N., Đurović T.* Is Your Money Mad, Barren or Smart? – Metaphorical and Metonymical Expressions with Money in English // *Languages and Cultures in Time and Space V*. Novi Sad: Univ. Novi Sad, 2016. P. 37–45.

12. *Lakoff J.* *The Neural Theory of Metaphor* // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* / ed. by R.W. Jr. Gibbs. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2008. P. 17–38.

13. *Воякина Е.Ю.* Метафоронимические проекции в цифровом мультимодальном дискурсе // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 34–43. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V273>

14. *Кубрякова Е.С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2004. № 1. С. 6–17.

15. *Dunne L.* Aristotle's 6 Most Important Works // *The Collector*. 2023. Aug. 1. URL: <https://www.thecollector.com/aristotle-most-important-works/> (дата обращения: 12.03.2024).

16. *Williams J.M.* *Style: The Basics of Clarity and Grace*. N.Y.: Pearson Longman, 2006. 148 p.

References

1. Gibbs R.W. Jr. *Metaphor Wars: Conceptual Metaphors in Human Life*. New York, 2017. 320 p.

2. Kharchenko V.K. Professionalizm vracha v zerkale yazyka metafor: o monografii O.S. Zubkovoy “Metafora v professional’noy semiotike” [Doctor’s Professionalism Mirrored in the Language of Metaphors: On O.S. Zubkova’s Monograph *Metaphor in Professional Semiotics*]. Samosenkova T.V., Petrova L.G. (eds.). *Yazyk professional’nogo obshcheniya i lingvisticheskie issledovaniya* [Language of Professional Communication and Linguistic Research]. Belgorod, 2011, pp. 215–219.

3. Vorontsova I.I. *Metamorfozy obraza i smysla: metaforika angloyazychnogo ekonomicheskogo diskursa* [Metamorphoses of Image and Meaning: Metaphors of English-Language Economic Discourse]. Moscow, 2023. 373 p.

4. Chudinov A.P. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication]. Yekaterinburg, 2003. 248 p.

5. Kushnina L.V., Geykhman L.K., Kang X. Cognitive Strategies for Translating the Anthroponymic Metaphor in Artistic Discourse. *Bull. Chelyabinsk State Univ.*, 2022, no. 3, pp. 98–104 (in Russ.). <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10314>

6. Deignan A. Corpus Linguistic Data and Conceptual Metaphor Theory. Zanotto M.S., Cameron L., Cavalcanti M.C. (eds.). *Confronting Metaphor in Use: An Applied Linguistic Approach*. Amsterdam, 2008, pp. 149–162.

7. Zabolotkina V.I., Konnova M.N. Precedentnye metafory kak instrument yazykovoy manipulyatsii v anglo-amerikanskom mediadisкурсе: aksiologicheskiy aspekt [Conventional Metaphors as a Manipulative Tool in British and American Media: Axiological Perspective]. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2022, no. 3, pp. 367–382.

8. Bustan F., Semiun T.T., Ulinsa U. The Forms and Meanings of Anthropomorphic Metaphors. *J. Edulanguage*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 11–19.

9. Alekseeva D.A. Finansovo-ekonomicheskie metafory v angliyskom slenge [Financial and Economic Metaphors in the English Slang]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika*, 2016, vol. 16, no. 3, pp. 252–255.

10. Kövecses Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. Oxford, 2010. 375 p.

11. Silaški N., Đurović T. Is Your Money Mad, Barren or Smart? – Metaphorical and Metonymical Expressions with Money in English. *Languages and Cultures in Time and Space V*. Novi Sad, 2016, pp. 37–45.

12. Lakoff J. The Neural Theory of Metaphor. Gibbs R.W. Jr. (ed.). *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. New York, 2008, pp. 17–38.

13. Voyakina E.Yu. Metaphonymic Projections in Digital Multimodal Discourse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 34–43. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V273>

14. Kubryakova E.S. Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoy lingvistiki [Of Cognitive Science Guidelines and Vital Problems of Cognitive Linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2004, no. 1, pp. 6–17.

15. Dunne L. Aristotle's 6 Most Important Works. *The Collector*, 1 August 2023. Available at: <https://www.thecollector.com/aristotle-most-important-works/> (accessed: 12 March 2024).

16. Williams J.M. *Style: The Basics of Clarity and Grace*. New York, 2006. 148 p.

Информация об авторе

И.И. Воронцова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Российского государственного гуманитарного университета (адрес: 125993, Москва, Миусская пл., д. 6).

Information about the author

Irina I. Vorontsova, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Foreign Languages, Russian State University for the Humanities (address: Miusskaya pl. 6, Moscow, 125993, Russia).

Поступила в редакцию 20.10.2023

Одобрена после рецензирования 22.01.2024

Принята к публикации 25.01.2024

Submitted 20 October 2023

Approved after reviewing 22 January 2024

Accepted for publication 25 January 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 2. С. 69–80.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 69–80.

Научная статья

УДК 811.134.2

DOI: 10.37482/2687-1505-V335

Мультимодальная репрезентация Дня мертвых в мексиканском мультипликационном дискурсе

Юлия Андреевна Горностаева

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия,

e-mail: yulyatald@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>

Аннотация. Статья посвящена установлению мультимодальных средств репрезентации Дня мертвых в мексиканских детских анимационных фильмах на испанском языке. В фокусе исследовательского внимания находятся вербальные и невербальные средства репрезентации ключевого мексиканского праздника в анимационных фильмах «Сосо» и «El libro de la vida», выявляемые с помощью мультимодального анализа. Мультимодальная репрезентация празднования Дня мертвых представляет собой дискурсивное целое, передавая культурно значимую информацию через вербальный, визуальный и аудиальный модусы. День мертвых изображается в ярких цветах, символика которых уходит корнями в культуру древних племен майя и ацтеков. Смерть репрезентируется как естественный переход на следующую ступень существования, в мир вечного праздника. Ключевую позицию в мультимодальной репрезентации празднования Дня мертвых занимает идея сохранения памяти, которая на вербальном уровне актуализируется посредством лексических единиц с семантикой «память» и «близость» и лексико-тематической группы «семья и близкие», на невербальном (визуальном) – путем изображения воссоединения семей на кладбищах в День мертвых, на аудиальном – при помощи песенной композиции «Recuérdame», стиль и манера исполнения которой в мультфильме «Сосо» меняются в зависимости от того, кто ее исполняет и какие смыслы транслируются. Представители мексиканской лингвокультуры уверены в том, что человек продолжает жить, если о нем помнят. Жизнь в Стране незабываемых репрезентирована с помощью положительных оценочных прилагательных с семантикой «праздник»/«веселье», а бедные души в Стране забытых ожидают печальная одинокая участь и финальная смерть. При мультимодальной репрезентации Дня мертвых посредством определенных лексико-семантических единиц и визуальных компонентов анимационного текста раскрываются его ключевые культурно-специфические реалии (офренда, алебрехес, семпасучил, калавера).

Ключевые слова: День мертвых, Мексика, мультимодальная репрезентация, мультимодальный анализ, мексиканский мультипликационный дискурс

Для цитирования: Горностаева, Ю. А. Мультимодальная репрезентация Дня мертвых в мексиканском мультипликационном дискурсе / Ю. А. Горностаева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 69-80. – DOI 10.37482/2687-1505-V335.

Original article

Multimodal Representation of the Day of the Dead in Mexican Animation Discourse

Yuliya A. Gornostaeva

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia,

e-mail: yulyatald@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>

Abstract. The article aims to identify the multimodal means of representing the Day of the Dead in Mexican children's animated films in Spanish. The research focuses on the verbal and non-verbal means of representing this major Mexican holiday in the animated films *Coco* and *El libro de la vida*, which are identified using multimodal analysis. The multimodal representation of the celebration of the Day of the Dead is a discursive whole, conveying culturally significant information through verbal, visual and auditory modes. The holiday is depicted in bright colours, whose symbolism is rooted in the culture of the ancient Mayan and Aztec tribes. Death is shown as a natural transition to the next stage of existence, i.e. the bright world of the eternal holiday. The key idea in the multimodal representation of the celebration of the Day of the Dead is that of preserving memory, which at the verbal level is actualized through lexical units with the meanings of *memory* and *closeness* and through the lexical-thematic group *family and loved ones*; at the non-verbal (visual) level the idea is manifested by images of family reunions at cemeteries on the Day of the Dead, while at the auditory level, through the song "Recuérdame", whose style and manner of performance in *Coco* change depending on the singer and the meanings being conveyed. Representatives of Mexican linguoculture believe that a person continues to live as long as he/she is remembered. The life in the Land of the Remembered is portrayed by means of positive evaluative adjectives with the meaning of *holiday/fun*, while the poor souls in the Land of the Forgotten will face a sad and lonely fate and final death. Multimodal representation of the Day of the Dead involves using certain lexical-semantic units and visual components of the animated text to demonstrate the key culture-specific realia (*ofrenda, alebrije, cempasúchil, calavera*).

Keywords: *Day of the Dead, Mexico, multimodal representation, multimodal analysis, Mexican animation discourse*

For citation: Gornostaeva Yu.A. Multimodal Representation of the Day of the Dead in Mexican Animation Discourse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 69–80. DOI: 10.37482/2687-1505-V335

Введение. Представление о смерти является одним из ключевых в языковой картине мира каждой лингвокультуры, отношение к смерти и ее восприятие формируются с детства и находят свое отражение в языке – во фразеологизмах, поговорках и эвфемизмах. День мертвых в Мексике – самобытный праздник, концентрирующий в себе культурно-специфические реалии и репрезентирующий смерть и отношение к ней. Мультимодальный

анализ мексиканского мультипликационного дискурса, изображающего празднование Дня мертвых, позволит выявить вербальные и невербальные средства репрезентации культурных реалий и специфику восприятия смерти мексиканцами.

Мультимодальный подход к изучению коммуникации в настоящее время активно разрабатывается в рамках мультимодальной лингвистики, которая делает акцент на комп-

лексном исследовании поликодового текста, предполагающем рассмотрение сразу нескольких модальностей [1]. Ключевая черта мультимодальности – симультанность воздействия, обуславливающая необходимость интерпретационного подхода и невозможность расчленения дискурса на отдельные составляющие [2]. Меняется сам способ восприятия мира: речь и письмо теряют центральные позиции – их заменяют другие средства конструирования смыслов [3]. Термин «мультимодальность» опирается на понимание модальности, принятое в психологии, нейрофизиологии и информатике: это тип внешнего стимула, воспринимаемого одним из органов чувств человека, в т. ч. зрения и слуха [4, с. 134].

Несмотря на то, что наиболее информативным является вербальный модус коммуникации [4, с. 143], игнорирование визуального канала приводит к упущению целого ряда визуальных характеристик мультипликационного произведения – изображения, цвета и т. д. [5, с. 272].

Невербальная природа языка стала позиционироваться как объект лингвистического изучения только в середине XX века – при попытках описать специфику невербального поведения человека [6–9]. В конце XX века жесты начинают описываться как мысль говорящего в действии и как неотъемлемые компоненты речи [9], рассматриваемые в динамике как способ достижения желаемого коммуникативного намерения [10]. Так в фокус внимания лингвистов попали прагматические характеристики жестов в частности и невербального модуса коммуникации в целом [11].

Актуальность настоящей статьи определяется активным развитием исследований в области мультимодальной коммуникации, большой популярностью анимационных фильмов «Coco» и «El libro de la vida», выбранных в качестве материала для анализа, а также чрезвычайной значимостью Дня мертвых для пред-

ставителей мексиканской лингвокультуры и растущим интересом мирового сообщества к этой мексиканской традиции.

Новизна исследования определяется языковым анализом, объектом которого впервые становится мультимодальная репрезентация Дня мертвых в детских анимационных фильмах на испанском языке.

Цель работы – описать и проанализировать мультимодальные средства репрезентации Дня мертвых в мексиканском мультипликационном дискурсе.

Теоретическое ядро исследования. Мультипликация является собой, с одной стороны, «область киноискусства, представленную фильмами, созданными путем покадровой съемки последовательных фаз движения рисованных, живописных или объемно-кукольных образов»¹, с другой стороны – произведение, за которым скрывается образ его создателя, чье мышление фиксирует результат исторических, социальных, национальных, религиозных и прочих воздействий [12], отражающих ценности того общества и того времени, в котором оно создается [13], и формирующих определенные установки и нравственные критерии у подрастающего поколения [14, с. 126].

Мультипликационный дискурс – это поликодовый результат взаимодействия коллективного авторского замысла, сложного комплекса воздействия на зрителя и текста анимационного произведения, обладающего национально-культурной спецификой и отражающего ценности, установки и поведенческие модели лингвокультуры [15, с. 10].

Мультипликационный дискурс – это сложный феномен, включающий в себя «связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, а также невербальные компоненты – аудиовизуальный ряд и другие значимые для его смысловой завершенности невербальные факторы» [16, с. 70–71].

Дискурсивный подход к исследованию мультипликации как сложной системы, соединяющей

¹Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад. М.: Большая рос. энцикл., 2003. С. 153.

мультисемиотические аудиовизуальные тексты, связан с его лингвокультурологической спецификой и наличием реалий, которые благодаря проецированию на экран оживленной картинки могут быть определенным образом интерпретированы адресатом.

Под реалией понимается предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта народа [17, с. 14]; это события общественной и культурной жизни страны, обычаи и традиции, а также множество разрозненных фактов, не поддающихся классификации [18, с. 98].

Материалы и методы исследования. Ведущим методом исследования выступает мультимодальный анализ, предполагающий рассмотрение сразу нескольких коммуникативных модусов и основывающийся на раскрытии специфических аспектов коммуникации посредством определенной научной методологии. Так, вербальный модус предполагает изучение лексических и грамматических особенностей смысловой составляющей высказывания, а при анализе визуального канала коммуникации уделяется внимание картинке, цветам, жестам, мимике, позам, проксемике [4, 19].

Мультимодальные изыскания являются одной из центральных исследовательских траекторий лингвистики, в рамках которой рассматриваются способы репрезентации с участием не только языковых, но и других типов знаков [20, с. 25]. «Коммуникативно-прагматический подход к пониманию текста предполагает, что осмысление реальности может осуществляться через комбинацию речевых и неречевых аспектов» [21, с. 33]. Коммуникация не сводится к единой знаковой системе, она представляет собой специфическую форму симбиотического взаимодействия [22].

Мультимодальный дискурс подразумевает использование различных органов чувств для общения с помощью различных символов – языка, картинки, изображения, звуков [23]. В рамках нашей работы, вслед за А.А. Кибриком, мы понимаем мультимодальный дискурс как коммуникативный процесс, строящийся на основе текстуальных, звуковых, лингвистиче-

ских, пространственных и визуальных компонентов [4].

Материалом исследования стали два мексиканских анимационных фильма на испанском языке – «Сосо» (2017) и «El libro de la vida» (2014) – общей продолжительностью 200 мин. События в обоих произведениях разворачиваются в Мексике в День мертвых. «Сосо» рассказывает историю Мигеля Риверы, гитариста-самоучки, мечтающего, несмотря на запрет семьи, пойти по стопам своего кумира и стать музыкантом. В День мертвых Мигель узнает семейную тайну, которая приводит к воссоединению его семьи. «El libro de la vida» повествует о путешествии Маноло в три фантастических мира во время празднования Дня мертвых.

Результаты исследования. Визуальный ряд анимационных фильмов «Сосо» и «El libro de la vida» включает в себя изображения празднования Дня мертвых, посвященного памяти умерших предков. Согласно поверьям, в этот день души умерших могут посетить родные дома и провести время с живыми родственниками. Зрители получают возможность познакомиться с культурой Мексики благодаря демонстрации на экране различных культурных реалий, а национальные мелодии, звуки музыкальных инструментов играют роль аудиальных компонентов, которые наряду с видеорядом несут дополнительную информацию о мексиканской национальной культуре.

В ходе мультимодального анализа установлено, что центральное место в рассматриваемых видеовербальных текстах занимает идея сохранения памяти об умерших предках. Мексиканцы верят, что память об ушедших помогает поддерживать связь между прошлым и настоящим, а человек продолжает жить после смерти, если о нем помнят.

Средствами мультимодальной репрезентации данной идеи на **вербальном уровне** являются лексические единицы с семой «память» (*recuerdo*, от глагола *recordar* – «помнить»), используемые в сочетании с единицами лексико-тематической группы «родные и близкие» (*familia* – «семья», *ancestros* или *antepasados* –

«предки», *seres queridos* – «близкие») и указывающие на необходимость сохранить память о них. Празднование Дня мертвых репрезентируется авторами мультфильмов как возможность почувствовать связь с ушедшими предками: *sentir su presencia* («чувствовать их присутствие»), *seguir con nosotros* («продолжать находиться рядом с нами»), *estar contigo* («быть рядом с тобой»), *visitar a los vivos* («навещать живых»), *llevar en corazón* («носить в сердце»), *soñar en regresar* («мечтать вернуться»), *te acompañará* («она будет сопровождать тебя»).

В визуальном модусе коммуникации идея сохранения памяти репрезентирована при помощи фотографий на алтарях и могилах усопших. Благодаря фотографиям мексиканцы получают возможность сохранить в памяти образы своих близких. На аудиальном уровне указанная идея представлена песней «*Recuérdame*» («Помни меня») в мультфильме «Сосо». Мотив и манера исполнения композиции претерпевают изменения в зависимости от того, кто ее исполняет и какое значение она имеет в его жизни. «*Recuérdame*» вербализует первостепенное значение памяти посредством лексических единиц и метафорических выражений с семантикой «память»: *recordar* («помнить»), *llevar en corazón* («носить в сердце»), *sonar en regresar* («мечтать вернуться») и др. Забвение (*olvidar*) на вербальном уровне категоризируется как исчезновение (*desaparecer*):

Recuérdame, hoy me tengo que ir, mi amor.

Recuérdame... no llores por favor.

Te llevo en mi corazón y cerca me tendrás,

A solas yo te cantaré soñando en regresar.

Recuérdame, aunque tenga que emigrar.

Recuérdame si mi guitarra oyes llorar;

Ella con su triste canto te acompañará...

Hasta que en mis brazos estés.

Recuérdame...

Вспоминай меня, сегодня я должен уехать, милая.

Вспоминай меня... только прошу тебя, не плачь.

Ты всегда в моем сердце, а я с тобой незримо рядом.

Уединившись, я буду петь тебе, мечтая о возвращении.

Вспоминай меня, даже если мне придется уехать далеко.

Вспоминай меня, если до тебя донесется плач моей гитары;

Ее печальная песня непрестанно будет сопровождать тебя...

Пока ты не окажешься наконец в моих объятьях.

Вспоминай меня...

После смерти у души два пути: отправиться в Страну незабытых или в Страну забытых. Так, при описании Страны незабытых преобладают положительные оценочные прилагательные, вербализующие радость и описывающие красочность праздника, они нередко употребляются в форме сравнительной степени с наречием *más* («более»), подчеркивающим превосходство Страны незабытых над миром живых: *vibrante* («яркий»), *alegre* («радостный»), *más colorido* («красочнее»), *más bonito* («красивее»), *más festivo* («самый праздничный»), *mágico* («волшебный»), *fiestas interminables* («бесконечные вечеринки») и *desfiles espectaculares* («зрелищные парады»). Видеоряд репрезентирует разноцветные здания, украшенные вырезанными из бумаги гирляндами и черепами. Страна незабытых изображается как лучший мир для тех, кто продолжает жить в памяти своих близких (*pic. 1a*, с. 74):

La Tierra de los Recordados. Es un lugar festivo y mágico para aquellos que seguían viviendo en la memoria de sus seres queridos.

– Страна незабытых – это праздничное и волшебное место для тех, кто остался жить в памяти своих близких (*El libro de la vida*, 4:26);

¡La Tierra de los Recordados era vibrante y alegre! Todo era como en la tierra de arriba, pero más colorido y más bonito, ¡era más festivo! Y el Día de los Muertos, ese lugar era una explosión de fiestas interminables y desfiles espectaculares. – Страна незабытых была яркой и радостной! Все было как на земле, наверху, но еще красочнее, красивее и праздничнее! А День мертвых – это взрыв бесконечных вечеринок и зрелищных парадов (*El libro de la vida*, 48:55).

Страна забытых представляет собой тусклый и безжизненный мир, наполненный жалостью и грустью. На вербальном уровне это место печальной и одинокой участи (*triste y*

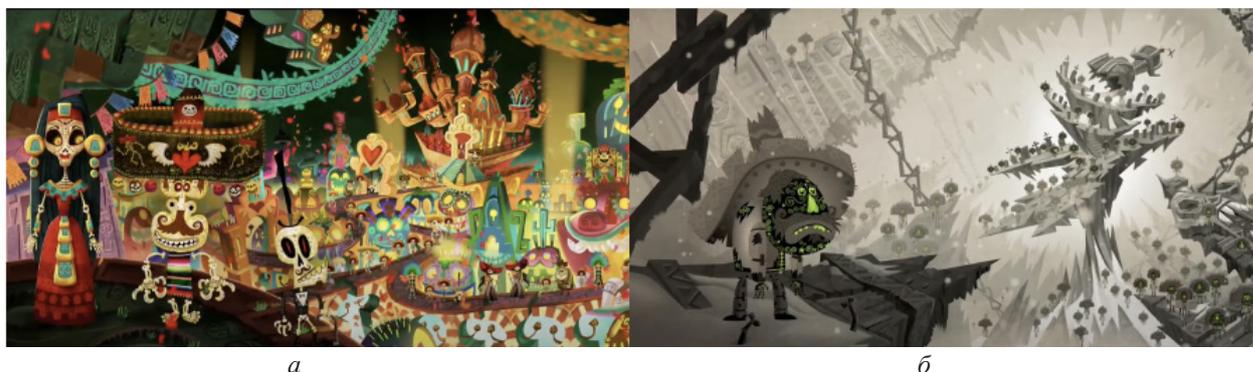

Рис. 1. Страна незабываемых (а; *El libro de la vida*, 4:26) и Страна забытых (б; *El libro de la vida*, 4:33)

Fig. 1. The Land of the Remembered (a; *El libro de la vida*, 4:26) and the Land the Forgotten (б; *El libro de la vida*, 4:33)

solitario destino) для бедных душ (*pobres almas, pobrecitos*), о которых уже никто не вспоминает (*nadie recordaba*):

La Tierra de los Olvidados. *El triste y solitario destino para aquellas pobres almas a las que ya nadie recordaba.* – Страна забытых – печальная и одинокая участь тех бедных душ, о которых больше никто не вспоминал (*El libro de la vida*, 4:33);

Bienvenidos a la Tierra de los Olvidados. Qué triste, ¿eh? Pobrecitos. Eso nos pasará a nosotros si no nos damos prisa. – Добро пожаловать в Страну забытых. Как грустно, да? Бедняжки. Это случится и с нами, если мы не поторопимся (*El libro de la vida*, 01:04:25).

На визуальном уровне преобладают мрачные тона, повсюду сухие деревья и заброшенные здания, вокруг которых скитаются безжизненные персонажи (рис. 1б).

Мексиканский мультипликационный дискурс учит зрителя не бояться смерти, а День мертвых позиционируется как время воссоединения семей. На вербальном уровне присутствуют лексические единицы с семьей «единение/близость»: *están contigo* («они рядом»), *sentir su presencia* («чувствовать их присутствие»), *unir a la familia* («объединять семью»), *ancestros pueden visitarnos* («предки могут прийти к нам в гости») и др.

На визуальном уровне изображается воссоединение семей (рис. 2): души усопших наблюдают за живыми и дают понять, что они бу-

дут здесь, пока о них не забывают (*mientras los recordemos, seguirán con nosotros*):

Tu madre está aquí con nuestros ancestros. Mientras los recordemos, seguirán con nosotros. En cuanto les olvidemos, se irán de verdad. – Твоя мама здесь, с нашими предками. Пока мы их помним, они остаются с нами. Как только мы забудем о них, они уйдут по-настоящему (*El libro de la vida*, 9:42).

Рис. 2. Предки, пришедшие навестить свои семьи в День мертвых (*El libro de la vida*, 8:54)

Fig. 2. Ancestors who came to visit their families on the Day of the Dead (*El libro de la vida*, 8:54)

Только в забвении они по-настоящему исчезнут (*en cuanto les olvidemos, se irán de verdad, desapareces*) – наступит финальная смерть (*la muerte final*):

Cuando no queda nadie en el mundo de los vivos que te recuerde, desapareces de este mundo.

Lo llamamos "La Muerte Final". – Когда в мире живых тебя больше никто не помнит, **ты исчезаешь** и отсюда. Вроде как **финальная смерть** (*Coco*, 46:30).

Рассмотрим подробнее культурно-специфические реалии Дня мертвых, представленные в анализируемых мультфильмах. При описании праздника визуальный ряд соответствует вербальному модусу коммуникации: преобладают лексические единицы с семантикой «волшебство/магия» и «единение», а видеоряд представлен красочными картинками (рис. 3), изображающими алтарь со свечами, цветами, угощениями и фотографиями членов семьи. Так сразу по нескольким каналам коммуникации День мертвых репрезентируется как нечто волшебное, праздничное, объединяющее всю семью. Посредством ряда прилагательных создается атмосфера волшебства и праздника: *mágico* («волшебный»), *festivo* («праздничный»). Вводится центральная культурно-специфическая реалия праздника – алтарь, или офренда:

En este día mágico y festivo las familias se llevan comida y ofrendas a los altares de sus seres queridos. – В этот **волшебный** и **праздничный** день семьи относят еду и дары на **алтарь** своих близких (*Coco*, 3:07);

Рис. 3. Алтарь (офренда) (*Coco*, 03:03)

Fig. 3. An altar (ofrenda) (*Coco*, 03:03)

Día de Muertos es la única noche del año... en que nuestros ancestros pueden venir a visitarnos. Ponemos sus fotos en la ofrenda para que sus espíritus puedan cruzar. <...> *Todo este trabajo*

para unir a la familia. – День мертвых – это единственная ночь в году, когда **предки могут навестить нас**. Мы ставим их фотографии на **алтарь**, чтобы **духи смогли перейти мост**. Все это делается, чтобы **собрать семью вместе** (*Coco*, 10:09).

Алебрихес – проводники усопших в Мире мертвых. В мультфильмах они изображены в виде оживленных разноцветных магических созданий, которые совмещают в себе элементы флоры и фауны, что коррелирует с вербальным модусом коммуникации, поскольку для описания данных персонажей используются следующие лексические единицы: *misterioso* («загадочный»), *poderoso* («могущественный»), *pueden tomar muchas formas* («могут принимать разные формы»). Цветовая палитра включает зеленый, голубой, фиолетовый, розовый и желтый цвета, каждый из использованных цветов имеет непосредственную связь со смертью в мексиканской культуре.

Алебрихес изображены в двадцатидневном цикле сапотекского календаря. Они должны направлять человека на его жизненном пути, что на вербальном уровне коммуникации актуализируется посредством глагола *guiar* («направлять») и его словоформ, а также производных лексических единиц в сочетании с существительным *alma* («душа»): *guían a las almas en su viaje* («направляют души в своем путешествии»), *verdadero guía espiritual* («настоящий дух-проводник»), *buen guía espiritual* («хороший дух-проводник»), *guiador* («проводник»), *huella* («след»):

Verdaderos Alebrijes. Criaturas espirituales. Guían a las almas en su viaje. – Это настоящие **духи-проводники**. **Направляют души в своем путешествии** (*Coco*, 22:55);

Los Alebrijes de este mundo pueden tomar muchas formas. Son tan misteriosos, como poderosos. – Волшебные существа в этом мире принимают разные формы. Они **загадочны** и **могущественны** (*Coco*, 38:35).

Бархатцы – еще один атрибут Дня мертвых. Цветы оранжевого цвета с притягательным ароматом расцветают в конце сезона дождей в

Мексике – к празднованию Дня мертвых. Считается, что их яркий цвет символизирует солнце, которое в мифологии ацтеков направляет духов в подземный мир. Терпкий аромат цветов в День мертвых направляет духов в Мир живых.

Жители Мексики прокладывают дорожку из бархатцев к домам для своих предков. Из них сооружен мост, через который проходят умершие из Мира мертвых в Мир живых. Благодаря лексическим единицам *camino* («дорога», «путь»), *punte* («мост»), *guien a nuestros antepasados a casa* («направляют предков домой») становится ясно, что семпасучил (бархатец) – связующее звено между двумя мирами. Бархатец является магическим атрибутом, при помощи которого предки главного героя мультфильма «Coco» Мигеля дают ему благословение на возвращение в Мир живых, – *te doy mi bendición* («я даю тебе благословение»):

No, no, no, no, no. Tenemos que hacer un camino. Que los pétalos guíen a nuestros antepasados a casa. – Нет, нет, нет, дорожка должна быть ровной. По лепесткам наши предки найдут к нам дорогу (*Coco*, 14:31).

Череп (*calavera*) – это неотъемлемый элемент праздника. Улицы и дома во время празднования Дня мертвых украшаются разноцветными черепами, а съедобные сладкие черепа традиционно ставятся на алтарь. Важным атрибутом праздника является Катрина – скелет в одежде красного цвета, украшенной желтыми бархатцами, добрая повелительница Страны забытых. Красный цвет в мексиканской культуре считается символом крови, а желтый – это цвет солнца, который олицетворяет жизнь. Катрина – символ бесконечности жизни и цикла перерождения (рис. 4):

Es La Catrina. Está hecha de azúcar candi. Ama a toda la humanidad y cree que todos los corazones son puros y verdaderos. – Это Катрина. Она сделана из сахарной пудры. Катрина любит все человечество и верит, что все сердца чисты и истинны (*El libro de la vida*, 4:53).

Рис. 4. Катрина – повелительница Страны забытых (*El libro de la vida*, 4:53)

Fig. 4. La Catrina – ruler of the Land of the Remembered (*El libro de la vida*, 4:53)

Рассмотрим символику цвета как средство визуальной репрезентации Дня мертвых. Цвет может транслировать как диктумное содержание, так и модусное, передающее эмоционально-оценочные коннотации. Кроме того, цвет является носителем прецедентных смыслов. При создании мультфильмов использованы цвета, которые имеют непосредственную связь с культурой Мексики и ее представлениями о скорби. Основные цвета и их символические значения представлены в таблице.

Заключение. Синхронная работа вербального модуса и видеоряда позволяет более точно распознать скрывающиеся экстралингвистические аспекты, упомянутые в мультфильмах. При рассмотрении анимационного произведения как комплексного культурного явления и инструмента межкультурного диалога необходимо принимать во внимание его глобальное значение, а также культурные особенности конкретной этнолингвистической группы.

Вербальные средства репрезентации Дня мертвых, включающие лексические единицы с семантикой «память» и «близость» и лексико-тематическую группу «семья и близкие», актуализируют идею сохранения памяти об ушедших родственниках, которая на аудиальном уровне представлена песенной композицией «*Recuérdame*». Посредством визуального канала коммуникации ярко репрезентируются ключевые культурные реалии праздника: офренда, алебрихес, семпасучил, калавера.

Символика цвета в мексиканских мультфильмах о Дне мертвых
Colour symbolism in Mexican animated films about the Day of the Dead

Цвет	Символика	Визуальная репрезентация в мультфильмах
Зеленый	Смесь синего и желтого как символ мистической связи природного и сверхъестественного. Большинство алебрихес (духов-проводников) облечено в зеленый	
Голубой	Имеет особое название – маянский голубой (<i>azul maya</i>). У древних майя являлся цветом жертвоприношения: обреченных на смерть раскрашивали в голубой. Непосредственно связан с загробным миром: духи из потустороннего мира представлены в мультфильмах в голубом обличи	
Фиолетовый	Репрезентирует боль, страдание, горе и траур, связанные с потерей близкого человека. Фиолетовые цветы и початки кукурузы используются для украшения могил. Мир мертвых в мультфильмах изображается в фиолетовых тонах	
Розовый	Мексиканский розовый (<i>rosa mexicano</i>) присутствует в традиционной одежде, изобразительном искусстве, ремесленном промысле. В мультфильмах используется для выражения радости, которую испытывает персонаж, думая о жизни близкого человека. Является основным цветом в одежде и украшениях персонажей	
Желтый и оранжевый	Символ света, который, согласно древней ацтекской традиции, направляет душу на протяжении всего путешествия из Мира мертвых в Мир живых. Во время празднования Дня мертвых мексиканцы украшают могилы лепестками оранжевого цветка – бархатца (<i>cempasúchil</i>)	

К визуальным характеристикам анализируемого анимационного дискурса также относятся яркие цветовые сочетания, восходящие к культуре древних племен майя и ацтеков и представляющие смерть как естественный переход в мир вечного праздника. В мультфильмах на вербальном, аудиальном и визуальном уровнях разграничиваются миры забытых и незабытых: положительные оценочные прилагательные с семантикой «праздник/веселье», яркие цвета и веселые музыкальные ритмы репрезентируют Страну незабытых, которая посредством языковых единиц с семами «забвение» и «смерть», а также мрачных цветовых характеристик противопоставляется одинокой участи, ожидающей персонажей из Страны забытых.

Мультимодальная репрезентация ключевых традиций мексиканского народа в мультипликационном дискурсе о Дне мертвых формирует базу культурно-специфических образов в со-

знании подрастающего поколения и отражает особенность восприятия смерти представителями мексиканской лингвокультурной общности. Так, мексиканцы уверены, что человек продолжает жить, если о нем помнят. День мертвых посвящен памяти умерших и объединению семьи, а смерть репрезентируется как естественный переход на следующую ступень существования.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в рамках курсов по страноведению испаноязычных стран, межкультурной коммуникации, а также для получения наиболее полного представления о мексиканской картине мира. В качестве перспектив исследования отметим возможность расширения языкового материала и анализ мультипликационных фильмов, посвященных смерти и памяти усопших, на других иностранных языках.

Список литературы

1. Кибрик А.А., Федорова О.В., Подлеская В.И. Мультиканальные корпуса: вчера, сегодня, завтра // Гуманитарные чтения РГГУ – 2017: пути преобразования общества и их осмысление в гуманитарных науках: войны – революции – реформы. М.: РГГУ, 2018. С. 499–511.
2. Загидуллина М.В. Мультимодальность: к вопросу о терминологической определенности // Знак: проблем. поле медиаобразования. 2019. № 1(31). С. 181–188.
3. Омеляненко В.А., Ремчукова Е.Н. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности // Коммуникатив. исслед. 2018. № 3(17). С. 66–78.
4. Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования: сб. науч. тр. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. Вып. 4. С. 135–152.
5. Кодзасов С.В. Исследования в области русской просодии. М.: ЯСК, 2009. 496 с.
6. Efron D. Gesture, Race and Culture: A Tentative Study of the Spatio-Temporal and “Linguistic” Aspects of the Gestural Behavior of Eastern Jews and Southern Italians in New York City, Living Under Similar as Well as Different Environmental Conditions. The Hague: Mouton, 1972. 226 p.
7. Ekman P., Friesen W.V. The Repertoire of Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage, and Coding // Semiotica. 1969. Vol. 1, № 1. P. 49–98.
8. Kendon A. The Study of Gesture: Some Observations on Its History // Semiot. Inq. 1982. Vol. 2, № 1. P. 45–62.
9. McNeill D. Hand and Mind: What Gestures Reveal About Thought. Chicago: Chicago Univ. Press, 1992. 423 p.
10. Kendon A. Gesture: Visible Action as Utterance. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. 400 p.
11. Гришина Е.А. Жесты и прагматические характеристики высказывания // Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования. М.: Буки-Веди, 2014. С. 25–47.
12. Анимация и мультимедиа между традициями и инновациями: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. «Анимация как феномен культуры», Москва, 7–8 окт. 2009 г. / сост. Н.Г. Кривуля. М.: ВГИК, 2010. 326 с.

13. Лалетина А.Ф. Культурообразующее значение мультипликации // Лингвокультурология. 2009. № 3. С. 142–147.
14. Савлущинская Н.В., Щечилина А.В. Освоение мультипликации младшими школьниками в системе дополнительного образования как средство развития воображения // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. Гуманит. исслед. 2017. № 4(17). С. 125–128.
15. Нешкова Е.Г. Лингвокультурологический аспект интертекстуальности в мультипликационном дискурсе: на материале английского, русского и французского языков: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2020. 192 с.
16. Зарецкая А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2008. № 16. С. 70–74.
17. Россельс В.М. Перевод и национальное своеобразие подлинника // Вопросы художественного перевода: сб. ст. / сост. В. Россельс. М.: Совет. писатель, 1955. С. 165–212.
18. Вайсбурд М.Л. Реалии как элемент страноведения // Рус. яз. за рубежом. 1972. Вып. 3. С. 98–100.
19. O'Halloran K.L., Smith B.A. Multimodal Studies: Exploring Issues and Domains. London: Routledge, 2011. 270 p.
20. Волоскович А.М. Иконотекст как разновидность полимодальной гибридации // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. 2011. Вып. 5(611). С. 25–35.
21. Детинко Ю.И., Куликова Л.В. Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа: моногр. Красноярск: СФУ, 2017. 166 с.
22. Сорокина Ю.В. Понятие мультимодальности и вопросы анализа мультимодального лекционного дискурса // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2017. № 10-1(76). С. 168–170.
23. Kress G.R., van Leeuwen T. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. London: Arnold, 2001. 142 p.

References

1. Kibrik A.A., Fedorova O.V., Podlesskaya V.I. Mul'tikanal'nye korpusa: vchera, segodnya, zavtra [Multichannel Corpora: Yesterday, Today, Tomorrow]. *Gumanitarnye chteniya RGGU – 2017: puti preobrazovaniya obshchestva i ikh osmyslenie v gumanitarnykh naukakh: voyny – revolyutsii – reformy* [Humanities Readings of the Russian State University for the Humanities – 2017: Ways of Transforming Society and Their Conceptualization in the Humanities: Wars – Revolutions – Reforms]. Moscow, 2018, pp. 499–511.
2. Zagidullina M.V. Mul'timodal'nost': k voprosu o terminologicheskoy opredelennosti [Multimodality: To the Question of Terminological Definition]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 2019, no. 1, pp. 181–188.
3. Omelianenko V.A., Remchukova E.N. Polycode Texts in the Aspect of the Multimodality Theory. *Commun. Stud.*, 2018, no. 3, pp. 66–78 (in Russ.).
4. Kibrik A.A. Mul'timodal'naya lingvistika [Multimodal Linguistics]. *Kognitivnye issledovaniya* [Cognitive Research]. Moscow, 2010. Iss. 4, pp. 135–152.
5. Kodzasov S.V. *Issledovaniya v oblasti russkoy prosodii* [Research in the Field of Russian Prosody]. Moscow, 2009. 496 p.
6. Efron D. *Gesture, Race and Culture: A Tentative Study of the Spatio-Temporal and "Linguistic" Aspects of the Gestural Behavior of Eastern Jews and Southern Italians in New York City, Living Under Similar as Well as Different Environmental Conditions*. The Hague, 1972. 226 p.
7. Ekman P., Friesen W.V. The Repertoire of Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage, and Coding. *Semiotica*, 1969, vol. 1, no. 1, pp. 49–98.
8. Kendon A. The Study of Gesture: Some Observations on Its History. *Semiot. Inq.*, 1982, vol. 2, no. 1, pp. 45–62.
9. McNeill D. *Hand and Mind: What Gestures Reveal About Thought*. Chicago, 1992. 423 p.
10. Kendon A. *Gesture: Visible Action as Utterance*. Cambridge, 2004. 400 p.
11. Grishina E.A. Zhesty i pragmaticheskie kharakteristiki vyskazyvaniya [Gestures and Pragmatic Characteristics of an Utterance]. *Mul'timodal'naya kommunikatsiya: teoreticheskie i empiricheskie issledovaniya* [Multimodal Communication: Theoretical and Empirical Studies]. Moscow, 2014, pp. 25–47.
12. Krivulya N.G. (comp.). *Animatsiya i mul'timedia mezhdu traditsiyami i innovatsiyami* [Animation and Multimedia Between Traditions and Innovations]. Moscow, 2010. 326 p.

13. Laletina A.F. Kul'turoobrazuyushchee znachenie mul'tiplikatsii [Cultural Meaning of Animation]. *Lingvokul'turologiya*, 2009, no. 3, pp. 142–147.

14. Savluchinskaya N.V., Shchepochina A.V. Osvoenie mul'tiplikatsii mladshimi shkol'nikami v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniya kak sredstvo razvitiya voobrazheniya [Mastering of Multiplication by Young Schoolchildren in the System of Additional Education as a Means of Imagination Development]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 2017, no. 4, pp. 125–128.

15. Neshkova E.G. *Lingvokul'turologicheskiy aspekt intertekstual'nosti v mul'tiplikatsionnom diskurse: na materiale angliyskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov* [Linguocultural Aspect of Intertextuality in Cartoon Discourse: Based on the English, Russian and French Languages: Diss.]. Chelyabinsk, 2020. 192 p.

16. Zaretskaya A.N. Osobennosti realizatsii podteksta v kinodiskurse [Implementing Subtext in Film Discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 16, pp. 70–74.

17. Rossel's V.M. Perevod i natsional'noe svoeobrazie podlinnika [Translation and National Distinctness of the Original]. Rossel's V. (comp.). *Voprosy khudozhestvennogo perevoda* [Questions of Literary Translation]. Moscow, 1955, pp. 165–212.

18. Vaysburd M.L. Realii kak element stranovedeniya [Realia as an Element of Country-Specific Studies]. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 1972, no. 3, pp. 98–100.

19. O'Halloran K.L., Smith B.A. *Multimodal Studies: Exploring Issues and Domains*. London, 2011. 270 p.

20. Voloskovich A.M. Ikonotekst kak raznovidnost' polimodal'noy gibridizatsii [Iconotext as a Multimodal Hybrid]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2011, no. 5, pp. 25–35.

21. Detinko Yu.I., Kulikova L.V. *Politicheskaya kommunikatsiya: opyt mul'timodal'nogo i kriticheskogo diskurs-analiza* [Political Communication: Experience of Multimodal and Critical Discourse Analysis]. Krasnoyarsk, 2017. 166 p.

22. Sorokina Yu.V. Ponyatie mul'timodal'nosti i voprosy analiza mul'timodal'nogo lektsionnogo diskursa [Notion of Multimodality and Issues of Multimodal Lecture Discourse Analysis]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no. 10-1, pp. 168–170.

23. Kress G.R., van Leeuwen T. *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. London, 2001. 142 p.

Информация об авторе

Ю.А. Горностаева – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории германских и романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета (адрес: 660018, г. Красноярск, просп. Свободный, д. 82а).

Information about the author

Yuliya A. Gornostaeva, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof. at the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University (address: prosp. Svobodnyy 82a, Krasnoyarsk, 660018, Russia).

Поступила в редакцию 16.08.2023

Одобрена после рецензирования 15.01.2024

Принята к публикации 19.01.2024

Submitted 16 August 2023

Approved after reviewing 15 January 2024

Accepted for publication 19 January 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 2. С. 81–92.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 81–92.

Научная статья

УДК 81'42:821.161.1

DOI: 10.37482/2687-1505-V336

Возможные миры художественного текста: когнитивно-семантический аспект репрезентации времени (на материале романа В.В. Орлова «Альтист Данилов»)

Анна Игоревна Дзюбенко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

e-mail: aidzyubenko@srfedu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3228-4277>

Аннотация. Статья посвящена изучению временной организации художественного текста с позиций когнитивно-семантического подхода. Художественное время рассматривается в тесной связи со смыслами, формирующими семантическое пространство текста. Соотнесенность событий, в рамках которой проявляется и художественное время, обнаруживает направленность художественного времени, которое, в свою очередь, участвует в формировании возможных миров. Цель настоящего исследования – выявление и описание особенностей конструирования возможных миров в координатах художественного времени, семантически маркированного в художественном тексте. Практическая значимость проведенного исследования заключается в обнаружении и описании принципов структурирования возможных миров посредством их временных координат, репрезентирующих синтез физического и психологического времени героя с включением в семантическое пространство художественного текста маркеров исторического времени. Материалом выступает текст романа В.В. Орлова «Альтист Данилов», к которому были комплексно применены индуктивно-дедуктивный и сравнительно-сопоставительный методы, когнитивно-семантический анализ, филологическая интерпретация. Автор приходит к выводу, что художественное время в тексте романа В.В. Орлова имеет важное значение в организации возможных миров и наиболее частотны его лексические маркеры «сегодня» и «теперь», фиксирующие когнитивно-семантические признаки мира, напоминающего читателю объективную действительность, пусть и отдаленную от него самого в историческом времени, а также фантастического мира, свойства которого ирреальны. В.В. Орлов создает синтез физического и психологического времени героя, в который может быть включено и историческое время (в этом случае задействованы фоновые знания читателя, позволяющие корректно декодировать прецедентные феномены). Семантика художественного времени в тексте романа иерархична и системна: текстовые репрезентанты манифестируют как универсальные представления о времени, так и индивидуально-авторскую вариативность в восприятии хронологических промежутков, что оказывает влияние на эмоциональную сферу читателя.

Ключевые слова: возможные миры, художественное время, художественный вымысел, авторская интенциональность, В.В. Орлов

Дзюбенко А.И.

Возможные миры художественного текста: когнитивно-семантический аспект репрезентации времени...

Для цитирования: Дзюбенко, А. И. Возможные миры художественного текста: когнитивно-семантический аспект репрезентации времени (на материале романа В.В. Орлова «Альтист Данилов») / А. И. Дзюбенко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 81-92. – DOI 10.37482/2687-1505-V336.

Original article

Thinkable Worlds of a Literary Text: A Cognitive and Semantic Aspect of the Representation of Time (Based on V.V. Orlov's Novel *Danilov, the Violist*)

Anna I. Dzyubenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,

e-mail: aidzyubenko@sfnu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3228-4277>

Abstract. This article studies the temporal organization of a literary text from the standpoint of a cognitive semantic approach. Literary time is considered in close connection with the meanings that form the semantic space of a text. The correlation of events within which literary time is manifested shows the direction of literary time, which, in its turn, participates in the formation of thinkable worlds. The study aimed to determine and describe the features of the construction of thinkable worlds within the literary time semantically marked in a literary text. The practical significance of the research lies in identifying and describing the principles of structuring possible worlds by means of their temporal coordinates, representing a synthesis of a hero's physical and psychological time, with the inclusion of markers of historical time in the semantic space of a literary text. The author studied V.V. Orlov's novel *Danilov, the Violist* using the inductive-deductive and comparative methods, cognitive and semantic analysis, as well as philological interpretation. A conclusion is drawn that literary time in this novel is of great importance for the organization of thinkable worlds. Its most frequent markers are *segodnya* ('today') and *teper'* ('now'), lexicalizing the cognitive and semantic features of a world which reminds the reader of objective reality, albeit distant in historical time, as well as of a fantasy world, whose properties are unreal. Orlov creates a synthesis of the hero's physical and psychological time, which can also include historical time (in that case, the reader's background knowledge is involved, making it possible to correctly decode precedent phenomena). The semantics of literary time in the novel is hierarchical and systemic: textual representatives manifest both universal ideas about time and author's individual variability in the perception of chronological intervals, which affects the emotional sphere of the reader.

Keywords: *thinkable worlds, literary time, fiction, author's intentionality, V.V. Orlov*

For citation: Dzyubenko A.I. Thinkable Worlds of a Literary Text: A Cognitive and Semantic Aspect of the Representation of Time (Based on V.V. Orlov's Novel *Danilov, the Violist*). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 81–92. DOI: 10.37482/2687-1505-V336

Введение. Изучение художественного времени в координатах моделирования возможных миров художественного текста – одно из актуальных направлений развития современной лингвистики. Лингвистическая теория семантики возможных миров основывается на постулате об объективации характеристик этих миров структурой языка и языковыми механизмами. Большинство лингвистов и филологов определяет возможные миры как миры, структурируемые текстами, в которых онтологические координаты мира окружающей действительности характеризуются изменениями, происходящими на уровне когнитивных структур и языковых значений. Представляется, что выявление и описание механизмов трансформации пространственно-временных координат в реализации авторского замысла в художественном тексте составляют одно из направлений развития положения о внутренней и внешней референции, выдвинутого П. Рикером [1]. С позиции внутренней референции возможный мир всегда истинен по отношению к художественному тексту и невозможен по отношению к действительному миру в сфере референции внешней: «...косвенная, или внутренняя, референция построена на руинах референции прямой, или внешней» [1, с. 426]. Возможный мир может обнаруживать отличия от мира действительности, продуцировать собственную онтологию, которая, так же как и в реальном мире, подразумевает наличие пространства и времени как основополагающих характеристик.

Вследствие этого для художественного времени характерен целый ряд отличий от времени объективной действительности: тесно связанное с субъективным восприятием, время в художественном тексте может быть замедлено, ускорено, может остановиться или вернуться в прошлое. Художественное время выступает наряду с художественным пространством основополагающей категорией существования художественного мира, который является вербализацией возможных миров, конструируемых авторским сознанием в соответствии с творческим замыслом.

Время в художественном тексте оказывается тесно связанным с теми смыслами, которые формируют семантическое пространство текста, а течение художественного времени обусловлено связями между компонентами текста на разных уровнях. Очевидно, что время репрезентировано в соотносительности событий, которая, в свою очередь, манифестирует направленность художественного вымысла. Основной для художественного времени является сюжетная функция, тесно взаимодействующая с прагматической функцией, предполагающей воздействие на читателя, его сознание и эмоции. Научная новизна предпринятого исследования заключается в рассмотрении возможных миров художественного текста как таких концептуальных структур, которые функционируют в текстовом пространстве в координатах реальности/ирреальности, при этом реальность художественного текста имеет характеристики вымышленного мира, так же как и фантастический мир. Цель настоящей работы – на основе когнитивно-семантического анализа репрезентантов времени в тексте романа В.В. Орлова «Альтист Данилов» (впервые опубликован в 1980 году) выявить и описать специфику конструирования возможных миров, определяющих закономерности формирования художественного вымысла.

Обзор литературы. Общие свойства художественного мира обозначены Л. Долежелом в процессе изучения семантики возможных миров в художественном тексте. Художественный мир мыслится им как некая согласованная совокупность нереализованных возможных положений дел, а художественный текст, по мнению Л. Долежела, представляет собой вербализованную модель возможного мира, т. е. личности, свойства, события, положения дел организованы в нем сообразно функционированию категории возможного [2]. Онтологический статус художественного мира получает обоснование в сфере изучения художественной референции (см. также: [3]). Художественные миры, по мысли Л. Долежела, характеризуются поливариативностью и максимальным разнообразием, что обусловлено отсутствием логиче-

ских и физических ограничений как в процессе конструирования таких миров, так и в сфере физических возможностей.

Художественный мир получает семиотическую форму в соответствии с авторским замыслом, при этом автор предоставляет читателю набор кодов, на основании которого должны осуществляться рецепция и интерпретация текста [4]. Возможные миры, конструируемые в художественном тексте, в сущности, являются собой определенное воплощение того или иного вида модальности как отношения высказывания к реальности – алетической, деонтической, аксиологической, эпистемической, темпоральной, пространственной (см.: [5]). Представляется также, что зачастую художественный мир оказывается в своей структуре и функционировании шире, нежели возможные миры: он не только имеет пространственно-временные или событийные характеристики, но и включает авторскую и персонажную модальности, репрезентированные в соответствующих зонах повествования. Кроме того, художественный мир – это и аспекты манифестирования в тексте самих субъектов повествования, их отношения к художественному миру в целом и возможным мирам в частности.

Очевидно, что вследствие ограниченности объема и конечности художественного текста возможный мир, конструируемый в нем, неполон, т. к. в текст невозможно включить абсолютно все свойства, наименования и характеристики этого мира. Семантическая гетерогенность художественного мира обуславливается тем, что художественный текст иерархичен, внутренне противоречив ввиду надления его потенциальными возможностями репрезентации персонажей, авторской оценки, художественного пространства и времени, предметных деталей и проч. [6, 7]. Возможный мир конструируется в художественном тексте на основании иллюстрации автора и его интенциональности, благодаря которым задаются семантические параметры текстового пространства.

Ясно, что неполнота, гетерогенность и интенциональность отличают возможный мир

художественного текста от возможных миров в парадигме философии, тогда как функционирование категории возможного, максимальная неограниченность и доступность через семиотические каналы представляют собой качества, общие для всех типов возможных миров [5, 8, 9]. Возможный мир художественного текста как принципиально основанный на художественном вымысле [10, 11] изучается с позиций его лингвокогнитивных параметров: «В процессе взаимодействия с окружающей действительностью языковая личность оперирует ментальными мирами сознания, которые характеризуются разной степенью удаленности от реальности <...> На основе базисного мира, характеризующегося пространственно-временными рамками, в которых живут и действуют люди, автор художественного текста конструирует его языковую модель – вымышленный мир» [12, с. 1].

Онтологический статус художественного времени обуславливается тем, что оно выступает одной из форм существования возможного мира в тексте. Правомерно понимание художественного времени как образа, модели художественной реальности, не отражающей реально протекающего времени: иными словами, художественное время не референциально в отношении объективной действительности [13]. Синтез реального, перцептуального и индивидуального времени позволяет характеризовать художественное время как потенциально поливариативное: автор формирует возможный мир художественного текста в трех временных пластах – в реальном художественном времени, включая физиологическое и циклическое время человеческой жизни, в психологическом времени, а также в ирреальном художественном времени (астральном, волшебном, мифологическом, фантастическом и проч.).

Безусловно, для художественного времени релевантны не только характеристики образной модели реальной/ирреальной, объективной/субъективной действительности, но и признаки весьма эффективного и эффектного литературного приема. Автор как творческий

субъект волен распоряжаться художественным временем по своему усмотрению [14] для реализации художественных задач и конструирования многоуровневого семантического пространства художественного текста.

Переосмысление термина «хронотоп», заимствованного из естественно-научной парадигмы, применительно к художественному тексту приводит М.М. Бахтина к пониманию художественного пространства и времени как единства, представляющего собой формально-содержательную категорию, благодаря которой в тексте получают возможность освоения пространственно-временные отношения [15, с. 234]. Иными словами, художественный хронотоп позволяет понять, «каков тот мир, в который погружает нас произведение искусства, каково его время, пространство, социальная и материальная среда, каковы в нем законы психологии и движения идей, каковы те общие принципы, на основании которых все эти отдельные элементы связываются в единое художественное целое» [16, с. 87]. М.М. Бахтин правомерно указывает, что хронотоп, сообщая тексту композиционную структуру, участвует в организации сюжета, системы мотивов и образов, обуславливая в конечном счете жанровую принадлежность литературного произведения [15, с. 235]. Художественное время наряду с художественным пространством определяет формы существования художественного мира [17, с. 60].

В 1960-е годы постепенно формируется интерес к изучению хронотопа с позиций лингвистики, хотя изначально лингвистика текста фокусируется на поисках формальных средств связности, не обращаясь к содержательной стороне художественного текста [18]. Однако уже на рубеже 1970–80-х годов одной из задач лингвистики текста становится параметрирование текстовых категорий, что способствует выявлению интегральных и дифференциальных признаков текстовой структуры, особенностей организации языковых единиц и связей, которые устанавливаются между ними в тексте [19].

И.Р. Гальперин рассуждает о хронотопе как категории континуума, которая представляет собой «определенную последовательность фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве» [20, с. 87]. Хронотоп актуализирует движение художественной действительности во времени и пространстве, что придает художественному миру конкретность [20].

Художественное время может быть изучено именно как текстовая категория, т. к. только в тексте актуализируются «кардинальные особенности времени». Возможный мир не получает реализации вне «развертывания мысли» [20, с. 92], в статичном по своему характеру высказывании: этот мир продуцируется в семантическом пространстве текста [21, 22], которое не является простой суммой смыслов предложений, его составляющих [23, с. 71, 72].

Материалы и методы. Методология исследования определяется его объектом и предметом: для выявления и описания репрезентантов художественного времени комплексно применены индуктивно-дедуктивный и сравнительно-сопоставительный методы, когнитивно-семантический анализ, филологическая интерпретация. Материалом исследования выступает текст романа В.В. Орлова «Альтист Данилов»¹, в котором разнообразно представлены микро- и макроконтексты, характеризующиеся реализацией маркеров художественного времени в возможном мире художественного текста. В рамках изучения реализации художественного времени нами были привлечены работы о творчестве В.В. Орлова, принадлежащие к парадигмам литературоведения [24, 25], лингвокультурологии и эстетики [26].

Результаты. С позиций лингвистики художественное время – это текстовая категория, как и другие концептуальные категории, осуществляющие связь текста и реального мира. Время в художественном тексте как вербализованной модели возможного мира имеет план содержания и план выражения: в план содержания включены понятия, которые транслируются этой категорией;

¹Орлов В.В. Альтист Данилов: роман. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 608 с.

план выражения представлен лингвистическими средствами, которые используются для выражения таких понятий. Кажется вполне очевидным, что и к плану содержания, и к плану выражения художественного времени адекватно применим когнитивно-семантический подход.

В плане содержания время является многозначным и сложным по своей структуре: в него включены сюжетное время (те события, из которых сюжет создается), персонажное время, в т. ч. субъективное восприятие героями времени, их биографическое время и время деятельности, время автора, которое эксплицирует авторскую «концепцию времени, его временную позицию по отношению к изображаемым событиям» [17, с. 64], а также время читателя, которое понимается как время его рецептивно-интерпретативной деятельности, рациональной и эмоционально-чувственной по своей природе [17, с. 65].

В тексте романа В.В. Орлова «Альтист Данилов» в процессе когнитивно-семантического анализа были обнаружены репрезентанты художественного времени, участвующие в формировании возможных миров в текстовом пространстве. Так, в следующем фрагменте представлен возможный мир реальности, которая, опираясь на фоновые знания читателя, транслирует признаки советской действительности 1970–80-х годов: «Не так давно Муравлевы отправились на выходные дни в Планерскую, в хороший дом отдыха. Но в Планерской Муравлеву не понравилось, он ругал жену, заманившую его за город редкими путевками, ругал местную кухню, а ночью, почувствовав сердечным боком пружину матраца, пробормотал в полудреме: “Чтоб он сгорел, этот дом отдыха!” Данилов находился далеко, но он был вольный сын эфира и принимал любую звуковую и душевную волну»².

В приведенном макроконтексте представлены лексические маркеры времени *не так давно*, *ночью*. Разумеется, художественное время выражено и посредством грамматических

форм глаголов, однако основная семантическая нагрузка, оказывающая влияние на эстетическую когницию читателя, принадлежит таким лексемам и лексическим сочетаниям, которые отсылают адресата к конкретному историческому времени (*хороший дом отдыха, редкими путевками*). Кроме того, в организации художественного времени участвует прецедентное высказывание, иронически обыгранное автором в соответствии с советскими реалиями: «вольный сын эфира» – цитата из поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» (1829–1839), однако значение лексемы *эфир* дополнено теперь трактовкой в парадигме физики – как всепроникающей среды, проявляющей себя электромагнитными волнами. Так что Данилов, будучи наполовину демоном, воспринимал волны как сверхъестественное существо, одновременно улавливая любые колебания среды и как радиоприемник.

Художественное время представляет собой категорию более высокого ранга, нежели грамматическое: грамматическое время, являясь морфологической категорией глагола, локализует события или состояния на временной шкале. Для функционирования категории художественного времени в возможном мире художественного текста особую важность имеет так называемая временная структура текста – система вербализованных особым образом отношений, призванных транслировать идею времени на основании общности семантики и текстовых функций.

Текст романа «Альтист Данилов» изобилует употреблением лексем со значением времени *сегодня* и *теперь*. Понятно, что действие совершается здесь и сейчас, однако события могут происходить в фантастическом мире, который равноправен с миром, напоминающим советскую действительность, и является миром возможным, например: «В Москве было тепло, мальчишки липкими снежками выводили из себя барышень-ровесниц, переросших их на голову, колеса трамваев

²Орлов В.В. Указ. соч. С. 15.

выбрызгивали из стальных желобов бурю воду, крики протеста звучали вослед нахалам таксистам, обдававшим мокрой грязью публику из очередей за галстуками и зеленым горошком. Однако, по предположениям Тёмиртауской метеостанции в Горной Шории, именно сегодня над Москвой теплые потоки воздуха должны были столкнуться с потоками студеными. Не исключалась при этом и возможность зимней грозы. Данилов потому и облюбывал Останкино, что оно испокон веков было самым грозным местом в Москве, а теперь еще и обзавелось башней, полюбившейся молниям. Он знал, что и сегодня столкновение стихий произойдет над Останкином. От нетерпения Данилов чуть было не притянул к себе лапландскую тучу, но сдержал себя и оставил тучу в покое»³.

Последнее предложение – «От нетерпения Данилов чуть было не притянул к себе лапландскую тучу, но сдержал себя и оставил тучу в покое» – отчетливо указывает на сверхъестественные способности главного героя, который является связующим звеном всех возможных миров романа. Репрезентация конкретных локусов происходящих событий (*Москва, Тёмиртауская метеостанция в Горной Шории*) позволяет читателю соотнести художественное время с собственным, субъективно переживаемым временем, при этом автор создает иллюзию вовлечения читателя в происходящие события.

В следующем фрагменте лексема *теперь* маркирует персонажное время: «И тут он не удержался, а, махнув на все рукой, позволил себе созорничать – противу правил оделил себя еще и положительным зарядом, и теперь два заряда жили в нем, никак, по воле Данилова, друг с другом не взаимодействуя, и Данилов в суете электрического движения неся, блаженствуя, но и рискуя потерять навсегда душевные свойства»⁴. В приведенном микроконтексте пред-

ставлен синтез физического и психологического времени героя (*теперь <...> не удержался – рискуя потерять <...> душевные свойства*). По всей видимости, такой сложный характер художественного времени в отношении персонажа обуславливается тем, что Данилов – не только трансформация образа готического демона [24], действия которого к тому же могут быть соотнесены с жанром готической легенды [25], но и творческая личность, музыкант, который благодаря творчеству, музыке и становится человеком [26]: «Данилов, похоже, не только в Клубе медицинских работников был сейчас, он был везде. А время замерло. Всюду замерло. Но не в музыке. Там оно текло – и быстро, и медленно, и рвалось, и перекатывалось по камням, в отчаянной усталости»⁵. Примечательна здесь репрезентация художественного времени: и как психологического времени героя, и как сущностного компонента самого искусства – музыки, которая существует как бы помимо усилий и сознания демона-альтиста Данилова, что реализовано в контексте посредством развернутой метафоры *текло – и быстро, и медленно, и рвалось, и перекатывалось по камням, в отчаянной усталости*.

Художественное время может быть репрезентировано и как синтез физического, психологического и исторического времени, например: «Данилов и теперь мог лететь куда собрался, но он знал, что в туче есть еще силы на два или три разряда, и он не смог отказать себе в удовольствии еще три раза искупаться в молнии. И вот он опять и опять падал с молнией на землю, кувыркаясь и расплескивая искры. А однажды в безрассудстве упоения бурей, ради гибельных и сладких ощущений, нейтрализовался на миг и все же успел вернуться в свою сущность. Дважды опять он попадал в стальную иглу, а в третий раз, увлекшись, промазал и расщепил старый парковый дуб возле катальной горки. Тут и опомнился»⁶. Обратим

³ Орлов В.В. Указ. соч. С. 23.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же. С. 360–361.

внимание, что время, которое лишь условно можно назвать историческим в пространстве художественного вымысла, автор репрезентирует через конкретные московские локусы в *стальную иглу <Останкинской телебашни>, парковый дуб возле катальной горки*, тогда как физическое время эксплицировано лексемами и лексическими сочетаниями со значением времени (*теперь, еще три раза, дважды, в третий раз*), а психологическое время героя транслируется посредством лексем и лексических сочетаний с эмотивным значением (*не смог отказать себе в удовольствии, в безрассудстве упоения бурей, ради гибельных и сладких ощущений, успел вернуться в свою сущность, увлекшись, промазал*). Когда художественное время сосредоточено на психологических состояниях героя, другие виды времени приостановлены, с тем чтобы рецептивно-интерпретативная деятельность читателя осуществлялась корректно.

Автор имеет возможность нарушать хронологическую последовательность событий: так художественное время приобретает характеристики эстетического приема, становясь развернутой временной метафорой [27], а ретроспекции и проспекции, образуя сложное единство, обретают эстетическую значимость [28, с. 104].

В тексте романа представлен следующий макроконтекст, иллюстрирующий данное положение: «Когда принято было летать с рулем и ветрилами, он летал с рулем и ветрилами, но уж какие это были ветрила! Потом увлеклись крыльями, и Данилов одним из первых пошил себе крылья, глазеть на них являлись многие. Каркасы из дамасской стали Данилов обтянул прорезиненной материей, материю же эту он обложил сверху павлиньими перьями, а снизу обшил черным бархатом и по бархату пустил дорожки из мезенских жемчугов. Крыльев он пошил восемь, два запасных и шесть для полетов, чтобы было как у серафимов. Крылья были замечательные, теперь они валяются где-то в кладовке. Данилов не выбросил их совсем,

старые вещи трогают иногда до слез его чувствительную душу. Потом были в моде дизельные двигатели, резиновые груши-клаксоны со скандальными звуками, мотоциклетные очки, ветровые гнутые стекла, выхлопные трубы с анодированными русалками и еще что-то, все не упомнишь. Потом кто-то нацепил на себя алюминиевые плоскости – и начался бум. Что тут творилось! Многие знакомцы Данилова доставали себе удивительные крылья – и от “боингов”, и от допотопных “фарманов”, по четыре каждый, и даже от не существовавших тогда “конкордов”. “Тьфу!” – сказал себе Данилов. Он был щеголем, порой и рискованным, но маклаковскую моду принять не желал. Мода ведь только создается в Париже или там в Москве, а живет-то она в Фатеже и Маклакове. А пока дойдет она до Маклакова, через голову десять раз перевернется и сама себя узнавать перестанет, вот с приходом ее и начинают юноши в Маклакове носить расклеванные на метр штаны с бубенцами и лампочками на батарейках возле туфель. Нет, Данилов тогда не суетился, он скромно достал крылья от “Ил-18”, ими и был доволен. И теперь, когда знакомые его увлеклись космическим снаряжением, Данилов не стал добывать ни скафандров, ни капсул. То ли постарел, то ли надоели ему обновки. И не нужны были ни ему, ни его знакомым ни крылья, ни двигатели, ни скафандры, все ведь это было так, побрякушки! Цветные стеклышки для папуасов! Однако и теперь, может, по старой привычке, а может, ради баловства, Данилов приобрел для полетов кое-какие приборы и технические приспособления. Не захотел отставать от других»⁷.

Сам по себе приведенный фрагмент является ретроспекцией в отношении основного действия романа, однако и в его семантическом пространстве есть «точечные» отсылки не только к разным периодам в развитии автомобилестроения (*дизельные двигатели, резиновые груши-клаксоны со скандальными звуками, мо-*

⁶ Орлов В.В. Указ. соч. С. 28.

⁷ Там же. С. 31–33.

тоциклетные очки, ветровые гнутые стекла, выхлопные трубы с анодированными русалками), авиации (алюминиевые плоскости ... от «боингов», и от допотопных «фарманов», по четыре каждый, и даже от не существовавших тогда «конкордов», крылья от «Ил-18») и космонавтики (ни скафандров, ни капсул), но и к тем ухищрениям, к которым в советскую эпоху прибегали модники 1960–70-х годов: *Мода ведь только создается в Париже или там в Москве, а живет-то она в Фатеже и Маклакове. А пока дойдет она до Маклакова, через голову десять раз перевернется и сама себя узнавать перестанет, вот с приходом ее и начинают юноши в Маклакове носить расклеенные на метр штаны с бубенцами и лампочками на батарейках возле туфель.*

На наш взгляд, в описании крыльев Данилова присутствует и аллюзия к картинам М.А. Врубеля (1856–1910) «Демон летящий» (неоконч., 1899) и «Демон поверженный» (1901–1902), реализующая прецедентность: *Каркасы из дамасской стали Данилов обтянул прорезиненной материей, материю же эту он обложил сверху павлиньими перьями, а снизу обшил черным бархатом и по бархату пустил дорожки из мезенских жемчугов.* Представляется весьма показательным «развенчание» фантастики и перемещение действия в рамки физического времени героя в контексте: *Крыльев он пошил восемь, два запасных и шесть для полетов, чтобы было как у серафимов. Крылья были замечательные, теперь они валяются где-то в кладовке.* Эта деконструкция ситуации мира вечного вне времени реализована посредством употребления глагола в форме прошедшего времени *пошил* и наречия времени *теперь*. Важно здесь и введение локуса *в кладовке*, перемещающего читателя в обыденность (в случае со временем действия романа – в советскую действительность 1970-х), и сравнительный оборот *как у серафимов*, продуцирующий авторскую иронию.

Безусловно, нарушение равномерности течения художественного времени направ-

лено на достижение когнитивно-прагматического эффекта: различного рода авторские отступления, воспоминания героев и проч. оказывают влияние на эстетическое познание и эмоциональную сферу читателя. Д.С. Лихачев подчеркивал, что «литература в большей мере, чем любое другое искусство, становится искусством времени. Время – его объект, субъект и орудие изображения. Сознание и ощущение движения и изменемости мира в многообразных формах времени пронизывает его структуру» [29, с. 209–210]. Очевидно в связи с этим, что художественное время является одним из важных средств совмещения эмоциональных, эмпирических и смысловых признаков возможного мира, в конечном счете оказывая влияние на «погружение» читателя в художественный мир конкретного текста.

Заключение. Наряду с художественным пространством художественное время выступает одной из важнейших текстовых и понятийных категорий существования возможных миров в художественном тексте. Художественное время поливариативно, т. к. обнаруживает синтез реального, эмпирически воспринимаемого и психологического времени.

Анализ репрезентантов художественного времени в тексте романа В.В. Орлова «Альтист Данилов», проведенный с позиций когнитивно-семантического подхода, позволил установить определяющее значение, которое имеет время для организации возможных миров в текстовом пространстве. Наиболее частотными оказались лексемы *сегодня* и *теперь*, однако и они участвуют в формировании не только того мира, что напоминает читателю объективную действительность, но и фантастического мира с его ирреальными характеристиками. В художественном тексте представлен нерасторжимый синтез физического и психологического времени героя, в который зачастую включены элементы времени исторического: в последнем случае автор опирается на фоновые знания читателя, что приводит к реализации прецедентности. Иерархичность темпоральных

значений, возникающих в семантическом пространстве художественного текста, имеет своей целью создание корректного вектора рецептивно-интерпретативной деятельности читателя. При том, что в художественном тексте на основании функционирования художественного вымысла структурируются возможные миры, они всегда транслируют универсальные представления о времени и его свойствах: насыщенность событиями, цикличность/линейность времени, временная

фиксированность событий, дискретность/континуальность времени и проч.

Изучение специфики художественного времени с позиций функционирования художественного вымысла в перспективе может способствовать уточнению статуса тех или иных когнитивных структур в индивидуально-авторских и национальных картинах мира, а также дать дополнительный импульс развитию таких направлений лингвистических исследований, как когнитивная поэтика и лингвопоэтика.

Список литературы

1. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры: сб. / вступ. ст., сост. Н.Д. Арутюновой; пер. под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 416–434.
2. Doležel L. Heterocosmica: Fiction and Possible Worlds. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1998. 339 p.
3. Бразговская Е.Е. Референция и отображение (от философии языка к философии текста). Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2006. 191 с.
4. Феценко В.В. Художественная коммуникация: от семиотических моделей к лингвоэстетической теории // Слово.ру: балт. акцент. 2021. Т. 12, № 1. С. 7–31. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-1-1>
5. Руднев В.П. Прочь от реальности: исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. 428 с.
6. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. С. 14–285.
7. Зельдович Г.М. Взаимоподобие смыслов и структура художественного текста // Слово.ру: балт. акцент. 2020. Т. 11, № 1. С. 87–100. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2020-1-5>
8. Эпштейн М. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. 334 с.
9. Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Когнитивная гуманитарная семиотика как «точка роста» филологического знания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2023. № 3. С. 65–78. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-3-6>
10. Walsh R. Fictionality as Rhetoric: A Distinctive Research Paradigm // Style. 2019. Vol. 53, № 4. P. 397–425. <https://doi.org/10.5325/style.53.4.0397>
11. Клейменова В.Ю. Фикциональность и вымысел в тексте // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2011. № 143. С. 94–102.
12. Клейменова В.Ю. Фикциональное событие: ментальный конструкт и средства его вербализации // Russ. Linguist. Bull. 2023. № 1(37). Ст. № 27. <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.37.26>
13. Minnullina E.B. Time as Duration in Artistic Communication // Galact. Media J. Media Stud. 2023. Vol. 5, № 2. P. 157–176. <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i2.395>
14. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принципы Причинности // Язык и наука конца 20 века: сб. ст. / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Изд. центр РГГУ, 1995. С. 35–73.
15. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. С. 234–407.
16. Лихачев Д. Внутренний мир художественного произведения // Вопр. лит. 1968. № 8. С. 74–87.
17. Темирбулатова А.Б. Художественное время и пространство: их значение и функции // Вестн. Казах. нац. ун-та. Сер. филол. 2001. № 1. С. 60–67.
18. Кривоносов А.Т. «Лингвистика текста» и исследование взаимоотношения языка и мышления // Вопр. языкознания. 1986. № 6. С. 23–37.
19. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.

20. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 139 с.
21. Бабенко Л.Г. Когнитивно-дискурсивные множества как комплексные парадигмы языковых и речевых единиц в аспекте категоризации и концептуализации мира // Когнитив. исслед. яз. 2020. № 3(42). С. 30–35.
22. Бабенко Л.Г., Бабенко В.Г. Когнитивные технологии в филологии: концептуальный анализ художественного текста // Вопр. когнитив. лингвистики. 2019. № 4. С. 135–140. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-4-135-140>
23. Гальперин И.Р. О понятии «текст» // Вопр. языкознания. 1974. № 6. С. 68–77.
24. Осьмухина О.Ю., Трушкина А.П. Трансформация образа готического демона в романе В. Орлова «Альтист Данилов» // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 2. С. 289–293. <https://doi.org/10.30853/phil201036>
25. Сафрон Е.А. Жанр городской легенды как один из элементов поэтики городской фэнтези // Филология и человек. 2017. № 3. С. 139–147.
26. Волков В.В. «Человек эстетический» в романе В. Орлова «Альтист Данилов»: о квазитезаурусе жизне-творчества музыканта // Язык и культура (Новосибирск). 2013. № 5. С. 179–185.
27. Калашиникова Л.В. Метафора и когнитивно-дискурсивное моделирование действительности. Орел: Изд-во ОрГАУ, 2008. 304 с.
28. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства / пер. с англ. Г.Е. Крейдлина. М.: Прометей, 1994. 352 с.
29. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. 360 с.

References

1. Ricoeur P. *Metaforicheskiy protsess kak poznanie, voobrazhenie i oshchushchenie* [Metaphorical Process as Cognition, Imagination and Sensation]. Arutyunova N.D. (comp.). *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Moscow, 1990, pp. 416–434.
2. Doležel L. *Heterocosmica: Fiction and Possible Worlds*. Baltimore, 1998. 339 p.
3. Brazgovskaya E.E. *Referentsiya i otobrazhenie (ot filosofii yazyka k filosofii teksta)* [Reference and Reflection (from Philosophy of Language to Philosophy of Text)]. Perm, 2006. 191 p.
4. Feshchenko V.V. *Literary Communication: From Semiotic Models to a Theory of Linguistic Aesthetics*. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 7–31 (in Russ.). <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-1-1>
5. Rudnev V.P. *Proch' ot real'nosti: issledovaniya po filosofii teksta* [Away from Reality: Studies on the Philosophy of Text]. Moscow, 2000. 428 p.
6. Lotman Yu.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of the Artistic Text]. Lotman Yu.M. *Ob iskusstve* [On Art]. St. Petersburg, 1998, pp. 14–285.
7. Zeldovich G.M. *The Mutual Similarity of Meanings and Structures in a Literary Text*. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 87–100 (in Russ.). <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2020-1-5>
8. Epstein M.N. *Filosofiya vozmozhnogo* [A Philosophy of the Possible]. St. Petersburg, 2001. 334 p.
9. Ivanov D., Lakerbai D. *Cognitive Humanitarian Semiotics as a 'Growth Point' of Philological Knowledge*. *Lomonosov Philol. J. Ser. 9 Philol.*, 2023, no. 3, pp. 65–78 (in Russ.). <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-3-6>
10. Walsh R. *Fictionality as Rhetoric: A Distinctive Research Paradigm*. *Style*, 2019, vol. 53, no. 4, pp. 397–425. <https://doi.org/10.5325/style.53.4.0397>
11. Kleymenova V.Yu. *Fiktional'nost' i vymysel v tekste* [Fictionality and Fiction in Text]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2011, no. 143, pp. 94–102.
12. Kleymenova V.Yu. *Fiktional'noe sobytie: mental'nyy konstrukt i sredstva ego verbalizatsii* [Fictional Event: A Mental Construct and the Means of Its Verbalization]. *Russ. Linguist. Bull.*, 2023, no. 1. Art. no. 27. <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.37.26>
13. Minnullina E.B. *Time as Duration in Artistic Communication*. *Galact. Media J. Media Stud.*, 2023, vol. 5, no. 2, pp. 157–176. <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i2.395>
14. Stepanov Yu.S. *Al'ternativnyy mir, Diskurs, Fakt i printsipy Prichinnosti* [Alternative World, Discourse, Fact and Principles of Causality]. Stepanov Yu.S. (ed.). *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and Science of the Late 20th Century]. Moscow, 1995, pp. 35–73.
15. Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike* [The Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics]. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Studies of Different Years]. Moscow, 1975, pp. 234–407.

16. Likhachev D. Vnutrenniy mir khudozhestvennogo proizvedeniya [The Inner World of a Work of Art]. *Voprosy literatury*, 1968, no. 8, pp. 74–87.

17. Temirbulatova A.B. Khudozhestvennoe vremya i prostranstvo: ikh znachenie i funktsii [Artistic Time and Space: Their Meaning and Functions]. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta. Seriya filologicheskaya*, 2001, no. 1, pp. 60–67.

18. Krivonosov A.T. “Lingvistika teksta” i issledovanie vzaimootnosheniya yazyka i myshleniya [“Text Linguistics” and the Study of the Relationship Between Language and Thinking]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1986, no. 6, pp. 23–37.

19. Dymarskiy M.Ya. *Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyy tekst (na materiale russkoy prozy XIX–XX vv.)* [Problems of Text Formation and Literary Text (Based on the Russian Prose of the 19th–20th Centuries)]. Moscow, 2001. 328 p.

20. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, 2004. 139 p.

21. Babenko L.G. Kognitivno-diskursivnye mnozhestva kak kompleksnye paradigmy yazykovykh i rechevykh edinit v aspekte kategorizatsii i kontseptualizatsii mira [Cognitive and Discourse Sets as Complex Paradigms of Linguistic and Speech Units in the Aspect of World Categorization and Conceptualization]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2020, no. 3, pp. 30–35.

22. Babenko L.G., Babenko V.G. Kognitivnye tekhnologii v filologii: kontseptual'nyy analiz khudozhestvennogo teksta [Cognitive Technologies in Philology: Conceptual Analysis of a Literary Text]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2019, no. 4, pp. 135–140. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-4-135-140>

23. Gal'perin I.R. O ponyatii “tekst” [On the Concept of Text]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1974, no. 6, no. 68–77.

24. Os'mukhina O.Yu., Trushkina A.P. Transformatsiya obraza goticheskogo demona v romane V. Orlova “Al'tist Danilov” [Transformation of Gothic Demon's Image in V. Orlov's Novel “Danilov, the Violist”]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 289–293. <https://doi.org/10.30853/phil201036>

25. Safron E.A. Zhanr gorodskoy legendy kak odin iz elementov poetiki gorodskoy fentezi [The Urban Legend Genre as One of the Elements of Urban Fantasy Poetics]. *Filologiya i chelovek*, 2017, no. 3, pp. 139–147.

26. Volkov V.V. “Chelovek esteticheskii” v romane V. Orlova “Al'tist Danilov”: o kvazitezauruse zhiznetvorchestva muzykanta [Homo aestheticus in V. Orlov's Novel *Danilov, the Violist*: On the Quasi-Thesaurus of the Musician's Creativity]. *Yazyk i kul'tura (Novosibirsk)*, 2013, no. 5, pp. 179–185.

27. Kalashnikova L.V. *Metafora i kognitivno-diskursivnoe modelirovanie deystvitel'nosti* [Metaphor and Cognitive-Discursive Modelling of Reality]. Orel, 2008. 304 p.

28. Arnheim R. *New Essays on the Psychology of Art*. Berkeley, 1986. 348 p. (Russ. ed.: Arnkheym R. *Novye ocherki po psikhologii iskusstva*. Moscow, 1994. 352 p.).

29. Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. Moscow, 1979. 360 p.

Информация об авторе

А.И. Дзюбенко – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков Южного федерального университета (адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42).

Information about the author

Anna I. Dzyubenko, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Intercultural Communication and Foreign Language Teaching Methods, Southern Federal University (address: ul. B. Sadovaya 105/42, Rostov-on-Don, 344006, Russia).

Поступила в редакцию 17.08.2023

Одобрена после рецензирования 15.01.2024

Принята к публикации 19.01.2024

Submitted 17 August 2023

Approved after reviewing 15 January 2024

Accepted for publication 19 January 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 2. С. 93–101.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 93–101.

Научная статья

УДК 81'373.612.2:811.581

DOI: 10.37482/2687-1505-V337

Когнитивная фитонимическая метафора как средство описания внешности человека в русской и китайской лингвокультурах

Сюй Лиюнь^{1,2}

¹Институт иностранных языков Нанкинского университета, Нанкин, Китай,

²Нанкинский профессиональный институт железнодорожных технологий, Нанкин, Китай,

e-mail: jsxuliyun@126.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0854-8045>

Аннотация. В данной статье рассматривается когнитивная фитонимическая метафора, формирующая растительный код в русской и китайской лингвокультурах. Когнитивная метафора, т. е. концептуальная метафора (Дж. Лакофф, М. Джонсон), реализует устойчивые соответствия между областью-источником и областью-целью, зафиксированные в лингвокультуре. В работе когнитивная фитонимическая метафора исследуется в качестве способа интерпретации и познания действительности и одновременно одного из наиболее эффективных средств формирования и репрезентации языковой картины мира. Определяя слова-фитонимы и стоящие за ними концепты объектов растительного мира как область-источник, а человека – как область-цель, когнитивная фитонимическая метафора активизирует метафорическую проекцию, отражающую растительный код культуры в качестве части системы координат лингвокультур. Значимость анализа когнитивных механизмов фитонимической метафоры состоит в раскрытии общности и индивидуальности национального языкового сознания и ценностей двух народов, воплощенных во фрагментах языковых картин мира. Цель данного исследования заключается в выявлении характерных особенностей восприятия растительного мира представителями русского и китайского национально-лингвокультурных сообществ. Для достижения цели решены следующие задачи: во-первых, на фоне двух лингвокультур рассмотрены слова-фитонимы как средство описания внешних характеристик человека; во-вторых, на основе фитоморфизмов проведен сопоставительный анализ когнитивных механизмов фитонимической метафоры в русской и китайской языковых картинах мира; в-третьих, определены факторы, влияющие на формирование различий между когнитивными фитонимическими метафорами в двух лингвокультурах. Исследование позволило сделать вывод, что при сопоставлении фитонимической метафоры на фоне двух лингвокультур обнаруживаются в большинстве случаев расхождения, в т. ч. асимметрия и безэквивалентность. И такие факторы, как географическая среда, религия, история, национальная культура, образ мышления и иерархия ценностей народов, могут оказывать большое влияние на формирование различий между когнитивными фитонимическими метафорами двух лингвокультур.

Ключевые слова: когнитивная фитонимическая метафора, слово-фитоним, фитоморфизм, сопоставительный анализ, русская лингвокультура, китайская лингвокультура

Для цитирования: Сюй Лиюнь. Когнитивная фитонимическая метафора как средство описания внешности человека в русской и китайской лингвокультурах / Лиюнь Сюй // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 93-101. – DOI 10.37482/2687-1505-V337.

Original article

Cognitive Phytonymic Metaphor as a Means of Describing a Person's Appearance in Russian and Chinese Linguocultures

Xu Liyun^{1,2}

¹School of Foreign Studies, Nanjing University, Nanjing, China,

²Nanjing Vocational Institute of Railway Technology, Nanjing, China,

e-mail: jsxuliyun@126.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0854-8045>

Abstract. The article deals with the cognitive phytonymic metaphor, which forms the plant code in Russian and Chinese linguocultures. A cognitive metaphor, i.e. conceptual metaphor (G. Lakoff, M. Johnson), establishes stable correspondences between the source and the target domains, which are fixed in a linguoculture. This paper investigates the cognitive phytonymic metaphor as a way of interpreting and cognizing reality and, at the same time, as one of the most effective means of creating and representing a linguistic worldview. Considering phytonyms and the plant concepts they are naming as the source domain and the person as the target domain, the cognitive phytonymic metaphor activates a metaphorical mapping that reflects the plant code of culture as part of the coordinate system of linguocultures. The significance of analysing the cognitive mechanisms of the phytonymic metaphor lies in revealing the commonality and individuality of the national linguistic consciousness and values of the two peoples, embodied in the fragments of their linguistic worldviews. The study aimed to identify the characteristic features of the perception of the plant world by members of the Russian and Chinese national linguocultural communities. To achieve this aim, the following tasks were solved: firstly, phytonyms in the two linguocultures were studied as a means of describing a person's external characteristics; secondly, based on phytomorphisms, a comparative analysis was performed of the cognitive mechanisms of the phytonymic metaphor in Russian and Chinese linguistic worldviews; thirdly, factors contributing to the emergence of differences between cognitive phytonymic metaphors in the two linguocultures were identified. The research concludes that, in most cases, when comparing phytonymic metaphors in the two linguocultures one will find discrepancies, including asymmetry and nonequivalence. Such factors as geographical environment, religion, history, national culture, way of thinking and hierarchy of peoples' values can have a great influence on the formation of differences between cognitive phytonymic metaphors in the two linguocultures.

Keywords: *cognitive phytonymic metaphor, phytonym, phytomorphism, comparative analysis, Russian linguoculture, Chinese linguoculture*

For citation: Xu Liyun. Cognitive Phytonymic Metaphor as a Means of Describing a Person's Appearance in Russian and Chinese Linguocultures. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 93–101. DOI: 10.37482/2687-1505-V337

Введение. Лингвокультурология занимается изучением взаимосвязи языка и культуры и рассматривает *языковую картину мира* как базовое понятие. Человек воспринимает мир сквозь призму национальной лингвокультуры, которая отражается в ряде языковых единиц, в т. ч. и с помощью метафоры [1, 2]. В соответствии с антропоцентрической парадигмой, оказавшей значительное влияние на появление междисциплинарно-интегративных тенденций в развитии гуманитарных наук, метафора выступает средством описания и культурного кодирования действительности, способствуя более глубокому осмыслению соотношения языка и культуры [3, с. 25].

С точки зрения когнитивной лингвистики, *концептуальная метафора* [4, с. 11], служа устойчивым соответствием между областью источника и областью цели, зафиксированным в данной лингвокультуре, воспроизводит процесс познания мира посредством такой метафоризации, процессы которой выступают способами «стереотипного структурирования, категоризации и организации ментального пространства» [5, с. 48]. Следовательно, в языковой метафоре всегда воплощается «метафорическое мышление» [6, с. 44]. В связи с этим когнитивная метафора понимается как отражение национально-культурной специфики языкового сознания и ценностных ориентаций народа. Когнитивный механизм метафоры включает в себя «ее структуру, модель и сам процесс метафоризации». Метафора выполняет коммуникативную, когнитивную и номинативную функции и, соответственно, концентрированно отображает национальный менталитет [7, с. 163].

Рассмотрение метафорических моделей в аспекте лингвистических и когнитивных механизмов метафорообразования считается одним из перспективных направлений современной лингвистики. Человек постоянно находится во взаимодействии с растительным миром, который является частью национального образа [8, с. 163]. В.Н. Телия справедливо считает, что национально-культурные коннотации являются интерпретацией образа в категориях культуры

[9, с. 201]. Естественно, что метафоризация слов-фитонимов, т. е. фитонимическая метафора с национально-культурной спецификой как носитель культурной коннотации, становится базовым понятием лингвокультурологии. При помощи метафоризации и переносного употребления слов-фитонимов *фитоморфизмы* описывают и характеризуют человека на основе ассоциаций по сходству свойств растений и человека, которые образуют основания метафоры. Фитонимическая метафора – это один из способов категоризации действительности посредством растительного кода культуры, по своей сути она антропоцентрична и оценочна [10]. Следует отметить, что изучение тропов, включая метафоры, долгое время относилось к сфере литературоведения. Нередко встречаются литературоведческие исследования фитонимов и их метафорических употреблений в произведениях китайских и русских классиков. К самым продуктивным в этом плане можно отнести те труды, что анализируют примеры из самой древней антологии китайской поэзии «*Шинь*» («Шицзин»), романа «*Хунлоумэн*» («Сон в красном тереме») с одной стороны и из поэзии С.А. Есенина, произведений И.А. Бунина с другой.

Работы современных российских лингвистов, посвященные фитонимической метафоре, в большинстве своем имеют сопоставительный характер: русские и английские, русские и испанские, русские и итальянские, русские и английские и французские метафоры и т. п. [11–14]. При рассмотрении когнитивной метафоры как средства описания внешности человека материалом чаще всего служат фразеологизмы, охватывающие не только фитоморфные, но и зооморфные, предметные, соматические и другие концептуальные метафоры [15]. Наиболее частотно представлено сопоставление именно зооморфных метафор двух лингвокультур [16–19].

В настоящем исследовании впервые принята попытка рассмотреть на более широком материале именно когнитивную фитонимическую метафору как средство описания внешности человека – в русской и китайской

лингвокультурах. Материалом послужили не только фразеологизмы, но и собственно слова-фитонимы, пословицы, недоговорки-иносказания, просторечные выражения.

Объектом данной статьи выступают слова-фитонимы в двух лингвокультурах как средство описания внешних характеристик человека. Цель настоящей работы заключается в выявлении характерных особенностей восприятия растительного мира представителями русского и китайского национально-лингвокультурных сообществ. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

– раскрыть слова-фитонимы на фоне двух лингвокультур как средство описания внешних характеристик человека;

– провести сопоставительный анализ когнитивных механизмов фитонимической метафоры в русской и китайской языковых картинах мира на основе фитоморфизмов двух лингвокультур;

– определить факторы, формирующие различия между когнитивными фитонимическими метафорами двух лингвокультур.

Методология. Исследование фитонимической метафоры в данной работе сосредоточено в когнитивной сфере: слова-фитонимы и стоящие за ними концепты объектов растительного мира рассматриваются как область-источник, а человек – как область-цель, что активизирует *метафорическую проекцию*, отражая растительный код культуры в качестве части системы координат лингвокультур.

Для выполнения поставленных цели и задач был применен комплекс методов: общенаучные методы, включающие анализ, синтез и классификацию; сопоставительный метод, дефиниционный, компонентный и контекстный анализ, которые позволяют раскрыть сходства и различия между двумя национально-лингвокультурными сообществами в восприятии и представлении окружающего мира.

Параметры описания внешности человека с помощью фитонимической метафоры. В результате сопоставительного анализа фитоморфизмов в русской и китайской языковых

картинах мира обнаружены сходство, асимметрия и безэквивалентность в проявлениях внешних характеристик человека. Наиболее репрезентативными среди них являются отображения пола, возраста, внешности и физиологического состояния человека. Рассмотрим подробнее эти параметры описания человека.

1. Фитонимическая метафора как средство характеристики пола человека

Модель метафоры пола человека обычно строится на основе объективного сходства, индивидуально-психологической аналогии и национально-культурного восприятия с учетом грамматических характеристик (по роду). В частности, в обоих языках *названия цветов*, как правило, служат метафорой женской прелести и красоты: показательными примерами являются *роза, ромашка, 牡丹 mǔ dān (пион), 桃花 táo huā (цветы персика) и 兰花 lán huā (орхидея)*. Метафорой-эквивалентом мужчины является могучее, мощное дерево – *дуб (橡树 xiàng shù)*.

1.1. Фитонимическая метафора как средство характеристики облика и внешности женщины

В аспекте отображения облика и внешности женщины выявлена специфика национально-культурных коннотаций, что подтверждают, например, метафорические в своей основе выражения в русском языке, связанные с деревьями (*стройная, как березка*) и цветами (*девочка-ромашка*). В китайском языке встречаются метафоры *柔荑 róu yí (букв. первые листовые почки растения)* как представление о нежной и белой женской руке и *葱 cōng (зеленый лучок)*, очищенные от шкурки корешки которого имеют белый цвет и поэтому могут характеризовать нежные и тонкие женские пальцы. Красота женских рук, особенно пальцев, тесно связана с национальной эстетикой. Следует отметить, что китайская лингвокультура предпочитает метафоризацию цветов для описания лица красавиц: *桃花面 táo huā miàn (букв. женская щека, как цветок персика)* в значении «красавица с румянцем на лице»; *杏脸桃腮 xìng liǎn táo sāi (букв. абрикосовое лицо и персиковые щеки)* в значении «у красавицы лицо, как цве-

ток абрикоса, белоснежное; щека, как цветок персика, розовая»¹.

1.2. Метафоризация образа ивы

Образ ивы в китайской лингвокультуре выступает символом женственности и нежности. Известное выражение о женской нежности 弱柳扶风 *ruò liǔ fú fēng* (тело у женщины хрупкое и ее движения нежные, словно тонкие и гибкие ветви ивы, колышущиеся на ветру, что кажется очаровательным и привлекательным) взято из одного из четырех классических романов Древнего Китая – «红楼梦» («Хунлоу-мэн» – «Сон в красном тереме»), на страницах которого описано впечатление героя при первой встрече с героиней. Кроме того, в китайской лингвокультуре образ ивы часто используют для обозначения частей тела женщины. К примеру, выражение 柳叶眉 *liǔ yè méi* (брови, как листья ивы), характеризующее тонкие брови женщины, заимствовано из стихотворной поэмы «Песнь о бесконечной скорби» великого поэта Бо Цзюйи –白居易《长恨歌》: 芙蓉如面柳如眉 *fú róng rú miàn liǔ rú méi* (ее лицо напоминает гибискус, а ее брови похожи на листья ивы) – так представлена внешность одной из четырех великих красавиц Древнего Китая Ян Гуйфэй. Другое выражение, 杨柳细腰 *yáng liǔ xì yāo* (ивовая талия), синоним русского выражения осиная талия, взято также из стихотворения Бо Цзюйи, который ярко охарактеризовал тонкую талию молодой танцовщицы Сяо Ман (小蛮腰 *xiǎo mán yāo*).

2. Фитонимическая метафора как средство характеристики возраста человека

Среди метафор, используемых для обозначения возраста в двух лингвокультурах, наблюдается различие в отношении к старению. Метафорический перенос в русском языке выражает в основном негативное отношение к пожилому человеку, с иронической окраской. Перенос происходит по признакам физической

немощи, внешней непривлекательности или неприятного характера: сморчок, старый гриб, мухомор. В китайском языке метафоры этого типа чаще имеют положительную оценку. Например, в качестве области-источника метафоры 老姜 *lǎo jiāng* (старый имбирь) выступает пословица 姜还是老的辣 *jiāng hái shì lǎo de là* (старый имбирь все же острее), которая выполняет роль метафоры, обозначающей пожилых людей с богатым опытом².

3. Фитонимическая метафора как средство характеристики внешнего вида человека

3.1. Описание фигуры человека

При отображении облика и фигуры человека выявлены фитоморфизмы, полностью совпадающие в обоих языках, в т. ч. вишня как метафора цвета женских губ, яблоко и персик как метафоры румяных юных девичьих щек. Также метафорические выражения типов фигур – фигура в форме яблока/груши/банана (苹果型 *píng guǒ xíng* / 梨型 *lí xíng* / 香蕉型身材 *xiāng jiāo xíng shēn cái*). При этом отличительными особенностями типа фигуры «яблоко» является неярко выраженная талия в сочетании со скругленной линией плеч и выгнутой спиной. Тип фигуры «груша» характеризуется сочетанием широких бедер со сравнительно узкой грудной клеткой, тогда как тип фигуры «банан» – практически равными пропорциями бедер, плеч и талии. Кроме этого, в обеих лингвокультурах арбузоподобный живот (живот, как арбуз; 西瓜肚 *xī guā dù*) подразумевает живот у женщин при беременности, а иногда обозначает пивной живот у мужчин. Мужская фигура в русском языке может быть описана как фигура огурцом. Так же уникально просторечное выражение в китайской лингвокультуре 矮冬瓜 *ǎi dōng guā* (букв. низкорослая восковая тыква) со значением «низенький и толстый человек»³.

¹在线汉语词典 [Онлайн-словарь китайского языка]. URL: <http://xh.5156edu.com> (дата обращения: 05.04.2023).

²汉典 [Словарь китайского языка]. URL: <https://www.zdic.net> (дата обращения: 09.06.2023).

³古诗句网 [Сайт древних стихов]. URL: <https://www.gushiju.net> (дата обращения: 07.05.2023).

3.2. Номинация частей и органов тела или болезней, связанных с этими органами

В русском языке существует ряд слов и словосочетаний, выступающих в качестве номинаций частей и органов тела или болезней и образующихся способом фитонимической метафоризации: *ячмень на глазу* («ячмень»), *ягодища* («ягода») и т. п. Не случайно многозначное слово *плод* имеет значение «младенец в утробе», согласно психологической аналогии, а слово-фитоним *почка* является наименованием человеческого органа.

3.3. Ассоциации с волосами человека

Волосы человека часто ассоциируются с растениями. В этом аспекте для русской лингвокультуры характерно слово-фитоним *растительность*, которая обозначает волосы на теле, а в китайском языке чаще употребляется образ травы как метафора сухих волос: *一头枯草* *yī tóu kū cǎo* (букв. *голова покрыта жухлой травой*).

4. Фитонимическая метафора как средство характеристики физического состояния человека

Рефлексия физического состояния человека нередко обнаруживает негативные явления, такие как усталость и слабость. В русском языке *выжатый лимон* отображает состояние усталого, изможденного человека, эквивалентом обозначения которого в китайском языке выступает выражение *вялый баклажан*, которое происходит от недоговорки-иносказания *сехойуй* – *霜打的茄子* – *蔫了* *shuāng dǎ de qié zi niān le* (*замороженный баклажан увядает*)⁴. В связи с тем что поздней осенью температура ночью понижается, баклажан покрывается инеем и подмерзает, так что его кожица становится мягкой и морщинистой, ее еще характеризуют как вялую. Имя прилагательное «вялый» в китайском языке относится и к человеку, утратившему бодрость, энергию, живость. Поэтому *вялый баклажан* часто используется как метафора вялого человека.

Если говорить о проекции на физическое состояние человека, то в русском языке встречается выражение *овощ, а не человек* – метафора больного человека в вегетативном состоянии: «беспомощный больной, подключенный к какому-л. аппарату, от которого зависит его жизнь»⁵. Эквивалентом в китайском языке выступает *植物人* *zhí wù rén* (букв. *человек-растение*).

Итак, когнитивная фитонимическая метафора как важная составная часть национальной лингвокультуры является продуктом мышления и воплощает в себе общие черты мировоззрения и мироощущения человечества, которые предопределяются сходным физиологическим сложением, сходными условиями жизни и схожим опытом взаимодействия с окружающим миром у представителей разных лингвокультурных сообществ. По нашим наблюдениям, существует ряд идентичных когнитивных механизмов фитонимической метафоры в двух лингвокультурах, которые неразделимы с общими чертами мировоззрения и мироощущения двух лингвокультурных сообществ. В данном случае прослеживается подобие области-источника и области-цели в двух лингвокультурах. Также не случайно, когда в одном языке представлена своеобразная фитонимическая метафора с национально-культурной спецификой, а в другом обнаруживается совсем другой механизм метафоризации или лексико-семантическая лакуна. Следовательно, роль фитонимов заключается в выражении национально-культурного своеобразия. Отметим, что в процессе сопоставления наблюдаются отчетливая асимметрия и безэквивалентность фитонимической метафоры, которые соотносимы со своеобразием социально-психологических процессов в социальных и культурных контекстах конкретного лингвокультурного сообщества.

Заключение. Лексико-семантическое развитие фитонимической метафоры обусловлено

⁴北京大学CCL语料库 [Корпус китайского языка Пекинского университета (CCL)]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/search?q=霜打的茄子&start=0&num=50&index=FullIndex&outputFormat=HTML&encoding=UTF-8&maxLeftLength=30&maxRightLength=30&orderStyle=score&LastQuery=&dir=xiandai&scopestr=# (дата обращения: 10.04.2023).

⁵Овощ // *Елистратов В.С.* Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.). URL: <https://rus-russian-argo.slovaronline.com/8568-овощ> (дата обращения: 16.05.2023).

множеством факторов. Безусловно, между русским и китайским лингвокультурными сообществами существует сходство в построении и понимании концептуальной метафоры. Несмотря на это, такие факторы, как географическая среда, в частности климат, образуют разную и уникальную растительную картину мира двух народов. К тому же религия, история, национальная культура, образ мышления и иерархия ценностей народов могут оказывать большое влияние на возникновение различий между когнитивными фитонимическими метафорами двух лингвокультур. Именно эти предпосылки определяют тот факт, что при сопоставлении фитонимической метафоры на фоне разных лингвокультур наблюдается больше расхождений, чем сходств. Об этом свидетельствует ряд метафорических выражений с национально-культурной спецификой в русском языке, включая такие как *девочка-ромашка*, *выжатый лимон* и т. п. Для китайской лингвокультуры характерно использование цветка персика как метафоры красавицы в связи с его яркими и нежными цветами, весенним сезоном цветения и коротким периодом цветения. В России, в свою очередь, персики выращивают редко, не говоря уже о задействовании этого образа как метафоры.

Национально-специфическим является использование в китайском языке множества метафорических (переносных) употреблений слова-образа 柳 (*ива*). В китайской лингвокультуре стройность и изящество ветвей ивы напоминают красивую женскую фигуру, а слегка изогнутая форма листьев ивы – изогнутые женские брови, ввиду этого внешнего сходства *ива* выступает метафорой женской фигуры и бровей. Кроме того, изящный образ ивы напоминает людям о нежном женском характере, поэтому часто *ива* – метафора красивой и нежной женщины. В силу таких лингвокультурных предпосылок в большом количестве стихотворений *ива* используется как метафора красивой женщины. Несомненно, что, с одной стороны, лингвокультурные предпосылки осложняют межкультурную коммуникацию, с другой – их постижение создает возможность взаимопонимания между представителями разных лингвокультур.

Поскольку образное основание фитонимической метафоры является предметом интерпретации национально-культурной коннотации, анализ когнитивных механизмов фитонимической метафоры способствует раскрытию общности и индивидуальности национального языкового сознания и ценностей двух народов, воплощенных во фрагментах языковых картин мира.

Список литературы

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание: пер. с англ. / отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Рус. слов., 1996. 411 с.
2. *Maslova V.* Linguistic-Culture: A Russian Picture of the World / transl. by A. Santos. Russian Academic Translations, 2018. 236 p.
3. *Богданова Л.И.* Человек в зеркале зооморфной метафоры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультур. коммуникация. 2023. № 2. С. 24–40. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-02>
4. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
5. *Дмитриева Е.А.* Метафоризация судебного заседания в терминах войны в американском и канадском национальных вариантах судебного дискурса. Сравнительный анализ // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 47–56. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V241>
6. *Чернейко Л.О.* Языковая метафора и метафорическое мышление // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. сер. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2021. Вып. 63. С. 40–61. <https://doi.org/10.29003/m2524.lmc2021-63/40-61>
7. *Сергеева Л.А.* Метафора как когнитивный механизм формирования аксиологических концептов // Междунар. журн. гуманит. и естеств. наук. 2017. № 12. С. 163–166.

8. *Khong Thu Hien*. Фразеологические единицы с названиями растений в русской национальной картине мира // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация. 2017. № 2. С. 114–117.
9. *Teliya V.N.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. 288 с.
10. *Богданова Л.И.* Растительный код русской культуры: параметры оценки человека // Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения: материалы III Междисциплинар. науч. конф., Москва, 1–2 июня 2023 г. / науч. ред. Г.Г. Молчанова. М.: КДУ, Добросвет, 2023. С. 58–67. <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1313-3-2023-702>
11. *Мусаева О.И.* Флористическая метафора как фрагмент национальной картины мира (на материале русского и испанского языков): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 203 с.
12. *Дементьева А.Г.* Когнитивные основы формирования переносных значений фитонимов (на материале английского, русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012. 185 с.
13. *Гарбуйо И.* Флористическая метафора в русском и итальянском языках // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманит. науки. 2015. № 3(142). С. 218–227.
14. *Панкова Т.Н., Варфоломеева Н.С.* Особенности флористической метафоры в фитонимической картине мира (на материале русского и английского языков) // Современ. наука: актуал. проблемы теории и практики. Сер.: Гуманит. науки. 2021. № 10-2. С. 88–92. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.10-2.16>
15. *Михайлова О.А., Ли Вэньлу.* Метафора в русских и китайских фразеологизмах со значением «внешность человека» // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2016. № 5-2(59). С. 117–120.
16. *Моргун В.Г.* Зооморфная метафора человек-лошадь (на материале идиом китайского, английского и русского языков) // Синология в XXI в.: материалы междунар. науч. конф., г. Улан-Удэ, 11–13 июля 2022 г. / отв. ред. Л.Л. Ветлужская. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2022. С. 221–225. <https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-221-225>
17. *Чжан Хун.* Национально-культурные коннотации отзоимных прилагательных, метафорически характеризующих глаза человека в русском и китайском языках // Культура и текст. 2022. № 3(50). С. 178–187. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2022-3-178-187>
18. *Гаврилюк М.А.* Внешность человека через призму зооморфной метафоры в русском и китайском языках // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2023. Т. 16, № 9. С. 2752–2758. <https://doi.org/10.30853/phil20230431>
19. *Сюй Чжэньюй.* Сопоставление зооморфных метафорических номинаций китайского и русского языков (на материале басен И.А. Крылова и их переводов на китайский язык): дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. 168 с.

References

1. Wierzbicka A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, 1996. 411 p.
2. Maslova V. *Linguistic-Culture: A Russian Picture of the World*. Russian Academic Translations, 2018. 236 p.
3. Bogdanova L.I. Man in the Reflection of the Zoomorphic Metaphor. *Lomonosov Linguist. Intercult. Commun. J.*, 2023, no. 2, pp. 24–40 (in Russ.). <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-02>
4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980. 242 p. (Russ. ed.: Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafori, kotorymi my zhivem*. Moscow, 2004. 256 p.).
5. Dmitrieva E.A. Metaphorization of the Trial Using War Terminology in the American and Canadian National Variants of Judicial Discourse: A Comparative Analysis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 47–56. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V241>
6. Cherneyko L.O. Yazykovaya metafora i metaforicheskoe myshlenie [Language Metaphor and Metaphorical Thinking]. Krasnykh V.V., Izotov A.I. (eds.). *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Moscow, 2021. Iss. 63, pp. 40–61. <https://doi.org/10.29003/m2524.lmc2021-63/40-61>
7. Sergeeva L.A. Metafora kak kognitivnyy mekhanizm formirovaniya aksiologicheskikh kontseptov [Metaphor as a Cognitive Mechanism of Forming of Axiological Concepts]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2017, no. 12, pp. 163–166.
8. Khong Thu Hien. Frazеologicheskie edinit'sy s nazvaniyami rasteniy v russkoy natsional'noy kartine mira [Idioms with the Names of Plants in the Russian National Worldview]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2017, no. 2, pp. 114–117.
9. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow, 1996. 288 p.

10. Bogdanova L.I. Rastitel'nyy kod russkoy kul'tury: parametry otsenki cheloveka [The Plant Code of Russian Culture: Assessment Parameters for Humans]. Molchanova G.G. (ed.). *Kommunikativnye kody v mezhkul'turnom prostranstve kak sredstvo formirovaniya obshchegumanitarnykh kompetentsiy cheloveka novogo pokoleniya* [Communication Codes in the Intercultural Space as a Means of Developing General Humanities Competencies of a New Generation of People]. Moscow, 2023, pp. 58–67. <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1313-3-2023-702>
11. Musaeva O.I. *Floristicheskaya metafora kak fragment natsional'noy kartiny mira (na materiale russkogo i ispanskogo yazykov)* [Floristic Metaphor as a Fragment of the National Worldview (Based on the Russian and Spanish Languages): Diss.]. Voronezh, 2005. 203 p.
12. Dement'eva A.G. *Kognitivnye osnovy formirovaniya perenosnykh znacheniy fitonimov (na materiale angliyskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Cognitive Foundations of the Formation of Figurative Meanings of Phytonyms (Based on the English, Russian and French Languages): Diss.]. Tambov, 2012. 185 p.
13. Garbuio I. Floristicheskaya metafora v russkom i ital'yanskom yazykakh [Plant Metaphors in the Russian and Italian Languages]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2015, no. 3, pp. 218–227.
14. Pankova T.N., Varfolomeeva N.S. Osobennosti floristicheskoy metafory v fitonimicheskoy kartine mira (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Specific Features of Florist Metaphor in the Phytonymic Picture of the World (on the Material of Russian and English Languages)]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2021, no. 10-2, pp. 88–92. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.10-2.16>
15. Mikhaylova O.A., Li Wenlu. Metafora v russkikh i kitayskikh frazeologizmakh so znacheniem "vneshnost' cheloveka" [The Metaphor in the Russian and Chinese Phraseological Units with the Meaning "a Person's Appearance"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no. 5-2, pp. 117–120.
16. Morgun V.G. Zoomorfnyaya metafora chelovek-loshad' (na materiale idiom kitayskogo, angliyskogo i russkogo yazykov) [Zoomorphic Metaphor Man-Horse (Based on Idioms of Chinese, English, Russian Languages)]. *Sinologiya v XXI v. [Sinology in the 21st Century]*. Ulan-Ude, 2022, pp. 221–225. <https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-221-225>
17. Zhang Hong. Natsional'no-kul'turnye konnotatsii otzoonimnykh prilagatel'nykh, metaforicheskikh kharakterizuyushchikh glaza cheloveka v russkom i kitayskom yazykakh [National and Cultural Connotations of Zoological Adjectives Metaphorically Characterizing Human Eyes in Russian and Chinese]. *Kul'tura i tekst*, 2022, no. 3, pp. 178–187. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2022-3-178-187>
18. Gavriluk M.A. Vneshnost' cheloveka cherez prizmu zoomorfnoy metafory v russkom i kitayskom yazykakh [Human Appearance Through the Lens of Zoomorphic Metaphors in Russian and Chinese]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2023, vol. 16, no. 9, pp. 2752–2758. <https://doi.org/10.30853/phil20230431>
19. Xu Zhengyu. *Sopostavlenie zoomorfnykh metaforicheskikh nominatsiy kitayskogo i russkogo yazykov (na materiale basen I.A. Krylova i ikh perevodov na kitayskiy yazyk)* [Comparison of Zoomorphic Metaphorical Names in the Chinese and Russian Languages (Based on I.A. Krylov's Fables and Their Chinese Translations): Diss.]. Moscow, 2023. 168 p.

Информация об авторе

Сюй Лиюнь – докторант Института иностранных языков Нанкинского университета (адрес: 210023, Китайская Народная Республика, провинция Цзянсу, г. Нанкин, ул. Сяньлинь, д. 163), преподаватель русского языка Нанкинского профессионального института железнодорожных технологий (адрес: 210031, Китайская Народная Республика, провинция Цзянсу, г. Нанкин, ул. Джэньдзю, д. 65).

Поступила в редакцию 15.09.2023

Одобрена после рецензирования 16.02.2024

Принята к публикации 19.02.2024

Information about the author

Xu Liyun, Doctoral Candidate, School of Foreign Studies, Nanjing University (address: 163 Xianlin Avenue, Qixia District, Nanjing, 210023, Jiangsu Province, China), Russian Teacher, Nanjing Vocational Institute of Railway Technology (address: 65 Zhenzhu Road, Pukou District, Nanjing, 210031, Jiangsu Province, China).

Submitted 15 September 2023

Approved after reviewing 16 February 2024

Accepted for publication 19 February 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 2. С. 102–113.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 102–113.

Обзорная статья

УДК 811.111:81'373.72

DOI: 10.37482/2687-1505-V338

Теоретические предпосылки изучения ФЕ-терминов и их вариантов в английском языке делового общения

Анна Игоревна Контанистова¹

Татьяна Николаевна Федуленкова² ✉

^{1,2}Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия,

¹e-mail: a-kontanistova@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1895-5556>

²e-mail: edulenkova@list.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>

Аннотация. В статье исследуется теоретический материал в области английской деловой фразеологии и терминологии с особым акцентом на проблему вариативности фразеологических единиц-терминов. Представлен аналитический обзор новых и релевантных с точки зрения проблематики диссертаций, монографий и научных статей, посвященных вопросам деловой фразеологии и терминологии, а также вопросам их вариантности. Раскрываются особенности лексического состава языка делового общения и предпринимается попытка определить место фразеологических единиц в нем. В обзоре упомянут ряд статей, объясняющих тенденцию к фразеологизации большого количества терминов, используемых в языке делового общения. Рассматриваются современные научные взгляды на структуру значения термина и три основных терминоведческих подхода к определению термина. Особое внимание уделяется проблеме мотивированности термина и немотивированности фразеологических единиц-терминов. Подробно разобран и сам процесс фразеологизации терминов и терминологизации фразеологизмов, а также описывается процесс перехода существующих фразеологических единиц-терминов в новое фразеосемантическое поле. Уделяется внимание терминологии, раскрывающей эти процессы. Приводится ряд исследований о способах пополнения терминологического фонда современного английского языка делового общения новыми фразеологическими единицами-терминами, среди которых отмечается метафорическое и метонимическое переосмысление прототипного словосочетания. Помимо прочего, в обзоре представлены научные материалы в сфере фразеологической вариантности, в рамках которых анализируется понятие фразеологического варианта и его типологические классификации, и перечень работ в области терминологического варьирования. Явление вариативности рассматривается как в плане выражения, так и в плане содержания. Обзор существующих научных трудов подтверждает необходимость дальнейшего тщательного изучения фразеологических единиц-терминов и их вариантов.

Ключевые слова: фразеология, ФЕ-термины, фразеологизация терминов, терминологизация фразеологизмов, мотивированность термина, фразеологический вариант, терминологический вариант, деловой английский язык

Для цитирования: Контанистова, А. И. Теоретические предпосылки изучения ФЕ-терминов и их вариантов в английском языке делового общения / А. И. Контанистова, Т. Н. Федуленикова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 102-113. – DOI 10.37482/2687-1505-V338.

Review article

Theoretical Prerequisites for Studying Phraseological Terms and Their Variants in Business English

Anna I. Kontanistova¹

Tat'yana N. Fedulenkova²✉

^{1,2}Vladimir State University, Vladimir, Russia,

¹e-mail: a-kontanistova@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1895-5556>

²e-mail: fedulenkova@list.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>

Abstract. This article studies theoretical material in the field of phraseology and terminology of business English, placing special emphasis on the variability of phraseological units and terms. The paper presents an analytical review of recent and relevant dissertations, monographs and research articles on business phraseology and terminology as well as variability thereof. The lexical composition of business language and the role of phraseological units in it are examined. The review lists a number of articles explaining the trend towards phraseologization of numerous terms used in business communication. Further, the paper studies current views on the structure of the meaning of the term and examines three main approaches to the definition of the term. Special attention is paid to the motivation of terms and lack of motivation of phraseological terms. The process of terms becoming phraseological units and vice versa is investigated, as well as the transfer of existing phraseological terms into a new phraseological-semantic field; terms describing these processes are considered. Further, the review mentions academic works looking into ways of enriching the terminology of modern business English with new phraseological terms, which include metaphorical and metonymic interpretations of the prototype. In addition, studies into phraseological variation are presented, analysing the concept of phraseological variant and its typological classifications; works on terminological variation are listed. The phenomenon of variation is considered in terms of both expression and content. The review of existing scholarly works confirms the need for further careful research into phraseological terms and their variants.

Keywords: *phraseology, phraseological terms, phraseologization of terms, terminologization of phraseological units, motivation of a term, phraseological variant, terminological variant, business English*

For citation: Kontanistova A.I., Fedulenkova T.N. Theoretical Prerequisites for Studying Phraseological Terms and Their Variants in Business English. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 102–113. DOI: 10.37482/2687-1505-V338

Введение. В основе любого эмпирического научного исследования лежит тщательно изученная и проанализированная теоретическая база. Подобный подход определяет актуальность данной статьи и подтверждает ее теоретическую и практическую значимость для проведения дальнейшего фундаментального изыскания. Ставя перед собой цель рассмотреть фразеологические единицы-термины (ФЕ-термины), употребляющиеся в английском языке делового общения, с особым акцентом на их вариативность, встречаемся с необходимостью изучить теоретический материал по следующим направлениям:

– особенности словарного фонда языка делового общения и место фразеологических единиц в нем;

– современные точки зрения на структуру значения термина (с целью дальнейшего совершенствования определения ФЕ-термина);

– фразеологизмы терминологического характера и термины фразеологического характера, включая их метафорическое переосмысление и метонимический перенос;

– проблемы фразеологического варьирования в английском языке.

Сбор и анализ материала по перечисленным выше аспектам являются приоритетными задачами в рамках настоящей работы.

Особенности языка делового общения. Интерес к изучению делового английского (Business English), вызванный всеобщей интеграцией в мировую экономику, обусловил его детальное теоретическое осмысление как лингвистического феномена. Для нас особую важность представляет лексический фонд языка делового общения с целью дальнейшего выявления в нем и последующего анализа определенного класса языковых единиц, а именно ФЕ-терминов и их вариантов.

Первые попытки ответить на вопрос, что представляет собой деловой английский язык с точки зрения его лексико-компонентного состава, были предприняты отечественными лингвистами, которые остро почувствовали необходимость в определении и классификации словарного состава делового английского.

Так, в книге «Эффективное деловое общение» Т.С. Самохина подвергает конструктивной критике идею своих зарубежных коллег, предлагающих рассматривать Business English как один из разделов английского для специальных целей – ESP (English for Specific Purposes), вместе с английским для академических целей – EAP (English for Academic Purposes) и английским для науки и технологий – EST (English for Science and Technology), справедливо утверждая, что при такой классификации деловой английский может выступать только языком «торговли и коммерции», что, с точки зрения автора, является не совсем корректным, т. к. сужает и ограничивает сферу употребления Business English. Т.С. Самохина демонстрирует более широкий взгляд на язык делового общения, убедительно доказывая, что деловое общение основывается как на словарных единицах, входящих в основной словарный фонд современного английского языка, так и на узкоспециализированной профессиональной лексике, большая часть которой представлена терминами, использующимися в самых разнообразных коммуникативных ситуациях делового общения (см.: [1, с. 219]).

Таким образом, в рассматриваемом труде предлагается выделять общий деловой английский и специальный (профессиональный) деловой английский, при этом делая акцент на том, что в деловом дискурсе они не могут существовать изолированно друг от друга. Отдельно стоит отметить, что фразеологичность языка делового общения считается характерной для профессионалов, широко использующих метафорическое переосмысление общеупотребительных слов, а также профессионализмы и жаргонизмы.

Более подробную классификацию лексики языка делового общения приводит в своих работах Т.Б. Назарова, идеи которой получили развитие в диссертационных исследованиях ее учеников М.А. Шанаевой, М.И. Вершининой и др. Так, Т.Б. Назарова выделяет 4 основных пласта (страты) лексики деловой коммуникации: общеупотребительная английская лексика (general English words); ядерная, или клю-

чевая, деловая терминология (core business terminology); терминологические подсистемы специализированных доменов (industry-specific terminological systems); специальная фразеология, или идиоматическая терминология (special phraseology or idiomatic terminology) [2, p. 1909–1910].

Последующая детализация позволила расширить количество таких страт до полутора десятков. Заслуживает внимания факт признания Т.Б. Назаровой терминологии фразеологического характера, в основе образования которой лежит переосмысление компонентов прототипного словосочетания, например *sleeping partner* или *golden parachute*, бизнес-идиом, не являющихся терминами, но активно используемых в ситуациях делового общения, например *rock the boat*, а также неологизмов и окказионализмов, которые тоже зачастую основаны на метафорическом переосмыслении, например *corporate citizenship*.

На основе данной информации делаем вывод, что для английского языка делового общения характерно наличие как общей, так и специальной терминологии. Почему подобные термины зачастую носят фразеологический характер – это тот вопрос, на который пытаются ответить многие ученые в рамках своих лингвистических исследований. Оригинальный, детально аргументированный ответ читатель найдет в недавно опубликованной научной статье, где расцвет фразеологической номинации в современном английском языке, и в особенности в деловом английском, объясняется изменением типологического строя этого языка [3, p. 44].

Понятие термина и его семантика. Специалисты-терминоведы вот уже несколько десятков лет не могут выработать единое и универсальное определение понятия «термин». В качестве иллюстрации этой проблемы И.С. Куликова и Д.В. Салмина предлагают нам свыше десятка разных определений указанного понятия из самых современных источников, отмечая вместе с тем, что этот список далеко не полный [4]. Такое многообразие может быть объяснено существованием разных терминоведческих подходов к определению термина. В.М. Лейчик, на-

пример, рекомендует рассматривать термин с логической, лингвистической и собственно терминоведческой точек зрения [5].

В рамках логического подхода (школа Д.С. Лотте) термин обладает рядом особых свойств, благодаря которым мы можем противопоставить его нетерминам [5, с. 22], к нему предъявляется ряд строгих требований, таких как точность, краткость и однозначность, отсутствие синонимов, а также ряд прагматических требований, включающих в себя внедренность, современность, интернациональность и благозвучность. Данный подход, однако, подвергается И.С. Куликовой разумной критике. Ссылаясь на мнение Ю.В. Сложеникиной, она напоминает, что подобная совокупность требований соответствует «изоморфной теории» термина, положения которой были сформулированы С.И. Коршуновым и Г.Г. Самбуровой в 1979 году. Согласно этой теории, «терминология является идеальной искусственной знаковой системой, в которой термины должны применяться в неизменном виде. При этом любые отклонения от принципа изоморфизма между системой понятий и совокупностью знаков в терминологии рассматриваются как негативные и подлежащие устранению» [6, с. 1]. Однако нужно понимать, что на практике подобные требования трудновыполнимы, поэтому они считаются факультативными.

Следующий подход – лингвистический – исследователи предлагают называть функциональным, т. к. разные определения термина, выдвинутые сторонниками данного подхода (Г.О. Винокур, А.А. Реформатский, А.В. Суперанская, К.А. Левковская), содержат в себе в первую очередь описание функции термина. Сторонники этого подхода отмечают, что главная функция термина – дефинитивная, т. к. дефиниция выступает «основным контекстом и основным способом толкования термина, она затмевает все иные экспликации знания о предмете, строгим обозначением которого данный предмет является» [7, с. 277]. Структурно-функциональный метод – один из определяющих векторов в терминове-

дении – лежит в основе многих современных научных исследований в области языкознания.

В последнее время набирает популярность когнитивное понимание термина, при котором термин больше не рассматривается как нечто идеальное и неизменное. Напротив, участвуя в сложных процессах познания и научных изысканиях, термин, как и всякая научная мысль, развивается и меняется сам.

Подытоживая свои теоретические изыскания, И.С. Куликова и Д.В. Салмина предлагают собственное определение термина: «Термин – это конвенционально закрепленное в конкретной терминосистеме слово или словосочетание, номинирующее специальное понятие и функционирующее как основной оператор когнитивно-коммуникативных процессов в определенной профессиональной сфере – в языке для специальных целей и в языке для образовательных целей» [4, с. 57–58]. Данное определение представляется нам наиболее полным и в той или иной степени отражающим все перечисленные выше подходы, а следовательно, правомерно претендующим на то, чтобы стать «рабочим» в ходе дальнейших научных поисков в этом направлении.

Более того, такое определение воспроизводит прагматическую функцию термина, которая обусловлена главным его предназначением – обеспечить эффективную коммуникацию в профессиональной сфере. Авторы напоминают, что традиционно прагматический компонент семантики связывается с коннотациями. Однако когда дело касается термина, приоритетными становятся не столько его коннотативные составляющие, сколько такие прагматические свойства, как мотивированность и связанная с ней ориентирующая способность [4, с. 62]. Мотивированность любого слова или словосочетания, а в нашем случае – термина, предполагает выводимость его семантики из составляющих компонентов. Авторы поддерживают точку зрения ученых Л.А. Капанадзе, В.П. Даниленко, А.В. Суперанской, что в функционально-прагматическом аспекте для термина действи-

тельно предпочтительна мотивированность, т. к. мотивированные термины легче запоминаются, поскольку становится возможным установить ассоциативные связи между терминологическим знаком и явлением, которые он называет [8, с. 89]. Авторы при этом поясняют, что максимальная мотивированность свойственна составным, или многокомпонентным, терминам, в которых дефиниция практически повторяет сам термин. В качестве примера такого составного термина можно привести английское словосочетание *tax code* («налоговый кодекс»), состоящее из двух терминов: *tax* («налог», «налоговый») и *code* («кодекс»).

Однако некоторые составные термины являются немотивированными, что особенно характерно для терминологии, имеющей фразеологический характер. Так, фразеологи, занимающиеся данной проблематикой, убедительно доказывают, что покомпонентный анализ или перевод, например, таких терминов, как *red ink* (букв. *красные чернила*) и *sleeping beauty* (букв. *спящая красавица*), вряд ли позволит понять значение этих терминов (соотв. *финансовые трудности, привлекательная для покупки компания*). Состав их дефиниций также далек от значения их компонентов. Подчеркивается особый характер этих терминов, а именно их фразеологичность, т. к. подобные ФЕ-термины возникли путем переосмысления компонентного состава прототипных сочетаний слов [9, с. 196].

ФЕ-термины в языке делового общения. Тот факт, что словарному составу делового английского присуща фразеологичность, подчеркивается многими исследователями этой проблемы терминологии (Т.Н. Федуленкова, Е.А. Никулина, С.А. Сасина, В.А. Пономаренко, Е.А. Юрьева и др.).

Так, Е.А. Никулина в своей диссертационной работе изучает процессы, в результате которых происходит фразеологизация терминов и терминологизация фразеологизмов. В ходе подобных семантических трансформаций в языке появляются новообразования, которые автор называет «терминологическими фразеологизмами», или «терминологизмами» [10, с. 22].

Е.А. Никулина акцентирует внимание на том, что для современного естественного языка характерно два специфических процесса, в результате которых происходит обогащение его словарного состава. В первом случае возникает переосмысление терминологического значения, что приводит к появлению новой фразеологической единицы. В качестве примера дан спортивный термин *even the score* («сравнять счет»), который вследствие переосмысления приобретает фразеологическое значение – *занять равное положение*. Во втором случае наблюдается диаметрально противоположный процесс. Фразеологическая единица, чаще всего общеупотребительного характера, переходит в разряд узкоспециализированной лексики, т. е. становится термином. Примером, иллюстрирующим такой процесс, может служить использование общеупотребительной идиомы *white elephant* («обременительное или разорительное имущество») в биржевой терминологии, где данная единица обозначает уже невыгодную сделку, при которой расходы значительно превышают доходы [10, с. 12].

Для обозначения фразеологических единиц, описанных в первом примере, Е.А. Никулина вводит новый термин – «терминологический фразеологизм», или «терминологизм», объясняя это современной тенденцией естественного языка к сращениям (*blends*). Под «терминологизмом» понимается сверхсловное образование, которое имеет буквальное значение, терминологическое или профессиональное, на основе которого развивается переосмысленное, и данные значения актуализируются в зависимости от контекста употребления» [10, с. 22]. Приведенное определение схоже с определением термина «идиофразеоматизм», предложенного А.В. Куниным в рамках разработанной им теории, где ученый выделил три класса единиц, а именно: идиоматизмы (идиомы), идиофразеоматизмы и фразеоматические единицы [11, с. 98]. Однако, как утверждает Е.А. Никулина, термин «идиофразеоматизм», не являясь мотивированным, не отражает характер и уникальные свойства подобных переосмысленных

ФЕ-терминов, имеющих одновременно фразеологическое и терминологическое значения, в то время как термин «терминологизм», напротив, дает нам более четкое представление о том, что являются собой подобные новообразования, имеющие как буквальное, терминологическое, так и осложненное, фразеологическое, значение.

В ходе своего исследования автор приходит к выводу, что фразеологизация терминологических сочетаний диктуется растущей общеязыковой тенденцией к употреблению терминов в расширенно-метафорическом смысле. По сути, Е.А. Никулина описывает процесс детерминологизации, в результате которого термин получает широкое употребление в общем разговорном языке, а также в языке художественной литературы.

Подробно ознакомившись с приложением диссертационного исследования Е.А. Никулиной, обнаруживаем «терминологизмы», применяемые в языке делового общения. Так, в толковом словаре Longman Business English Dictionary находим объяснение таким терминологическим фразеологизмам, как *lose ground* («потерять преимущество»), *blue chip* («акции успешной компании»), *quantum leap/jump* («значительное улучшение, скачок, прогресс»). Приведенные выше устойчивые сочетания слов изначально являлись военными терминами (*lose ground*), терминами азартных игр (*blue chip*) и физики (*quantum leap*), а позднее стали фразеотерминами языка делового общения. Правда, в конкретном случае мы скорее говорим не о детерминологизации, а о фразеологизации термина и переходе его в новое фразеосемантическое поле. В связи с этим терминам с фразеологической подоплекой, т. е. основанным на переосмыслении компонентного состава, считаем релевантным присвоить название *ФЕ-термины*, т. к. предложенный Е.А. Никулиной термин «терминологизм» не имеет способности раскрывать фразеологическую сущность обсуждаемого в терминологической номинации явления.

В своем диссертационном исследовании В.А. Пономаренко раскрывает структурно-се-

мантические особенности фразеологических единиц в деловом дискурсе. Автор выдвигает гипотезу, согласно которой для современного языка делового общения характерна идиоматизация и клишированность, что, с одной стороны, свидетельствует о демократизации норм делового общения и проявляется в толерантности в отношении фразеологизмов, с другой – способствует росту числа проблем, которые неизбежно возникают при использовании фразеологических единиц в рамках межкультурной коммуникации [12, с. 7–8].

В своей работе В.А. Пономаренко выделяет 4 фразеосемантических поля, встречающихся в англоязычном деловом дискурсе: «бизнес и управление, денежные отношения, покупка и продажа, экономические и производственные отношения» [12, с. 59], что позволяет нам предположить, что английский бизнес рассматривается здесь исключительно в узком понимании. Однако, как отмечалось нами ранее, современный английский язык делового общения далеко не ограничивается экономическими отношениями и управлением самим бизнесом. Так, любая сделка требует юридического сопровождения, услуг страхового агента и логистики, любой бизнес предполагает эффективную работу с персоналом и контрагентами. Также не стоит забывать, что в век цифровизации участники общения активно задействуют современные цифровые технологии и решают проблемы, возникающие в ходе их использования. Очевидно, что участники делового общения, сталкиваясь с необходимостью решения данных вопросов, вынуждены так или иначе оперировать узкоспециализированной терминологией, незнание или непонимание которой может существенным образом препятствовать эффективной коммуникации или затруднять ее. Более того, каждая из этих сфер, развиваясь и совершенствуясь, постоянно пополняется новой терминологией, часть из которой появляется в ходе метафорического или метонимического переосмысления прототипного словосочетания.

Метонимическому переосмыслению в терминологии посвящено диссертационное ис-

следование Р.Е. Шкилева. В своей работе автор придерживается широкой трактовки этого языкового явления, понимая под метонимическим переносом в терминологии «некую связь предметов, находящихся между собой в определенных отношениях на основе общего признака» [13, с. 49]. Он определяет основные источники словосочетаний, так называемые области-доноры, в которых наблюдается семантический перенос: «мир человека и человеческих отношений (*parent company*), мир природы (*job freeze*), мир объектов и их состояний (*split government*), мир оценочных определений (*contemptuous damage*)» [13, с. 61]. Такой способ терминообразования объясняется автором в первую очередь тем, что человек в результате своей научно-исследовательской деятельности зачастую вынужден номинировать те предметы, которые на данном этапе развития науки просто не имеют языкового выражения.

Помимо образования терминов в результате метонимического переноса широко используются, как подчеркивает Р.Е. Шкилев, и другие способы фразеологизации, такие как идиоматизация и образование идиофразеоматического и фразеоматического значений. В отдельную группу автор выделяет переосмысление значения посредством метафоризации, однако утверждает, что метонимический перенос как способ терминообразования находит более широкое распространение, нежели метафоризация, поскольку основывается на смежности объектов и некоторых явлений, а не на их сходстве. Автор акцентирует внимание на антропоцентрическом характере подобного образного переосмысления при образовании терминов.

Проведенный анализ релевантных по проблематике диссертационных исследований доказывает, что термины, вопреки всем строгим требованиям, предъявляемым к ним, обладают разной степенью фразеологичности и могут быть образованы в результате разных типов переосмысления (в основном метафоры и метонимии). Однако остаются до конца не изученными ФЕ-термины языка делового общения. Также практически никто из исследова-

телей не углубляется в проблему вариантности ФЕ-терминов, хотя варьирование принято считать одним из показателей устойчивого развития языка [14, 15].

Проблема вариантности ФЕ-терминов.

Вариантность ФЕ-терминов представляет собой комплексное, многоаспектное и, как оказывается, малоизученное лингвистическое явление, т. к. предполагает рассмотрение проблемы вариативности на двух разных уровнях – фразеологическом и терминологическом – с последующим обобщением и систематизацией полученных выводов.

Проблема заключается в том, что существует огромный пласт научной литературы, посвященной фразеологической вариантности, а также научных исследований явления вариантности в области терминологии. Тем не менее работ, которые освещали бы проблему вариантности ФЕ-терминов делового языка, за редким исключением [16, 17], нами обнаружено не было. Исходя из этого, было принято решение отдельно рассмотреть проблему фразеологической и терминологической вариативности с целью создания теоретической базы для исследования вариативности ФЕ-терминов в сфере финансов, экономики, аудита и проч.

Первые научные труды, посвященные проблеме фразеологической вариантности, появляются в 50-х годах XX века. В это время среди лингвистов существуют две диаметрально противоположные точки зрения. Одни считают фразеологическую вариативность избыточной категорией и неким аномальным явлением (Н.А. Лукьянова, К.С. Горбачевич), другие – одним из признаков развития языка и его фундаментальным свойством (В.П. Филин, Б.А. Абрамов). Однако большинство исследователей данного явления сходятся во мнении, что фразеологическая вариативность – чрезвычайно сложный и разнообразный феномен, т. к. фразеологическая единица может совмещать в себе все виды вариантности, присущие фонетическому, морфологическому, лексическому, синтаксическому и семантическому уровням анализа.

В это же время учеными предпринимались попытки дать определение фразеологическому варианту. Наиболее полное и развернутое определение, как мы считаем, было предложено А.В. Куниным, который под фразеологическими вариантами понимал «разновидности фразеологических единиц, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов» [18, с. 442].

Эти идеи легли в основу типологической классификации фразеологических вариантов, в рамках которой были выделены лексические, морфологические, синтаксические, позиционные и количественные варианты. Такая классификация позволяет нам говорить о структурном варьировании, т. е. о варьировании в плане выражения. Подобный подход допускает анализ фразеологических единиц с прагматической точки зрения, что добавит практической значимости последующим теоретическим исследованиям в этой области.

Что касается варьирования терминов, данная проблема вызывает не меньшее количество споров, чем проблема фразеологического варьирования. Обратимся к главе монографии И.С. Куликовой и Д.В. Салминой, посвященной вариантности в терминологии. Как и в случае с фразеологией, вариативность терминов на начальном этапе вызвала некий скепсис среди ученых, т. к. нарушались основные требования, предъявляемые к термину, в частности упорядоченность терминологии как системы и отсутствие синонимов, при этом под синонимами чаще всего понимались именно варианты терминов, названные дублетами. Но постепенно концепция вариантности термина вытеснила подобный подход к нему и получила не только лингвистическое, но и философское обоснование.

Проблемой вариативности в терминологии занимаются многие современные исследователи, такие как К.Я. Авербух, Ю.В. Сложеникина,

С.В. Гринева, В.М. Лейчик и ряд других лингвистов. Все они так или иначе сходятся во мнении, что если два термина соотносятся с одним и тем же понятием, имея при этом те или иные различия в форме, они являются вариантами [19, с. 48]. Подобное понимание вариантов термина доказывает, что они рассматривают процесс варьирования терминологических единиц только для плана выражения, не затрагивая при этом план содержания.

Предлагаются также весьма разнообразные классификации терминологических вариантов, где проводятся различия между вариантами по структурному признаку. Так, принято выделять графические варианты (*граффити/графитти*), фонетические (*оксиморон/оксюморон*), морфологические (*морф/морфа*), синтаксические (*терминологическая система/терминосистема*), аббревиационные (*МГУ/Московский государственный университет*), дублиеты (*двуязычие/билингвизм*)¹.

О причинах вариантности в терминологии рассуждает в своих работах Ю.В. Сложеникина, которая утверждает, что «переход к структурно-функциональным методам изучения сделал термин открытым для многих принципиально новых идей, а среди существенных свойств учеными стали называться такие качества, как процессуальность, динамизм, противоречивость, способность к формально-семантическому варьированию» [20, с. 3]. Интересно отметить, что автор говорит о вариативности в семантическом плане, подразумеваемая вариативность в плане содержания, а не в плане выражения. Так, она приводит в пример термин «дискурс», который известен многообразием существующих дефиниций, т. е. вариантов в плане содержания. Такое многообразие вариантов, по мнению Ю.В. Сложеникиной, объясняется тем, что каждый исследователь обладает разными компетенциями, методологическими приемами и может представлять разные научные школы. Помимо этого упоминается и вариативность в плане выражения,

утверждается, что такому типу варьирования способствует развитие самой науки. Лингвист отмечает, что терминология «молодой науки» может демонстрировать наивный тип мышления, что отражается в терминах, для которых характерно метафорическое переосмысление. В качестве примера приводятся термины, использовавшиеся на заре развития авиационной промышленности: *тело аэроплана – фюзеляж, крыльчатая машина – самолет* [20, с. 3].

Вопросам синонимии и вариативности терминологических словосочетаний макрополя «деловой английский» посвящено диссертационное исследование Чан Тхи Хуен Чанг. Методом сплошной выборки автором было выделено 25 микрополей терминологических словосочетаний, использующихся в деловом общении и связанных парадигматическими отношениями синонимии или вариативности. Это в очередной раз подтверждает нашу точку зрения, что деловой английский следует рассматривать в широком смысле – как особую область языка, которая в зависимости от коммуникативной ситуации требует от нас употребления специализированной терминологии. В данном исследовании была предпринята попытка разграничить явление синонимии и вариативности и выделить критерии их дифференциации. Отметим, что под «терминологическими вариантами автор понимает разновидности формальной структуры при частичном несовпадении лексического состава и полном совпадении семантики и функций всех вариантов», в то время как «терминологическими синонимами считаются разные специальные лексические единицы, обозначающие одно и то же понятие и раскрывающие разные его стороны, либо обозначающие близкие понятия и указывающие на их разные существенные или не существенные различительные признаки» [21, с. 86–87].

Останавливаясь подробно на типах варьирования, Чан Тхи Хуен Чанг – помимо широко известных лексических, синтаксических,

¹Типология терминов. URL: https://studopedia.ru/18_174725_tipologiya-terminov.html (дата обращения: 06.04.2024).

морфологических и графических вариантов – рассматривает случаи комплексного, или комбинированного, варьирования, выделяя лексико-синтаксическое и лексико-морфологическое варьирования. Также подробно описывает разнообразные структурные модели варьирования, приводя в пример двухкомпонентные, трехкомпонентные и многокомпонентные варианты терминологических слово-сочетаний.

Подчеркивая тот факт, что зачастую даже лексикографические источники не дают четкого ответа на вопрос, с чем мы имеем дело – с вариантами терминологического словосочетания или с его синонимами, Чан Тхи Хуен Чанг предпринимает попытку выделить критерии дифференциации синонимов и вариантов. Автор выделяет два таких критерия, а именно: семантическое и функциональное тождество. Под семантическим тождеством автор понимает отсутствие/наличие у двух терминов каких-либо изменений как в плане выражения, так и в плане содержания. Согласно этому критерию, вариантами одного термина можно считать единицы, имеющие различия в плане выражения при отсутствии каких-либо модификаций в плане содержания. Если же различия наблюдаются как в плане выражения, так и в плане содержания, то речь идет о терминологических синонимах [21, с. 132]. Рассуждая о функциональном тождестве, исследователь дифференцирует варианты и синонимы по ряду параметров, которые включают в себя принадлежность к тому или иному территориальному варианту английского языка, различия в частотности и контекстах употребления, а также неко-

торые расхождения в лексической или грамматической сочетаемости [21, с. 141].

Выводы

1. Лексический фонд делового английского языка характеризуется наличием в нем как общей, так и узкоспециализированной терминологии, треть которой носит фразеологический характер.

2. Из-за существования различных терминоведческих подходов ученым не удается выработать единое универсальное определение понятия «термин».

3. Не все термины являются мотивированными: ФЕ-термины, возникшие в результате полного переосмысления компонентов прототипного словосочетания, мотивированными не являются.

4. Исследования в области фразеологии и терминологии убедительно доказывают, что в языке делового общения встречаются как термины фразеологического характера, так и фразеологизмы терминологического характера, которым мы присваиваем наименование *ФЕ-термины*.

5. Вариантность в области фразеологии и терминологии – комплексное, многоаспектное явление, доказывающее факт постоянного развития и совершенствования языка. Рассуждения о вариативности, зачастую обнаруживают формальное, т. е. структурное, варьирование, которое представляет варьирование в плане выражения. Однако некоторые исследователи рассматривают процесс варьирования и для плана содержания.

6. ФЕ-термины и их варианты требуют тщательного научного исследования и многоаспектного семантического и структурного анализа.

Список литературы

1. Тимченко Н.М. Деловое общение как феномен культуры: моногр. М.: Директ-Медиа, 2019. 273 с.
2. Nazarova T.B. Special Phraseology in Business English Vocabulary: Forms and Functions // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci. 2022. Vol. 15, № 12. P. 1908–1917. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0545>
3. Fedulenkova T.N. Terminology vs Phraseology: Meaning Transfer in Business Terms // Res. Result. Theor. Appl. Linguist. 2022. Vol. 8, № 4. P. 41–56. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-4-0-4>
4. Куликова И.С., Салмина Д.В. Введение в металингвистику: (системный лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). СПб.: Сага, 2002. 351 с.
5. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.

6. Сложеникина Ю.В. Термин: живой как жизнь (почему термин может и должен иметь варианты) // Информ. гуманист. портал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 5. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/5/Slozhenikina/> (дата обращения: 29.03.2024).
7. Гусева Е.И. Динамика термина: Заимствование. Обновление метаязыка. Развитие лингвистической теории. Мариуполь: Ультрамарин, 2012. 332 с.
8. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории / отв. ред. Т.Л. Канделаки. 6-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 248 с.
9. Федуленкова Т.Н., Контанистова А.И. Проблемы структуры значения термина // Вестн. Нижегород. лингвист. гос. ун-та им. Н.А. Добролюбова. 2023. № 61. С. 191–197.
10. Никулина Е.А. Терминологизмы как результат взаимодействия и взаимовлияния терминологии и фразеологии современного английского языка: дис. ... д-ра филол. наук. М.: МПГУ, 2005. 363 с.
11. Кунин А.В. Асимметрия в сфере фразеологии // Вопр. языкознания. 1988. № 3. С. 98–107.
12. Пономаренко В.А. Фразеологические единицы в деловом дискурсе (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 213 с.
13. Шкилев Р.Е. Метонимический перенос в устойчивых терминологических словосочетаниях (на примере юридической терминологии в английском и русском языках): дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 194 с.
14. Федуленкова Т.Н. Лексическая вариантность в деловой фразеологии // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2022. № 1(106). С. 127–139. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-1-106-11>
15. Исакова Л.Д. Многообразие языков в их вариативности: моногр. М.: Проспект, 2022. 176 с.
16. Назарова Т.Б. Динамические процессы в словарном составе английского языка делового общения // Уч. зап. ОГУ. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2014. № 1. С. 271–275.
17. Валуева А.В. Анализ банковской фразеологии по словарю // Дни науки студентов Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых: сб. материалов науч.-практ. конф., Владимир, 21 марта – 8 апреля 2022 г. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2022. С. 1221–1226. URL: <https://sci.vlsu.ru/main/3.aspx?ysclid=lugqm5v9uu600789313> (дата обращения: 29.03.2024).
18. Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГПИИЯ, 1964. 1229 с.
19. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: Либроком, 2009. 256 с.
20. Сложеникина Ю.В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. М.: URSS, 2013. 120 с.
21. Чан Тхи Хуен Чанг. Синонимия и вариативность терминологических словосочетаний макрополя «деловой английский» (Business English): дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2020. 230 с.

References

1. Timchenko N.M. *Delovoe obshchenie kak fenomen kul'tury* [Business Communication as a Cultural Phenomenon]. Moscow, 2019. 273 p.
2. Nazarova T.B. Special Phraseology in Business English Vocabulary: Forms and Functions. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 2022, vol. 15, no. 12, pp. 1908–1917. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0545>
3. Fedulenkova T.N. Terminology vs Phraseology: Meaning Transfer in Business Terms. *Res. Result Theor. Appl. Linguist.*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 41–56. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-4-0-4>
4. Kulikova I.S., Salmina D.V. *Vvedenie v metalingvistiku: (sistemnyy leksikograficheskiy i kommunikativno-pragmaticheskiy aspekty lingvisticheskoy terminologii)* [Introduction to Metalinguistics: (Systemic Lexicographic and Communicative-Pragmatic Aspects of Linguistic Terminology)]. St. Petersburg, 2002. 351 p.
5. Leychik V.M. *Terminovedenie. Predmet, metody, struktura* [Terminology. Subject, Methods, Structure]. Moscow, 2007. 256 p.
6. Slozhenikina Yu.V. [The Term: Real as Life (Why Term Can and Should Have Variants)]. *Informatsionnyy gumanitarnyy portal "Znanie. Ponimanie. Umenie"*, 2010, no. 5. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/5/Slozhenikina/> (accessed: 29 March 2024).
7. Guseva E.I. *Dinamika termina: Zaimstvovanie. Obnovlenie metazyky. Razvitie lingvisticheskoy teorii* [Dynamics of the Term: Borrowing. Metalanguage Update. Development of Linguistic Theory]. Mariupol, 2012. 332 p.
8. Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V. *Obshchaya terminologiya. Voprosy teorii* [General Terminology. Theoretical Issues]. Moscow, 2012. 248 p.
9. Fedulenkova T.N., Kontanistova A.I. Problemy struktury znacheniya termina [Issues of a Term's Meaning Structure]. *Vestnik Nizhegorodskogo lingvisticheskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova*, 2023, no. 61, pp. 191–197.

10. Nikulina E.A. *Terminologizmy kak rezul'tat vzaimodeystviya i vzaimovlianiya terminologii i frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [Terminological Phraseological Units as a Result of Interaction and Mutual Influence of Terminology and Phraseology in Modern English: Diss.]. Moscow 2005. 363 p.
11. Kunin A.V. *Asimetriya v sfere frazeologii* [Asymmetry in the Sphere of Phraseology]. *Voprosy yazykoznanija*, 1988, no. 3, pp. 98–107.
12. Ponomarenko V.A. *Frazeologicheskie edinitzy v delovom diskurse (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)* [Phraseological Units in Business Discourse (Based on the Material of the English and Russian Languages: Diss.]. Krasnodar, 2007. 213 p.
13. Shkilev R.E. *Metonimicheskiy perenos v ustoychivyykh terminologicheskikh slovosochetaniyakh (na primere yuridicheskoy terminologii v angliyskom i russkom yazykakh)* [Metonymic Transfer in Set Terminological Phrases (Using the Example of Legal Terminology in the English and Russian Languages): Diss.]. Kazan, 2005. 194 p.
14. Fedulenkova T.N. Lexical Variability in Business Phraseology. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, no. 1, pp. 127–139 (in Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-1-106-11>
15. Isakova L.D. *Mnogoobrazie yazykov v ikh variativnosti* [Diversity of Languages in Their Variation]. Moscow, 2022. 176 p.
16. Nazarova T.B. Dinamicheskie protsessy v slovarnom sostave angliyskogo yazyka delovogo obshcheniya [Dynamic Processes in Business English Vocabulary]. *Uchenye zapiski OGU. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2014, no. 1, pp. 271–275.
17. Valuev A.V. *Analiz bankovskoy frazeologii po slovaryu* [Analysis of Banking Phraseology Using a Dictionary]. *Dni nauki studentov Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovykh* [Student Science Days at Vladimir State University]. Vladimir, 2022, pp. 1221–1226. Available at: <https://sci.vlsu.ru/main/3.aspx?ysclid=lugqm5v9uu600789313> (accessed: 29 March 2024).
18. Kunin A.V. *Osnovnye ponyatiya angliyskoy frazeologii kak lingvisticheskoy distsipliny i sozdanie anglo-russkogo frazeologicheskogo slovarya* [Basic Concepts of English Phraseology as a Linguistic Discipline and the Creation of an English-Russian Phraseological Dictionary: Diss.]. Moscow, 1964. 1229 p.
19. Leychik V.M. *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [Terminology: Subject, Methods, Structure]. Moscow, 2009. 256 p.
20. Slozhenikina Yu.V. *Osnovy terminologii: Lingvisticheskie aspekty teorii termina* [Fundamentals of Terminology: Linguistic Aspects of Term Theory]. Moscow, 2013. 120 p.
21. Tran Thi Huyen Trang. *Sinonimiya i variativnost' terminologicheskikh slovosochetaniy makropolya "delovoy angliyskiy" (Business English)* [Synonymy and Variation of Terminological Phrases in the "Business English" Macrofield: Diss.]. Moscow, 2020. 230 p.

Информация об авторах

А.И. Контанистова – аспирант кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87).

Т.Н. Федуленкова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87).

Information about the authors

Anna I. Kontanistova, Postgraduate Student, Department of Foreign Languages of Professional Communication, Vladimir State University (address: ul. Gor'kogo 87, Vladimir, 600000, Russia).

Tat'yana N. Fedulenkova, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of Foreign Languages of Professional Communication, Vladimir State University (address: ul. Gor'kogo 87, Vladimir, 600000, Russia).

Поступила в редакцию 14.10.2023
Одобрена после рецензирования 22.01.2024
Принята к публикации 25.01.2024

Submitted 14 October 2023
Approved after reviewing 22 January 2024
Accepted for publication 25 January 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 2. С. 114–123.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 114–123.

Научная статья

УДК 162.6+111.5

DOI: 10.37482/2687-1505-V339

Динамическая стабильность как категория диалектического взаимодействия хаоса и космоса в онтологии сетевого бытия

Михаил Григорьевич Бреслер

Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия,

e-mail: bremmaster@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6985-8919>

Аннотация. Нарастание информационного потока привело в т. ч. к преобладающей роли сетевого взаимодействия в коммуникациях. Развиртуализация сетевого взаимодействия в информационных и физических сетях позволила ввести сетевой дискурс в современную философию. Как показывает изучение трудов Лао-цзы, Конфуция и их последователей, сетевой дискурс, сетевое мышление были развиты в философских трудах ученых Древнего Китая как представителей восточного философского дискурса. В то же время западный философский дискурс, создателями которого можно считать Платона и Аристотеля, стоит на позициях линейной логики и линейного мышления. Противостояние линейного/сетевого мышления снижается с признанием сетевого взаимодействия лишь к концу XX века – под влиянием глубинной трансформации при переходе на новую стадию цивилизационного развития, к информационному/цифровому обществу. Примером здесь выступает эволюция восприятия категорий «хаос» и «космос» в западном (линейном) и восточном (сетевом) философских дискурсах как основа развития современного представления динамической стабильности системы сетевого взаимодействия. В настоящем исследовании при помощи информационно-коммуникационного метода проводится анализ западного и восточного философских дискурсов от осевого времени до наших дней и обосновывается введение категории «динамическая стабильность». Динамическая стабильность означает диалектически связанный процесс создания/разрушения коммуникаций между акторами сетевого взаимодействия под влиянием динамики информационного обмена, который является показателем аутопойесиса системы сетевого взаимодействия. Дальнейшее развитие концепции динамической стабильности предполагает создание математического аппарата исчисления меры, т. е. информационной энтропии, динамически стабильной сети. Предполагается, что эти сугубо абстрактные исследования будут иметь прикладное значение для развития социальных сетей межличностной и межгрупповой коммуникации.

Ключевые слова: хаос, космос, динамическая стабильность, сетевое сообщество, линейное мышление, сетевое мышление, западный философский дискурс, восточный философский дискурс

Для цитирования: Бреслер, М. Г. Динамическая стабильность как категория диалектического взаимодействия хаоса и космоса в онтологии сетевого бытия / М. Г. Бреслер // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 114-123. – DOI 10.37482/2687-1505-V339.

Original article

Dynamic Stability as a Category of Dialectic Interaction Between Chaos and Cosmos in the Ontology of Network Existence

Mikhail G. Bresler

Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia,

e-mail: bremmaster@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6985-8919>

Abstract. The increasing information flow has led to, inter alia, the dominant role of networking in communications. Devirtualization of networking in information and physical networks has made it possible to introduce network discourse into modern philosophy. The study of writings by Laozi, Confucius and their followers demonstrates that network discourse and network thinking were developed in the philosophical works of ancient Chinese scholars as representatives of Eastern philosophical discourse. At the same time, Western philosophical discourse, which can be traced to Plato and Aristotle, rests on linear logic and linear thinking. It is only towards the end of the 20th century that the linear/network thinking opposition weakened with the recognition of network interaction, under the influence of a profound transformation during the transition to a new stage of civilization's development, that is, to the information/digital society. This can be illustrated by the evolution of the perception of the categories *chaos* and *cosmos* in Western (linear) and Eastern (network) philosophical discourse as the basis of the development of the modern representation of dynamic stability of the network interaction system. Using the information and communication method, this paper analyses Western and Eastern philosophical discourse from the Axial Age to the present day and substantiates the introduction of the category of dynamic stability. The latter stands for a dialectically connected process of creation/destruction of communications between actors of a network interaction under the influence of the dynamics of information exchange, which indicates that a network interaction system is autopoietic. Further development of the concept of dynamic stability requires creating a mathematical apparatus for calculating measures, that is, information entropy, of a dynamically stable network. These purely abstract studies are expected to be of practical importance for the development of social networks of interpersonal and intergroup communication.

Keywords: *chaos, cosmos, dynamic stability, network community, linear thinking, network thinking, Western philosophical discourse, Eastern philosophical discourse*

For citation: Bresler M.G. Dynamic Stability as a Category of Dialectic Interaction Between Chaos and Cosmos in the Ontology of Network Existence. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 114–123. DOI: 10.37482/2687-1505-V339

Введение. Онтология сетевого бытия подразумевает исследование сущностей и категорий реального, т. е. сетевого, взаимодействия акторов. Вопреки сложившейся в западном философском дискурсе традиции рассмотрения абстрактного линейного взаимодействия диад/пар субъект-объектных, субъект-субъектных, ин-

терсубъектных отношений в онтологии сетевого бытия а priori рассматриваются триады акторов в духе акторно-сетевой теории Б. Латура и др. Сохраненное в восточном философском дискурсе понимание природы как среды сетевого взаимодействия позволяет нам проследить традицию мышления, возрожденного в

настоящее время и потому актуального для осмысления бытия XXI века, характеризующегося стремительной трансформацией общества.

Методы исследования. В данной работе мы используем информационно-коммуникационный подход, который задействуется нами при рассмотрении распространения информации в коммуникационной структуре сетевой формы. Формирование информационно-коммуникационного подхода испытало значительное влияние акторно-сетевой теории (ANT) Б. Латура [1], М. Каллона [2] и др. В отличие от авторов ANT мы придерживаемся кластерной парадигмы сетевого взаимодействия, где кластеры/сообщества в социальном взаимодействии формируются под влиянием общности ценностей, идей, идеалов, на основе близости коммуникационных кодов акторов [3]. В качестве математической модели применяется модель *scalle-free* (безмасштабной) сети Барабаши–Альберта [4], т. к. в ней предусматривается структурирование акторов сетевого взаимодействия в рамках многочисленных кластеров/сообществ при наличии в периоде τ лидера кластера/сообщества [5], что подтверждается при исследовании сетевых сообществ социальных сетей программой *MegaNet*¹. В представлениях о сети мы разделяем кластерную парадигму, являющую сеть как множество взаимопроницаемых кластеров/сообществ, сформированных по признаку близости существенных идентификационных свойств.

При рассмотрении категории хаоса и космоса/порядка используется компаративистский анализ западного и восточного философских дискурсов. Необходимость применения это-

го инструмента связана с тем, что западный философский дискурс изначально линейный, тогда как восточный философский дискурс сохраняет сетевой характер восприятия бытия и времени [6].

Хаос в дискурсе западной философии.

Хаос – одно из древнейших понятий человечества, перешедших из области мифологии в философию. Мифологический образ раскрытия пучины мирового ничто ($\chi\acute{\alpha}\omicron\varsigma$ – от $\chi\acute{\alpha}\iota\nu\omega$ «разверзаюсь», букв. «разверзнутая [бездна]») и появления из этой бездны богов, которые из «элементарного, зияющего, пустого пространства создали убедительный порядок» [7] ($\kappa\acute{o}\sigma\mu\omicron\varsigma$, или *ordo*²), переходит в философское осмысление категорий «хаос/космос» в древнегреческой философии осевого времени (V–IV века до н. э.). «Темный», по мнению Аристотеля, Гераклит Эфесский выдвигает диалектическую пару мирового пожара ($\epsilon\kappa\tau\acute{\upsilon}\rho\omega\sigma\iota\varsigma$), уничтожающего космос и вновь его возрождающего. Платон в диалоге «Тимей» сводит дихотомию этих понятий к причине «двух родов: одаренные умом, которые производят прекрасное и доброе (космос), и лишённые разума, которые вызывают все случайное и беспорядочное (хаос)» [8]. Как видим, Платон «также поднимает формообразующий принцип трансформации – от хаоса к космосу – к абсолюту» [9]. Бог-демиург для осуществления идеи высшего совершенства поддерживает первое – космос – и упорядочивает второе – хаос. Как отмечает А. Кулик, «Платон противопоставляет современное ему состояние мира и хаос» [10]. Дальнейшее раз-

¹ Начиная с 2012 года мы использовали версии этой программы для выявления структуры коммуникаций сетевых сообществ. В 2023 году данная программа для ЭВМ была обновлена и зарегистрирована. Описание программы размещено в открытом доступе, а исследования 2012–2022 годов задействованы в значительном количестве наших публикаций. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023665867 Российская Федерация. *Pars* программа *Meganet* для реализации кластерно-сетевого анализа структуры социальных сетей коммуникации поколения *z*: № 2023663640: заявл. 29.06.2023; опубл. 20.07.2023 / М.Г. Бреслер, Н.И. Теренин, В.Е. Семенов, З.Р. Хасанова, С.Д. Галиуллина; заявитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский государственный нефтяной технический университет».

² В современной литературе принято обозначать антитезу хаоса латинским термином *ordo* («порядок») при сохранении употребления древнегреческого $\kappa\acute{o}\sigma\mu\omicron\varsigma$.

витие идей хаоса в западной философии придает понятию резко негативную коннотацию. А.Ф. Лосев подчеркивает, что «у Овидия хаос прямо отождествляется с айдом/адам. У Сенеки хаос – общемировая бездна, в которой все разрушается и тонет»³.

Эволюция понятия «хаос» в западной философии подробно рассмотрена А.В. Волошиновым – от античного периода, когда восприятие хаоса трансформируется от первородного беспорядка к средоточию зла, до XVIII–XIX веков, когда хаос – символ неограниченной свободы [11]. В XX веке понятие «хаос» становится привлекательным, дающим возможность развития и созидания нового из «обломков старого мира» [12, 13]. «Благодаря непосредственным цивилизационным вызовам сложности» [14] человеческого общества возникает отдельная область знания – «синергетика» [15]. Согласно синергетической концепции, как отмечает М. Фейгенбаум, в связи с турбулентностью малого числа сходных элементов – мод [16] – формируются точки бифуркации, «критические пороговые точки, в которых система обретает неустойчивое поведение и способность эволюционирования по разным векторам, в т. ч. в состояние, характеризующееся с “прошлой” точки зрения как “невозможное”» [17]. Подчеркнем, что понятие «случайность» в акте флуктуации применяется тогда, когда не выявлена цепь закономерностей и не определена вероятность возникновения самого акта. Линейная парадигма синергетики не позволяет обнаружить это, в связи с чем мы обращаемся к сетевой парадигме, зарождение которой наблюдаем в восточной философии.

Хаос в дискурсе восточной философии. Рассмотрение хаоса в восточной философии существенно отличается от рассмотрения данной категории в философии западной⁴. По нашему мнению, это связано с тем, что западная философия изначально строилась по большей части на исследовании линейных взаимодействий, тогда как восточная философия – на исследовании сетевых [18]. Из размышлений над «Книгой перемен» философы Китая вывели основные онтологические категории, в т. ч. и категорию хаоса. В китайской философской традиции хаос (混 hùn) описывается в позитивной коннотации, как часть космогенеза, процесса трансформации (化 huà) исходного единства, изначального состояния процесса превращения вещей [19]. Здесь хаос (混 hùn) противопоставляется беспорядку (亂 luàn)⁵. В то же время «хаос означает смешение всех вещей, еще не отделившихся друг от друга» [20, с. 324]. Или, как пишет Чжуан-цзы: «Идя друг за другом, они обретают свой принцип. Вращаясь по кругу, они порождают друг друга» [21, с. 261]. Феномен превращения вещей как результат постоянного процесса «уйдзи/тайдзи» – центрального в классической философии Китая – получил свое дальнейшее развитие в XI–XII веках в работе Чжоу Дунь И «Разъяснение изображения Великого передела» («Тайцзи ту шо» – 《太极图说》⁶ в редакции Чжу Си. Наше внимание привлекает центральный фрагмент рисунка, где связи 5 первооснов (у-чан) представлены в виде сетевого взаимодействия [22]. Отметим, что в восточной философии уйдзи и тайдзи (無極而太極) рассматриваются разнообразно, занимая место, аналогичное категории «хаос» в западной философии [23].

³Лосев А.Ф. Хаос // Мифы народов мира: энцикл. М.: Совет. энцикл., 1980. Т. 2. С. 579–581.

⁴В данном случае мы достаточно условно разделяем философию Древней Греции и Древнего Китая начиная примерно с V века до н. э.

⁵В.В. В.В. Климович выявил, что «различные философы отдают предпочтение различным способам иероглифической записи понятия “хаос”: 混 (hùn) – “Дао дэ цзин”, Вэнь-цзы, Хуайнань-цзы, а также в Гоцзяньских рукописях; 渾 (hún) – “Вэнь-цзы”, “Хуайнань-цзы”; 渾沌 (húndùn) – “Чжуан-цзы”; 渾淪 (húnlún) — “Ле-цзы”».

⁶Кобзев А.И. Духовная культура Китая: энцикл.: в 5 т. Т. 1. Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. М.: Вост. лит., 2006. С. 678–579.

Возрождение сетевого мышления в современной философской мысли мы находим в развитии идей единства и взаимодействия уйдзи/тайдзи. В этико-эстетической парадигме «хаосмоса» Ф. Гваттари видит «слияние сверхсложности с высшей степенью отказа от сложности» [24, с. 246]. Г. Геноско подчеркивает, что в понимании Ф. Гваттари хаос и космос находятся в постоянном взаимодействии, упорядоченное постоянно подвергается флюктуации, в чем «ключ... к творческой эволюции, [где] сложность обогащается, погружаясь обратно в хаос, в то время как хаос мечтает о своем будущем в сложности» [25, р. 44]. Специалисты квантовой физики приходят к сходным умозаключениям. Ли Смолин отмечает следующее: «События инициируются сочетанием двух и более причинных процессов. Они создают вещь, сочетая кванты энергии – импульса, которые затем используются в новых причинных процессах, инициируя будущее событие» [26, р. 247].

Динамическая стабильность системы сетевого взаимодействия. Применяя информационно-коммуникационный подход к внешнему наблюдению за кластером акторов, мы видим, что сетевое взаимодействие воспринимается как множество линейных интеракций, проходящих с целью адаптации системы в целом или неких ее частей к внешним и внутренним изменениям.

Если рассматривать процесс как линейный, это в итоге приводит к «климаксу экосистемы», т. е. конечному состоянию, при котором разнонаправленные процессы взаимодействия приходят в состояние взаимного уравновешивания, гомеостаза, что в классическом, т. е. линейном, понимании системного взаимодействия «ведет к смерти» системы [27, с. 182]. Однако сетевое взаимодействие иное. Между процессами восприятия информации и создания коммуникаций существует диалектическое противоречие. С одной стороны, информация воспринимается как таковая, если содержит новизну, различие, отличие от уже известной [28, с. 36; 29, с. 339], с другой стороны, восприятие такой информации требует усилий для декодирования,

что усложняет процесс создания коммуникаций. При линейной коммуникации мы могли бы наблюдать нарастание энтропии, но при сетевой форме взаимодействия информацию можно получить при коммуникации с актором, чьи коммуникационные коды близки получателю, а сама форма информации содержит сходные с получателем ценности, идеи, идеалы. Иначе говоря, восприятие информации как таковой зависит от ее отличия от уже известной, но в то же время близость ценностей, сходство с принимаемым ранее способствуют созданию множественных коммуникаций, кластеризации акторов, повышают вероятность ее восприятия. Сетевое сообщество, отграниченное по аксиальному признаку, повышает самоконтроль и самоорганизацию системы [30]. При формировании сетевого кластера происходят уменьшение доли рассеяния информации, снижение энтропии внутри кластера и рост энтропии в связи с отграничением от иной информации вне данного кластера, которая с большой долей вероятности будет воспринята иным кластером.

Сложности осознания динамической стабильности лежат в двухмерной проекции реальных процессов. Двухмерная плоскость – абстракция. В реальном пространстве практически не существует объектов в двух измерениях. Они всегда как минимум трехмерны, если не принимать во внимание четвертое измерение – время. Система всегда подвержена изменениям, стазис возможен либо в проекции на двухмерное пространство объектов, либо в некоей абстрактной сфере, где заранее исключены все процессы и объекты, влияющие на антагонистическую и равную по всем показателям пару. Любая часть бытия динамична и подвержена постоянному взаимодействию акторов. Воздействие третьего влияет на дуальную систему, придавая ей неравновесность, неопределенность и вероятность построения структуры коммуникаций. Присоединение третьего и следующих акторов способствует переходу линейной формы взаимодействия в сетевую [31]. Сетевая форма взаимодействия лежит в основе динамической стабильности.

Вводя категорию «динамическая стабильность», мы предлагаем модель системы, которая существует при условии стабильной динамики информационного обмена между акторами системы. Динамическая стабильность есть относительное равновесие процессов хаоса и космоса при сетевом взаимодействии относительно равной интенсивности процессов разрушения/созидания, в случае информационной системы – разрушения/созидания коммуникаций между акторами. Снижение динамики информационного обмена, превалирование процессов разрушения коммуникаций ведут к распаду сетевого сообщества и/или к стазису системы сетевого взаимодействия в целом. В условиях динамической стабильности сетевого взаимодействия сообщества/кластера происходит гармонизация соотношения страт, генерирующих, распространяющих и воспринимающих информацию в сетевом сообществе. Соотношение страт становится близким к распределению В. Парето⁷. Усиление динамики информационного обмена приводит к повышению доли генерирующих и распространяющих информацию акторов, соответственно, снижается доля воспринимающих информацию акторов, что влечет за собой нарастание информационной энтропии и снижение эффективности распространения информации. Приток воспринимающих информацию акторов, рост сети ведут к усложнению системы и снижению энтропии [31].

Заключение. Категории «хаос» и «космос», антагонистические в линейном – западном – философском дискурсе, предстают как диалектически взаимосвязанные процессы в восточном философском дискурсе, которому изначально свойственна сетевая логика. Именно в этом, по нашему мнению, причина отсут-

ствия негативной коннотации в восприятии категории «хаос» в древней китайской философии. Воспринимая бытие как «мир взаимопревращающихся вещей», т. е. в его сетевой природе, восточный философский дискурс выделяет хаос как единомоментный *ad hoc* процесс разрушения, диалектически переходящий в процесс созидания.

Возрождение сетевого мышления в современном западном философском дискурсе позволяет перейти с макроуровня осмысления динамических процессов на миддл-уровень взаимодействия сетевых сообществ и микроуровень сетевого взаимодействия акторов. Анализ сетевого взаимодействия акторов дает возможность рассматривать процессы хаоса и космоса в диалектическом единстве, ввести категорию «динамическая стабильность» создания/разрушения коммуникаций в ограниченном сетевом сообществе, множество которых и образуют сеть.

Система сетевого взаимодействия существует при устойчивой динамике информационного обмена. При резком снижении информационного потока система переходит в стазис и распадается, при резком увеличении – инкапсулируется с ростом внутренней информационной энтропии, что также ведет к дальнейшему распаду сети. Динамическая стабильность сети – самовоспроизводящийся, аутопойетический процесс, он может быть управляемым как извне, так и изнутри сетевого сообщества, процессы в котором происходят на основе законов сети.

Для представителя классической западной философии, привыкшего к линейному мышлению, фраза Л. Кэролла «Нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать

⁷В сформированном сетевом сообществе страты пассивно воспринимающих информацию узлов с минимальным числом связей стремятся к большинству и насчитывают около 80 %. Соответственно, страты активно генерирующих и распространяющих информацию – это меньшинство участников сообщества, около 20 %. Из них генерирующие информацию составляют меньшинство меньшинства – около 4 %, а распространяющие информацию – большинство меньшинства, около 16 %. Эти данные подтверждены эмпирическим путем при кластерно-сетевом анализе более чем 500 сетевых сообществ.

как минимум вдвое быстрее!»⁸ кажется парадоксальной. Человеку, сформированному в условиях линейной логики, психологически сложно представить сетевое взаимодействие в его динамике. Тем более сложно осознать динамическую стабильность. Развитие сетевого мышления обусловлено самой трансформацией формы коммуникаций. Воспринимаемая при внешнем наблюдении как хаос динамика информационного обмена позволяет поддерживать сеть коммуникаций в целом в динамическом состоянии, и, напротив, снижение либо прекращение взаимодействия акторов приводит не к упоря-

доченности, но к стазису, ослаблению и разрыву коммуникаций.

Данное исследование представляет собой философское эссе с обзором и анализом классической и современной философии как западной, так и восточной парадигмы. Мы понимаем, что для полного обоснования введения новой категории «динамическая стабильность» необходима математическая модель процессов сетевого взаимодействия, а также математический аппарат расчета энтропии в условиях сетевого взаимодействия. Эти работы проводятся нами в настоящее время, и результаты будут представлены в ближайшем будущем.

Список литературы

1. Latour B. On Actor-Network Theory: A Few Clarifications // *Soziale Welt*. 1996. Vol. 47, № 4. P. 369–381. URL: <http://www.jstor.org/stable/40878163> (дата обращения: 20.03.2023).
2. Callon M., Latour B. Don't Throw the Baby Out with the Bath School! A Reply to Collins and Yearley / ed. by A. Pickering // *Science as Practice and Culture*. Chicago: Univ. Chicago Press, 1992. P. 343–368. URL: www.bruno-latour.fr/sites/default/files/49-CHICKEN-PICKERING-GB.pdf (дата обращения: 20.03.2023).
3. Бреслер М.Г. Аксиальный фактор в социальных процессах информационного общества: философский анализ // *Экономика и управление: науч.-практ. журн.* 2017. № 2(136). С. 105–109.
4. Albert R., Barabási A.-L. Statistical Mechanics of Complex Networks // *Rev. Mod. Phys.* 2002. Vol. 74, № 1. Art. № 47. <https://doi.org/10.1103/RevModPhys.74.47>
5. Hassan K., Islam L., Haque S.A. Degree Distribution, Rank-Size Distribution, and Leadership Persistence in Mediation-Driven Attachment Networks // *Physica A Stat. Mech. Appl.* 2017. Vol. 469. P. 23–30. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2016.11.001>
6. Колесова Л.А. Золотая утопия. М., 2013. 571 с. URL: <https://spkurdyumov.ru/future/zolotaya-utopiya> (дата обращения: 10.09.2023).
7. Danzer G. Chaos, Kosmos und der Versuch der großen Ordnung // *Danzer G. Tief ist der Brunnen der Vergangenheit*. Wiesbaden: Springer, 2022. S. 125–132. https://doi.org/10.1007/978-3-658-36927-9_9
8. Платон. Тимей / пер. С.С. Аверинцева // *Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. С. 421–500.*
9. Stelzer P. Chaos und Ordnung: Poetik und Politik der Elemente // *Stelzer P. Anfänge der Globalisierung*. Leiden: Brill Fink, 2022. S. 39–62. https://doi.org/10.30965/9783846767320_004
10. Кулик А.В. Представления Платона о хаосе // *Уч. зап. Тавр. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер.: Филология. Культурология. Политология. Социология.* 2013. Т. 26(65), № 4. С. 119–126.
11. Волошинов А.В., Таболякова Ю.В. Хаос древний и современный // *Человек.* 2018. № 4. С. 49–65. <https://doi.org/10.31857/S023620070000318-6>

⁸Кэрролл Л. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье: сб. / пер. А. Рождественской, пер. стихов А. Френкеля, П. Соловьевой. М.: ЭКСМО, 2016. URL: <https://www.litres.ru/book/luis-kerroll/alisa-v-strane-chudes-alisa-v-zazerkale-17202192/chitat-onlayn/> (дата обращения: 09.04.2024).

12. *Akyıldız Y.* The Philosophy of Chaos in Cinema: An Analysis on the Movie *Mr. Nobody* // *SineFilozofi*. 2023. Vol. 8, № 15. P. 152–181. <https://doi.org/10.31122/sinefilozofi.1233999>
13. *Митрошенков О.А.* Теория управляемого хаоса: использовать себе во благо // *Власть*. 2017. Т. 25, № 8. С. 64–73.
14. *Буданов В.Г.* Синергетическая парадигма и ее творцы // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2018. № 3. С. 56–72. https://doi.org/10.12737/article_5c063435bc0800.62284481
15. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / пер. с англ. Ю.А. Данилова; общ. ред. и послесл. В.И. Аршинова и др. М.: Прогресс, 1986. 431 с.
16. *Фейгенбаум М.* Универсальность в поведении нелинейных систем // *Успехи физ. наук*. 1983. Т. 141, № 2. С. 343–374. <https://doi.org/10.3367/UFNr.0141.198310e.0343>
17. *Ланицикова Г.А., Позднякова Т.Ю., Амиржанова А.Ш.* Синергетические основы самоорганизации материальной системы «хаос-порядок» в цифральном самообразовании // *Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. Гуманит. исслед.* 2020. № 3(28). С. 15–20. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2020-28-15-20>
18. *Бреслер М.Г., Демичев И.В.* Сетевой дискурс западной и восточной философии // *Виртуал. коммуникация и соц. сети*. 2023. Т. 2, № 4(8). С. 264–274. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-4-264-274>
19. *Ицзин.* Книга перемен / пер., вступ. ст., примеч. Ю.К. Шуцкого. М.: Азбука-Аттикус, 2019. 576 с.
20. *Климович В.В.* Репрезентация концепции хаоса в ранних даосских текстах // *Вестн. Беларус. дзяржаўнага ўн-та культуры і мастацтваў*. 2019. № 4(34). С. 42–48.
21. *Чжуан-цзы.* Ле-цзы / пер., вступ. ст. и примеч. В.В. Малявина. М.: Азбука-Аттикус, 2021. 440 с.
22. 儒藏精华·论藏. 第二十种, 册一百二十八. 《太极图说》附《通书》 [Суть конфуцианства на Тибете. Т. 128, № 20. «Тай Чи Ту Шу» с «Тун Шу»]. URL: https://chinakongzi.org/zx/201711/t20171120_147585.htm (дата обращения: 20.03.2024).
23. 张祥龙 周敦颐的《太极图说》与《易》象数 [Чжан Сянлун. «Тай Чи Ту Шу» Чжоу Дунь И и связь с «Ицзин – Книгой перемен»]. URL: <https://www.rujiagz.com/article/5580> (дата обращения: 20.03.2024).
24. *Дьяков А.В.* Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. 246 с.
25. *Genosko G.* Félix Guattari, Zen and Chaosmosis // *China Media Res*. 2021. Vol. 17, № 3. P. 41–54.
26. *Smolin L.* Views, Variety, and Celestial Spheres / ed. by R. Lestienne, P.A. Harris // *Time and Science*. Vol. 3. Physical Sciences and Cosmology. London: World Scient. Pub., 2023. P. 239–268. https://doi.org/10.1142/9781800613775_0009
27. *Хуэй Юк.* Рекурсивность и контингентность / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: V-A-C Press, 2020. 400 с.
28. *Луман Н.* Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
29. *Бейтсон Г.* Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / пер. с англ. Д.Я. Федотова, М.П. Папуша. М.: Смысл, 2000. 476 с.
30. *Chang Y.F.* Development of Entropy Change in Philosophy of Science // *Philos. Study*. 2020. Vol. 10, № 9. P. 517–524. <https://doi.org/10.17265/2159-5313/2020.09.001>
31. *Бреслер М.Г.* Тезисы сетевой логики // *Аналитическая философия: траектории истории и векторы развития: сб. науч. тр. Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию науч. руководителя Ин-та философии и права СО РАН В.В. Целищева, Новосибир. Академгородок, 25–26 февр. 2022 г.* Новосибирск: Офсет ТМ, 2022. С. 9–16. <https://doi.org/10.47850/S.2022.1.2>

References

1. Latour B. On Actor-Network Theory: A Few Clarifications. *Soziale Welt*, 1996, vol. 47, no. 4, pp. 369–381. Available at: <http://www.jstor.org/stable/40878163> (accessed: 20 March 2023).
2. Callon M., Latour B. Don't Throw the Baby Out with the Bath School! A Reply to Collins and Yearley. Pickering A. (ed.). *Science as Practice and Culture*. Chicago, 1992, pp. 343–368. Available at: www.bruno-latour.fr/sites/default/files/49-CHICKEN-PICKERING-GB.pdf (accessed: 20 March 2023).

3. Bresler M.G. Aksial'nyy faktor v sotsial'nykh protsessakh informatsionnogo obshchestva: filosofskiy analiz [Axial Factor in the Social Processes of the Information Society: A Philosophical Analysis]. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskiy zhurnal*, 2017, no. 2, pp. 105–109.
4. Albert R., Barabási A.-L. Statistical Mechanics of Complex Networks. *Rev. Mod. Phys.*, 2002, vol. 74, no. 1. Art. no. 47. <https://doi.org/10.1103/RevModPhys.74.47>
5. Hassan K., Islam L., Haque S.A. Degree Distribution, Rank-Size Distribution, and Leadership Persistence in Mediation-Driven Attachment Networks. *Physica A Stat. Mech. Appl.*, 2017, vol. 469, pp. 23–30. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2016.11.001>
6. Kolesova L.A. *Zolotaya utopiya* [Golden Utopia]. Moscow, 2013. 571 p. Available at: <https://spkurdyumov.ru/future/zolotaya-utopiya> (accessed: 10 September 2023).
7. Danzer G. Chaos, Kosmos und der Versuch der großen Ordnung. Danzer G. *Tief ist der Brunnen der Vergangenheit: Mythos, Logos und Person*. Wiesbaden, 2022, pp. 125–132. https://doi.org/10.1007/978-3-658-36927-9_9
8. Plato. Timey [Timaeus]. Losev A.F., Asmus V.F., Takho-Godi A.A. (eds.). *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow, 1994. Vol. 3, pp. 421–500.
9. Stelzer P. Chaos und Ordnung: Poetik und Politik der Elemente. Stelzer P. *Anfänge der Globalisierung*. Leiden, 2022, pp. 39–62. https://doi.org/10.30965/9783846767320_004
10. Kulik A.V. Plato's Thoughts Concerning Chaos. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser.: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sotsiologiya*, 2013, vol. 26, no. 4, pp. 119–126 (in Russ.).
11. Voloshinov A., Tabojakova Y. Chaos Ancient and Modern. *Chelovek*, 2018, no. 4, pp. 49–65 (in Russ.). <https://doi.org/10.31857/S023620070000318-6>
12. Akyıldız Y. The Philosophy of Chaos in Cinema: An Analysis on the Movie *Mr. Nobody*. *SineFilozofi*, 2023, vol. 8, no. 15, pp. 152–181. <https://doi.org/10.31122/sinefilozofi.1233999>
13. Mitroshenkov O.A. Teoriya upravlyaemogo khaosa: ispol'zovat' sebe vo blago [Theory of Controlled Chaos: Use for Your Advantages]. *Vlast'*, 2017, vol. 25, no. 8, pp. 64–73.
14. Budanov V. Synergetic Paradigm and Its Creators. *Complex. Mind Postnonclassic*, 2018. no. 3, pp. 56–72 (in Russ.). https://doi.org/10.12737/article_5c063435bc0800.62284481
15. Prigogine I., Stengers I. *Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*. London, 1984. 349 p. (Russ. ed.: Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa. Novyy dialog cheloveka s prirodoy*. Moscow, 1986. 431 p.).
16. Feigenbaum M. Universal'nost' v povedenii nelineynykh sistem [Universal Behaviour in Nonlinear Systems]. *Uspekhi fizicheskikh nauk*, 1983, vol. 141, no. 2, pp. 343–374. <https://doi.org/10.3367/UFNr.0141.198310e.0343>
17. Lanshchikova G.A., Pozdnyakova T.Yu., Amirzhanova A.Sh. Sinergeticheskie osnovy samoorganizatsii material'noy sistemy "khaos-poryadok" v digital'nom samoobrazovanii [Synergetic Bases of Self-Organization of the "Chaos-Order" Material System in Digital Formation]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 2020, no. 3, pp. 15–20. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2020-28-15-20>
18. Bresler M.G., Demichev I.V. Network Discourse of Western and Eastern Philosophy. *Virtual Commun. Soc. Netw.*, 2023, vol. 2, no. 4, pp. 264–274 (in Russ.). <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-4-264-274>
19. *Itszin. Kniga peremen* [I Ching. Book of Changes]. Moscow, 2019.
20. Klimovich V. Representation of the Concept of Chaos in Early Taoist Texts. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhavnaga wniversitjeta kul'tury i mastactvaw*, 2019, no. 4, pp. 42–48 (in Russ.).
21. *Zhuangzi. Liezi*. Moscow, 2021. 440 p. (in Russ.).
22. *The Essence of Confucianism in Tibet. Vol. 128, no. 20. "Taiji Tu Shuo" and "Tong Shu"*. Available at: https://chinakongzi.org/zx/201711/t20171120_147585.htm (accessed: 20 March 2024) (in Chin.).
23. Zhang Xianglong, Zhou Dunyi's "Taiji Tu Shuo" and Its Connection with "I Ching" (*Book of Changes*). Available at: <https://www.rujiangz.com/article/5580> (accessed: 20 March 2024) (in Chin.).
24. D'yakov A.V. *Feliks Gvattari: Shizoanaliz i proizvodstvo sub"ektivnosti* [Félix Guattari: Schizoanalysis and the Production of Subjectivity]. Kursk, 2006. 246 p.
25. Genosko G. Félix Guattari, Zen and Chaosmosis. *China Media Res.*, 2021, vol. 17, no. 3, pp. 41–54.

26. Smolin L. Views, Variety, and Celestial Spheres. Lestienne R., Harris P.A. (eds.). *Time and Science. Vol. 3. Physical Sciences and Cosmology*. London, 2023, pp. 239–268. https://doi.org/10.1142/9781800613775_0009
27. Hui Y. *Recursivity and Contingency*. London, 2019. 337 p. (Russ. ed.: Khuey Yuk. *Rekursivnost' i kontingentnost'*. Moscow, 2020. 400 p.).
28. Luhmann N. *Die Realitat der Massenmedien*. Wiesbaden, 2004. 220 p. (Russ. ed.: Luman N. *Real'nost' massmedia*. Moscow, 2005. 256 p.).
29. Bateson G. *Steps to an Ecology of Mind*. New York, 1972. 545 p. (Russ. ed.: Beytson G. *Ekologiya razuma. Izbrannye stat'i po antropologii, psikiatrii i epistemeologii*. Moscow, 2000. 476 p.).
30. Chang Y.-F. Development of Entropy Change in Philosophy of Science. *Philos. Study*, 2020, vol. 10, no. 9, pp. 517–524. <https://doi.org/10.17265/2159-5313/2020.09.001>
31. Bresler M.G. Tezisy setevoy logiki [Theses of Network Logic]. *Analiticheskaya filosofiya: traektorii istorii i vektory razvitiya* [Analytical Philosophy: Trajectories of History and Vectors of Development]. Novosibirsk, 2022, pp. 9–16. <https://doi.org/10.47850/S.2022.1.2>

Информация об авторе

М.Г. Бреслер – кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета, руководитель Междисциплинарной цифровой лаборатории конструирования будущего «Digital Future» (адрес: 450078, г. Уфа, ул. Чернышевского, д. 145).

Information about the author

Mikhail G. Bresler, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Department of International Relations, History and Oriental Studies, Ufa State Petroleum Technological University, Head of the Interdisciplinary Digital Laboratory of Future Construction “Digital Future” (address: ul. Chernyshevskogo 145, Ufa, 450078, Russia).

Поступила в редакцию 16.10.2023
Одобрена после рецензирования 15.01.2024
Принята к публикации 19.01.2024

Submitted 16 October 2023
Approved after reviewing 15 January 2024
Accepted for publication 19 January 2024

Петев Н.И.

Игровой аспект мифологии: элемент переодевания и специфика одежды

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 2. С. 124–134.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 124–134.

Научная статья

УДК 165.9:7.046.1

DOI: 10.37482/2687-1505-V340

Игровой аспект мифологии: элемент переодевания и специфика одежды

Николай Иванович Петев

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия,

e-mail: cyanideemo@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8711-4400>

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу и сравнению двух связанных между собой феноменов – игры и мифологии – в контексте использования специальной одежды для реализации деятельности. Особое внимание было уделено практической стороне мифологии, а именно аспекту ее реализации в рамках ритуалов и иных религиозных практик. Рассмотрено переодевание (особая роль костюма и иных атрибутов) как процедура, характерная и для процесса игры, и для религиозного действия. В результате исследования автор приходит к следующим выводам. Во-первых, для игрового процесса характерно стремление к показательному, а для религиозной практики – к созданию тайны. Во-вторых, игре свойственны корректировка и опора на современность и моду, что не специфично для мифологии. В-третьих, одежда в культовой практике презентует абсолютное, в то время как в игре является атрибутом конкретного. В-четвертых, момент «иллюзорного» в игровом процессе указывает на отсутствие реального присутствия, а в религиозной практике – на действительное наличие «иног». В-пятых, процесс «узнавания» различен в рамках игры и ритуальных действий: продуктом первой выступает образ реального, однако для религиозной практики, в т. ч. в рамках ношения специальной одежды, характерна презентация реального присутствия (наличия). В-шестых, яркость, презентабельность и экзотизм представляют собой важные компоненты успешного игрового процесса, но в культовой практике наблюдается обратная ситуация. В-седьмых, «спецодежда» в игре и в рамках мифологии имеет различную социально-функциональную маркировку.

Ключевые слова: мифология, игра, религиозная практика, ритуальные действия, шаманизм, переодевание, отчуждение

Для цитирования: Петев, Н. И. Игровой аспект мифологии: элемент переодевания и специфика одежды / Н. И. Петев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 124-134. DOI 10.37482/2687-1505-V340.

Original article

The Game/Play Aspect of Mythology: Dressing Up and the Specifics of Clothing

Nikolay I. Petev

Vladimir State University, Vladimir, Russia,

e-mail: cyanideemo@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8711-4400>

Abstract. This article analyses and compares two related phenomena, namely, game/play and mythology in the aspect of using special clothing in corresponding activities. Special attention is paid to the practical side of mythology, i.e. its implementation within the framework of rituals and other religious practices. In this paper, dressing up (special role of costume and other attributes) is considered as a procedure characteristic of both game/play and religious action. As a result, the author comes to the following conclusions. Firstly, the game/play process seeks the demonstrative, while religious practice, to create mystery. Secondly, game/play adjusts for and relies on modernity and fashion, which is not typical of mythology. Thirdly, in cult practice, clothing presents the absolute, while in the game/play it is an attribute of the concrete. Fourthly, the aspect of the “illusory” in the game/play indicates the absence of a real presence, while in religious practice it indicates the actual presence of the Other. Fifthly, the process of recognition is different in the game/play and ritual actions: the product of the former is an image of the real, while religious practice, including when wearing special clothes, is characterized by the presentation of the real presence (existence). Sixthly, brightness, presentability and exoticism are important components of a successful game/play process, while for cult practice the opposite is true. Seventhly, special clothes in the game/play and in mythology have different sociofunctional marking.

Keywords: *mythology, game/play, religious practice, ritual actions, shamanism, dressing up, alienation*

For citation: Petev N.I. The Game/Play Aspect of Mythology: Dressing Up and the Specifics of Clothing. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 124–134. DOI: 10.37482/2687-1505-V340

Введение. Актуальность данной работы заключается в том, что она может быть полезной и применимой в исследованиях по двум направлениям. Во-первых, при изучении так называемого Modern Myth (современного мифа), в частности сопряженного с культурно-массовыми феноменами. Сюда можно отнести такие мифологические вселенные, как «Star Wars», «Warhammer 40.000», «Harry Potter» (а также Вселенная Дж.К. Роулинг), «The Lord of the Rings» (а также Вселенная Дж.Р.Р. Толкина) и т. д. Они не только постоянно развиваются и обновляются – их влияние привело к созданию различных конвенций (Comic Con и Epic Con), клубов, косбендов, а также к появлению такого культурного феномена, как косплей. Во-вторых, настоящее исследование может быть применимо при анализе новых культов и организаций, в т. ч. при рассмотрении культовых действий.

Новизна данной работы заключается в строгой демаркации внутреннего содержания переодевания в культе и игре в социальном, экзистенциальном, культурном и прочих аспектах. Кроме того, автор раскрывает функции «священных» и «игровых» одеяний.

В настоящей статье были использованы классические работы Й. Хёйзинги и Р. Кайуа по исследуемой тематике. Модель *homo ludens* популярна и в настоящее время – ее синтезируют в единую систему с *homo faber* и *homo religiosus* [1]. Одни исследователи рассматривают модель *homo ludens* в парадигме социально-экономического перехода к *homo o Economicus* [2], другие определяют *homo ludens* как одно из 4-х состояний общественного развития человечества [3]. Существуют работы, раскрывающие концепции Й. Хёйзинги как фундамент методологии научного исследования [4]. Стоит указать труд Х. Ранера, в котором автор стремится снять изолированность игры, а ее истоки видит в сфере религиозного [5]. Также можно отметить попытку М. Сикарта морализировать игру [6]. Кроме того, стоит упомянуть следующих исследователей игры: О. Финк, Б. Саттон-Смит, Т.С. Хенрикс и т. д.

Цель данной работы – раскрыть соотношения внутреннего содержания игрового процесса и ритуальных действий в аспекте практики переодевания. Основными задачами при этом выступают анализ и выявление тождественных

и лишь аналогичных компонентов религиозной практики и игрового процесса в аспекте ношения специальной одежды.

В настоящей статье используется комплекс методов. Метод анализа позволяет подробно исследовать феномены игры и мифологии как изолированных систем. Метод сравнения в совокупности с анализом раскрывает соотношение игровой и ритуальной деятельности, выявляя аналогичные и диаметрально противоположные черты. Диалектический метод помогает вскрыть внутренние противоречия изучаемых феноменов, в частности соотношение внутреннего содержания и внешнего позиционирования игры. Религиоведческий подход позволяет избежать теологических крайностей и рассматривать религию как социальное явление, что необходимо для сравнения игрового и ритуального процессов. Психологический подход задействован в анализе степени вживаемости, а также в исследовании иных ментальных процессов в парадигме использования специальной одежды в игре и религии.

Массовость, мода и внутреннее содержание. Важным аспектом сходства игры и мифологии, в частности в форме их практической реализации, выступает феномен ношения специальной одежды и различного рода идеи трансформации¹. Для обоих явлений требуется некая профессиональная «спецовка», по которой можно определить род деятельности человека, его «роль» (как экзистенциальную, так

и сценическую), особенности аутентичности и т. д. Игра – это процесс, при котором тайна выставляется напоказ и растрачивается [10, с. 39; 11, с. 44]. Для любого сакрального феномена массовость носит губительный характер, т. к. разлагает его внутреннее содержание, делая обыденным. Именно поэтому архаические народы стремились произвести демаркацию сакрального и профанного. Для того чтобы девальвировать аксиологическое содержание какого-то феномена, не обязательно выступать против него, стремясь тем самым развенчать. Для получения вышеуказанного результата будет достаточно сделать его банальным, повседневным и массовым (имеющим множество доступных для всех дубликатов)².

Играющий, в частности актер, связан с таким феноменом, как мода. Костюм актера ситуативен, ведь его субстрат предполагает актуализацию только при определенных условиях (например, на сцене). Актер в повседневной жизни является компонентом массовой культуры, которая делает его иконой стиля, моды, успеха и т. д. Он окружен символами социального изобилия³. Ж. Бодрийяр указывал, что мода представляет собой потерю всякой референции, возможность безграничных подстановок и область «легких» знаков [13, с. 169]. Иные сферы, с «тяжеловесным» значением (мораль, религия, культура и т. д.), не могут позволить себе аналогичную свободу и фривольность.

¹Это не только ментальные трансформации, но и физические. Ярким примером могут служить индейцы Мезоамерики, которые искусственно деформировали череп [7, с. 29, 109–100; 8, с. 167–168, 204–204]. Также существовала тенденция сведения двух форм сакральности к общей и единой [9, с. 204], иногда кардинальными методами [9, с. 73, 77–78]. Подобные трансформации связаны с процессом посвящения и имеют религиозное обоснование в андрогинной природе высшего божества или группы богов.

²Современная искусственная мифология (концепция или комплекс идей, не имеющих собственно мифологического содержания, но заимствующих элементы традиционного мифа; мифология имеет конкретного производителя, но в дальнейшем развивается автономно; пустая структура позволяет изменять содержание, а цель имеет прагматический характер) часто пользуется этим приемом для интегрирования в сознание индивидов определенных идей. Данный способ эффективен, незаметен (сохраняет видимость свободы воли) и анонимен (таким образом достигается более интенсивное и глубокое принятие внедряемого внешнего спекулятивного содержания).

³Существует иная мифологизация образа актера, в которой «сцена» связана с материальным, плотским, грубым, а фотография актера создает образ божественного существа [12, с. 85–88]. В данном случае интегрируется реверсивный искусственный социальный миф, где повседневность рассматривается как нечто идеальное.

Совершенно иное положение вещей наблюдается в сфере мифологии и ритуальных действий. Универсализм знаков и символов фундирован не свободной подстановкой, а онтологической (космогонической) спецификой. Актер может играть не одну роль, носить не один костюм. Наличествует дискретность феномена игры. Подобное положение вещей презентует казуальную и ситуативную актуализацию индивидуализаций (моментов) в противовес ритуально-мифологической единственности и постоянности. Одежда является выражением данной тенденции. Кроме того, ритуальная одежда, например шамана, – это своеобразная «плоть», или «телесность», которая указывает на его сущность и статус⁴.

Ж. Бодрийяр подчеркивал, что, несмотря на сходство моды и ритуала, у них нет ничего общего, т. к. в ритуале нет эквивалента/чередования нового и старого, систем различительных оппозиций и т. д. [13, с. 174]. Динамика мира ставит перед феноменом игры задачу адаптации под современные требования играющего и наблюдающего. Играющему не обязательно иметь точно реконструированное облачение. Покрой, материалы, да и сама конфигурация одежды могут быть лишь аналогичны требуемым. Кроме того, можно наблюдать контаминацию современной методики игры и произведений прошлого (классики), и подобное несоответствие сразу становится явным. Религиозная традиция имеет хоть и относительно динамичный, но консервативный канон. Это касается не только ритуальных действий, но и одежды⁵. Однако это говорит

не о том, что производство будет осуществляться в соответствии со старыми технологиями, а лишь о том, что все нормы с целью сохранения установленной смысловой нагрузки наряда будут соблюдены.

Переодевание и одежда играют важную роль как в игре, так и в ритуальном действии. Но этот элемент внешней презентации имеет различную смысловую нагрузку. Например, в шаманизме считается, что одежда шамана представляет собой иерофанию и религиозную космографию [15, с. 144]. Она – духовный микрокосм, качественно отличающийся от профанного и повседневного пространства. Одежда шамана – это одновременно и совокупность сакральной космологической и космогонической символики, и вместилище духовной силы. Она – ретранслятор, позволяющий контактировать с иными сферами, и может аккумулировать духовные силы. Арсенал атрибутов шамана играет аналогичную роль, хотя каждый отдельный элемент может иметь собственные функции.

Костюм играющего имитирует нечто совершенно конкретное. Хотя он и может быть достаточно абстрактным, но в нем можно узнать историческую эпоху, профессию, группу или конкретную личность. Актерская игра и наряды имеют практический аспект, т. е. минимальную привязанность к объективной реальности. В одеянии, представляющем явление искусства и подразумевающим различные формы чувствования, может быть использована символика для особой стимуляции проникновения в сцену/сценарий, т. е. в суть и содержание игры. Но осуществлять подобное возможно лишь в

⁴Вместе с тем это не только социальный статус, но и экзистенциальный (онтологический). В христианской иконописи облачение святого или пророка является изображением его «плоти». Но подобное невозможно сказать при анализе играющего. Его «спецовка» имеет временный и ситуативный характер, т. е. сообщает не о нем, но лишь о производимой имитации.

⁵Ритуальные обряды отличаются тем, что некоторые их компоненты считаются особенными (одежда, предметы и т. д.) [14, с. 349] и ритуальным орудиям невозможно подобрать более удобную замену [14, с. 312]. Вышесказанное справедливо и для одеяния шамана или священника. Наличие альтернатив будет указывать на отсутствие «исключительности», что недопустимо в рамках религиозных представлений.

такой форме и до такой степени, пока символизм не растворит в себе⁶ саму суть игры.

Для создания чрезмерно символического образа (например, Вселенной) подойдет фэнтезийная методика. Но он будет либо носить антропоморфный характер, либо имитировать человеческую деятельность. Такая аутентичность имеет истоком религиозную тенденцию антропоморфизма и не связана с игровыми аспектами⁷. И даже в такой форме образ будет восприниматься лишь в конкретном контексте, когда заранее пояснено (непосредственно или опосредованно⁸), кто или что перед зрителем находится. В данном случае необходима высокая степень рационализации (оформленности), что приведет к потере внутреннего содержания изображаемого объекта. Рационализация и символизм – это две тенденции, от которых в разной степени может страдать как игра, так и мифология. Игра может потерять свой смысл

в бесчисленном множестве наслаивающихся символов, а мифология – в излишней рациональной интерпретации ее содержания. Миф благодаря своей тесной взаимосвязи с символизмом способен к более успешной репрезентации явлений абстрактного и всеобъемлющего характера⁹.

Иллюзорность, узнавание и социальный аспект. Момент «иллюзорности»¹⁰ имеет важное значение как для игры, так и для ритуальных действий. П. Буайе указывал, что обряды вызывают иллюзию социального воздействия [14, с. 344]. Видимость и правдоподобность являются важными компонентами, которые сопровождают реализацию как игрового процесса, так и обряда. В обоих случаях, т. е. наблюдая за актером в сценическом костюме или за шаманом в его религиозной «спецодежде», возникает иллюзия присутствия наблюдаемого. Но образ и костюм актера¹¹ не говорят о реальном присут-

⁶Ф. Ницше отмечал, что язык символов и знаков дает возможность замалчивать многое [16, с. 139]. Р. Барт указывал, что, если что-то слишком непонятно для буржуазного сознания, рассудок использует символизм с целью, чтобы нечто абстрактное могло иметь место в сознании, но только при условии объединения зримого и незримого под знаком количественного равенства «одно значит другое» [12, с. 152]. Таким образом, символизм может быть использован не только как метод изложения, но и как некий утилитарный, спекулятивный прием для достижения определенных прагматических целей кого-то одного или некой определенной группы индивидов.

⁷Аналогично тому, что человек есть *homo ludens* лишь потому, что Бог – *deus vere ludens* [5, с. 15]. Содержание игры как игры будет вторичным.

⁸Если истолкование будет опосредованным, то эта косвенность будет оснащаться материалами, которые исключают любые иные варианты, выводя на необходимый. Даже если цель состоит в том, чтобы показать некий абсолютный образ (с потенциальными возможностями любой трактовки), он будет конкретен в том, что будет означать лишь себя, исключая любые однозначные варианты (т. е. не предполагая перехода от себя абстрактного к конкретному варианту, пресекая возможность интерпретации).

⁹Один из способов презентации такого состояния – объединение гендерных сакральностей. Подобная идея присутствует и в религиозных одеждах некоторых религий. Например, шаманы, в частности якутские, украшают свои одежды круглыми бляшками, имитирующими женскую грудь, или носят женскую традиционную одежду [15, с. 146, 410]. Также существует и обратная тенденция.

¹⁰Ф. Ницше указывал, что суждение о том, что истина ценнее иллюзии, является моральным предрассудком, и без второй не существовало бы никакой жизни [16, с. 61]. Г. Лебон подчеркивал, что именно иллюзии (религиозные, социальные, философские) позволили человеку выйти из варварского состояния и составляют основу того, что называется цивилизацией [17, с. 232–233].

¹¹Р. Барт отмечал, что для класса, который не способен ни к чистому разуму, ни к мощному мифу, характерна тяга к иллюзорному, и в иконографиях Аркура они видят за актером человека, хотя цель ее совершенно обратная [12, с. 87]. В данном случае характерно представление об актере, сцене и его костюме как о способах выражения лишь видимого, но не действительного. Поэтому возникает необходимость в дополнительной мифологизации – обожествлении и одухотворении актера, но не самой игры или действия. Подобное положение вещей характерно для современной искусственной мифологизации, в частности в рамках массовой культуры.

ствии персонажа. В данном случае видимость и правдоподобие¹² указывают на симуляцию, «призрак», или «тень», но не на экзистенцию. В противовес этому присутствие сверхъестественных сил для большинства ритуалов обязательно. Например, образ шамана подчеркивает присутствие (в нем самом) иного существа. В первом случае видимость и правдоподобие являются ретрансляторами момента иллюзорности, т. е. лишь схожести и аналогии, во втором – показателями «инога», что присутствует непосредственно или опосредованно. Игра всегда должна сохранять момент «не-настоящего»¹³, в частности через визуализацию прошлого, будущего и воображаемого, тогда как сверхъестественное присутствие всегда реально.

Р. Отто называл истинное узнавание и признание священного дивинацией [18, с. 221]. Процесс «узнавания» имеет важное значение как для игры, так и для ритуального действия. Будет недостаточным указать на разность «узнавания» в данных феноменах, лишь опираясь на первичную демаркацию¹⁴ через их принадлежность различным областям: религиозной (священной, сакральной) и эстетической. Различие можно установить, исходя из следующих важных

моментов. Во-первых, если в игровом процессе «узнавание» отсылает лишь к образу, то в рамках ритуального действия с использованием «спецодежды» – непосредственно к присутствию. Во-вторых, если дивинации не свойственны тяжеловесные рациональные и теоретические компоненты, то в игре они имеют место быть¹⁵. В-третьих, если «эстетическое чувствование» подвергается воспитанию, то подобный подход неэффективен в рамках ритуальной практики.

Г. Лебон подчеркивал, что титулы, ордена и одежда оказывают особый эффект, при этом независимо от качеств личности [17, с. 251–252]¹⁶. Как в игре, так и в ритуальном действии одевание сообщает о специфике действующих. Но между ними существует коренная разница. Одежда играющего обозначает его самого (как играющего) и его ремесло/действие (связанное с имитацией и изображением). Иными словами, она указывает на человека, исполняющего определенную роль, подчеркивая временный характер данного положения вещей. Это не исключает того, что наблюдение за имитацией вызывает восторг и восхищение исполнителем, а сам он получает особый социальный¹⁷ статус. Одежда в обрядовых действиях демонстрирует

¹²Правдоподобие – важный аспект игрового процесса. Актер должен играть так, чтобы наблюдающие ему верили. При этом его костюм может лишь отчасти соответствовать образу (прототипу), в т. ч. детализация зависит от содержания игровой ситуации. Ярким примером могут служить экспериментальные, в частности адаптивные, выступления/представления, в рамках которых персоналии и события перемещаются в иную временную плоскость. Однако самые яркие отличительные черты и признаки героев, сюжета, сцен и т. д. должны быть сохранены для узнавания.

¹³Игра сопровождается осознанием вторичности реальности или ирреальности по сравнению с реальной жизнью [11, с. 48].

¹⁴Некоторые авторы разделяют *homo ludens* и *homo mythicus* как состояния, демонстрирующие социальное развитие [3].

¹⁵По словам А. Бергсона, комическое возникает там, где индивид заглушает в себе чувствительность и дает волю одному только разуму [19, с. 14].

¹⁶Б. Паскаль отмечал, что именно лишь внешние атрибуты заставляют людей поверить в профессионализм, способности и т. д. [20, с. 63–65].

¹⁷Здесь стоит указать на отношение зрителя (наблюдающего). Играющему присваивается особый элитарный статус (особой «касты»), но не роли/образу, а именно конкретному участнику игрового процесса (актеру). Играющий привлекает только своим ремеслом (действием временным) и именно через него получает особое положение. Движение оценки в данном случае осуществляется «от роли/образа к человеку/играющему», а в рамках религиозной практики наоборот – «от исполняющего к образу», где последнее есть «иное», непосредственно или опосредованно присутствующее.

не социальный статус, а присутствие особой онтологической единицы. Ритуальная «спецовка» сообщает в первую очередь о том, что она репрезентует (присутствие или инкарнацию богов, духов, предков и т. д.). В первом случае наблюдаем переход имитация/изображение – роль/игровой процесс – исполняющий, во втором – /исполняющий – действие – присутствие «совершенно иного», в т. ч. через девальвацию качеств и полную ликвидацию индивидуальности.

Визуальная яркость, насыщенность, презентабельность, а иногда и экзотизм являются неотъемлемыми компонентами игрового процесса и костюмов играющих. Иногда вышеуказанное представляет собой ключ к успеху. Соблюдение подобных принципов ведет к релевантности желаний зрителей¹⁸. Совершенно иное положение вещей можно встретить в рамках ритуальной практики. Не все обряды и ритуалы красочны и драматичны, и такие «спокойные» ритуальные действия встречаются чаще [14, с. 345]. Сложно представить яркость, помпезность и изобилие красок в ритуале инициации или литургической службе, которые присутствуют как в действиях, так и костюмах во время венецианского карнавала или в рамках проведения различных фандом-фестов.

Как в религиозной практике, так и в рамках игрового процесса костюмы имеют разную социально-функциональную¹⁹ маркировку. В обоих случаях можно наблюдать процесс отчуждения от социального мира. Хотя в области

исследования религии его часто отождествляют с аномией, в действительности подобное тождество некорректно [22, с. 113]. Отчуждение в игре и религии не идентично. Одевание шамана или священника, несомненно, указывает на факт социальной изоляции или ограничений. Однако это не радикальный эскапизм²⁰. Религиозное отчуждение предполагает все то же погружение индивида и его деятельность в социальном мире [22, с. 103]. Совершенно иное положение вещей можно наблюдать в рамках игрового процесса. Отчуждение необходимо лишь для эстетического правдоподобия, имеющего ограничение как во времени, так и в пространстве. Игровой процесс, скорее, выделяет играющего. При внешнем социальном отчуждении²¹ эстетическое представление (образ) не выходит за рамки повседневного социального действия и не указывает на особый экзистенциальный статус играющего. Шаман или священник сохраняют свой статус постоянно. Их образ не нарушает социальный порядок и структуру. Играющий/актер может сохранять представляемый образ без социальных последствий недолгое время и при определенных условиях (в процессе выступления/презентации). Его образ и костюм привязаны к ним в аспекте актуализации. Выход за границы может иметь для играющего последствия: начиная от неприятия такого поведения и заканчивая прямым обвинением в нарушении социальных норм²².

¹⁸В особенности такое положение вещей свойственно массовой культуре и массовому искусству.

¹⁹Можно указать на определенную разницу в жесткости санкций между неисполнением игрового процесса и ритуального действия. Отказ от посещения театра будет иметь минимальные последствия или вообще не будет их иметь. А вот отказ от посещения церкви вполне может повлиять на социальные взаимоотношения. Хорошим примером является избирательная система США: верующие избиратели скорее проголосуют за кандидата другой веры, чем за атеиста, независимо от того, какова квалификация обоих [21, с. 92].

²⁰Шаман или священник продолжают выполнять функции социального порядка при своем статусе сакрального, который подчеркивает отчуждение от профанного.

²¹В рамках игрового процесса актер уже не актер. Он – воспроизводимый образ или личность. Он «не-я» и «не-актер». Но подобное необходимо лишь для стимулирования воображения наблюдающего с целью проникновения в содержание игры.

²²Подобное поведение будет восприниматься как девиантное. Реакция социума будет различна – в зависимости от степени вживания играющего в роль, интенсивности воздействия на окружающих и т. д. Такое поведение может быть воспринято не просто как недопустимое (нарушающее нормы), но и как опасное (например, как безумие, несущее деструктивные тенденции), что приведет к разнице применяемых санкций.

Назначение маски и процесс отчуждения. Еще один важный элемент одежды или, точнее, образа – это маска. Она важна как в игре, так и в практической реализации содержания мифологии. Но ее роль в каждой из этих сфер различна. Хотя использование маски не является обязательным для шаманов, в некоторых случаях она имеет собственное значение и выделяется из «спецодежды» [15, с. 158]. Маска может дублировать ту космологическую идею, которая отражена в наряде шамана. Спектр символического и функционального значений маски в религиозной практике достаточно широк и зависит от конкретного контекста ритуала, практикующего и установленного для нее функционала.

В религиозно-мифологической традиции маска и одежда пронизаны историзмом. Подобно тому, как сам миф есть история всего мироздания [23, с. 15; 24, с. 14], так и маска указывает на космологический и космогонический аспекты всего бытия. Маска в игре имеет совершенно иное назначение. В игровом процессе она не презентует наличие другого, ее цель – высвободить подлинную личность, скрыть социальную роль и т. д. [11, с. 59]. В религиозной традиции тайные общества используют маски как инструмент ограничения доступа. Совершенно иное положение вещей характерно для игры. Маска более притягательна в толпе, и человек надевает ее или иное одеяние лишь ради других людей [11, с. 74–75]. Если маска сочетается с выполнением сакральных функций, то необходимо понимать, что подобное есть не игра, а институт [11, с. 44].

Таким образом, игра и ритуал отличаются по масштабу распространения кардинально. Для игры важным аспектом является распро-

страненность, т. е. количество вовлеченных. Чем их больше, тем сильнее оказываемый ею эффект, даже если большинство присутствующих будут лишь пассивными наблюдателями. В ритуале наоборот: массовый характер приводит к разложению его внутреннего содержания. Толпа²³ в игре действует как катализатор, а в ритуале с его сакральным содержанием – как ингибитор. Конечно, стоит сделать ремарку: священные действия также совершаются в группе, но критерием выступает не количественная, а качественная характеристика.

Ношение маски и специальной одежды в игре может иметь негативные тенденции, если человек перестает играть и начинает вести себя в соответствии с образом. Он присваивает себе чужую личность, впадает в отчуждение самого себя [11, с. 81]. Отрицание настоящего «Я» ведет к определенному безумию. Он не удовлетворяется тем, что играет роль, – он сам становится тем, что играет. Но М.М. Бахтин отмечал, что не существует чистого вживания [27, с. 18–19]. Дело в том, что вживание не имеет влияния на внутреннее содержание индивида, т. к. наличествует процесс объективизации/оформления, когда индивид отделяет себя от эстетического. Глубина вживания зависит также от психически-ментальных особенностей индивида, которые в конкретном случае могут стать причиной отчуждения от себя настоящего. Таким образом, роль, маска, игра поглощают играющего, растворяя его в себе. В ритуале подобного не происходит, т. к. в основе любого сакрального акта лежит принцип достижения абсолюта через ликвидацию индивидуального²⁴. Кроме того, членство в тайных обществах, а тем более исполнение в них каких-либо профессиональных ролей и обязанностей, например

²³К. Юнг указывал, что скопление людей, находящихся вместе, обнаруживает большую внушающую силу, а психология масс опускается до психологии толпы с низким уровнем сознания индивида [25, с. 264–265]. По словам К. Манхейма, в массе человек больше подвержен влиянию, действию неконтролируемых взрывов, влечений и психологических регрессий [26, с. 17–18].

²⁴М. Элиаде подчеркивал, что в мифическом мышлении присутствует идея о том, что, прежде чем стать индивидуальным, необходимо стать тотальным, т. е., чтобы стать человеком, необходимо походить на мифологическую модель [9, с. 20, 75–76].

шамана, который проходит специальную, отдельную инициацию, требует специфической ментальности и качеств индивида.

Более того, некоторые патологии считаются характерными чертами шаманизма («шаманская болезнь»). Предполагается, что любой изъян, увечность, психологическая болезнь²⁵ и т. д. являются внешними признаками избранности определенного индивида: это состояние само по себе имеет значение инициатических испытаний, в частности психологической изоляции, необходимой для получения посвящения. Вместе с тем индивид, не принявший «призыв духов» и отказавшийся стать шаманом, может умереть [15, с. 280]. Следовательно, в данном случае стоит говорить о том, что определенные патологии выступают обязательным условием сакральной трансмиссии традиции.

Заключение. Суммируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Использование костюма в рамках игрового процесса презентует стремление к внешнему, раскрытому и показательному, т. е. наглядности и доступности оказываются важными его составляющими. Религиозная практика, наоборот, направлена на создание тайны и таинства. Для игры характерны корректировка и опора на современность и моду – это важно для ее актуализации. Подобное не свойственно мифологии, где и в рамках ношения «спецодежды» существуют собственная специфика и канон.

В культовой практике одежда презентует космогоническую и космологическую символику, направленную на утверждение присутствия бесконечного. Одежда в игре – атрибут конкретного, и в ней наблюдается минимальная привязка к объективному миру. Момент «иллюзорного» в игровом процессе указывает на отсутствие реального присутствия. В данном случае наличествует правдоподобная симуляция: лишь видимость, но не реальная экзистенция. В религиозной практике имеет место действительное наличие «иноного». Продуктом процесса «узнавания» в игре становится образ (копия, след) реального. Наличие тяжеловесных (теоретических) компонентов для нее не является губительным и деструктивным. Религиозной практике, в т. ч. в рамках ношения специальной одежды, свойственна презентация реального присутствия (наличия). Для нее тяжеловесность может быть ингибитором как самого действия, так и восприятия наблюдателем самого производящего это действие. Яркость, презентабельность и экзотизм – важные компоненты успешного игрового процесса, в частности благодаря ориентации на требования наблюдающих, но в культовой практике обратная ситуация. «Спецодежда» в игре и мифологии имеет различную социально-функциональную маркировку, и у маски совершенно разное назначение – что в игровом процессе, что в религиозной, культовой практике.

Список литературы

1. Deschênes G. Scriptural Illustration Applied in the *Homo Faber-Religious-Ludens* Spiritual Model of Leisure // *Leisure/Loisir*. 2018. Vol. 42, № 3. P. 259–279. <https://doi.org/10.1080/14927713.2018.1535909>
2. Boomkens R. Van homo ludens naar homo o economicus: Neoliberalism als cultureel fenomeen // *Filos. Prakt.* 2023. Vol. 44, № 1. P. 4–19. <https://doi.org/10.5117/fep2023.1.002.boom>
3. Мамедов А.К., Комиссаров С.Н., Коркия Э.Д. Homo Ludens в игровом мире постправды // *Вестн. Ин-та социологии*. 2023. Т. 14, № 1. С. 115–136. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.1.7>
4. Daniel-Wariya J. Rhetorical Strategy and Creative Methodology: Revisiting *Homo Ludens* // *Games Cult.* 2017. Vol. 14, № 6. P. 622–638. <https://doi.org/10.1177/1555412017721085>

²⁵Существует критика рассмотрения «болезни шамана» как некоей патологии [28]. В подобной риторике такое состояние – это особый дар, который с психологической точки зрения является тем, что превосходит норму.

5. Ранер Х. Играющий человек / пер. с нем. А. Лукьянова. М.: Библ.-богосл. ин-т св. Андрея, 2010. 95 с.
6. Sicart M. Toward an Ethics of Homo Ludens // Ludics: Play as Humanistic Inquiry / ed. by V. Rapti, E. Gordon. Singapore: Palgrave Macmillan, 2021. P. 21–45. https://doi.org/10.1007/978-981-15-7435-1_2
7. Кенделл Э. Инки. Быт, религия, культура / пер. с англ. О.Ю. Мильниковой. М.: Центрполиграф, 2005. 250 с.
8. Боден Л. Инки. Быт. Культура. Религия / пер. с англ. Е.Б. Межевитинова. М.: Центрполиграф, 2004. 255 с.
9. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / пер. с фр. Г.А. Гельфанд; науч. ред. А.Б. Никитин. М.; СПб.: Унив. кн., 1999. 356 с.
10. Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; коммент., указ. Д.Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
11. Кайуа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / сост., пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: ОГИ, 2007. 304 с.
12. Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С. Зенкина. 3-е изд. М.: Акад. проект, 2014. 352 с.
13. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Добросвет, 2019. 392 с.
14. Буае П. Объясняя религию: Природа религиозного мышления / пер. с фр. М. Десятовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 496 с.
15. Элиаде М. Шаманизм и архаические техники экстаза / пер. с фр. А.А. Васильевой, Н.Л. Сухачева. М.: Ладомир, 2015. 552 с.
16. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М.: Изд-во «Э», 2018. 320 с.
17. Лебон Г. Психология народов и масс / пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана. М.: АСТ, 2019. 320 с.
18. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / пер. с нем. А.М. Руткевича. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. 272 с.
19. Берсон А. Смех / пер. с фр. И.Г. Гольденберга. М.: Искусство, 1992. 127 с.
20. Паскаль Б. Мысли / пер. с фр. Э. Линецкой. М.: Астрель, 2009. 253 с.
21. Докинз Р. Перерастая бога. Пособие для начинающих / пер. с англ. А. Гопко. М.: АСТ: Corpus, 2022. 256 с.
22. Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / пер. с англ. Р. Сафронова. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 208 с.
23. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В.П. Большакова. М.: Акад. проект, 2010. 251 с.
24. Бирлайн Дж.Ф. Параллельная мифология / пер. с англ. А. Блейз. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 336 с.
25. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов / пер. с англ. А.А. Юдина. М.; Киев: Совершенство: Port-Royal, 1997. 384 с.
26. Манхейм К. Возрастание иррациональных элементов в общественном сознании. Атмосфера ожидания насилия // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С. 12–22.
27. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов / под ред. С.Г. Бочарова, Н.И. Николаева. М.: Рус. слов.: Яз. славян. культуры, 2003. 957 с.
28. van Löben Sels R. Shamanic Dimensions of Psychotherapy: Healing Through the Symbolic Process. London: Routledge, 2019. 256 p.

References

1. Deschênes G. Scriptural Illustration Applied in the *Homo Faber-Religious-Ludens* Spiritual Model of Leisure. *Leisure/Loisir*, 2018, vol. 42, no. 3, pp. 259–279. <https://doi.org/10.1080/14927713.2018.1535909>
2. Boomkens R. Van homo ludens naar homo o economicus: Neoliberalism als cultureel fenomeen. *Filos. Prakt.*, 2023, vol. 44, no. 1, pp. 4–19. <https://doi.org/10.5117/fep2023.1.002.boom>
3. Mamedov A.K., Komissarov S.N., Korkiya E.D. Homo Ludens in the Post-Truth Game World. *Vestnik instituta sotsiologii*, 2023, vol. 14, no. 1, pp. 115–136 (in Russ.). <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.1.7>
4. Daniel-Wariya J. Rhetorical Strategy and Creative Methodology: Revisiting *Homo Ludens*. *Games Cult.*, 2017, vol. 14, no. 6, pp. 622–638. <https://doi.org/10.1177/1555412017721085>
5. Rahner H. *Der spielende mensch*. Johannes Verlag Einsiedeln, 1990. 79 p. (Russ. ed.: Ранер Х. *Играющий человек*. Moscow, 2010. 95 p.).
6. Sicart M. Toward an Ethics of *Homo Ludens*. Rapti V., Gordon E. (eds.). *Ludics: Play as Humanistic Inquiry*. Singapore, 2021, pp. 21–45. https://doi.org/10.1007/978-981-15-7435-1_2
7. Kendall A. *Everyday Life of the Incas*. New York, 1989 (Russ. ed.: Кенделл Э. *Инки. Быт, религия, культура*. Moscow, 2005. 250 p.).

8. Baudin L. *Daily Life in Peru Under the Last Incas*. New York, 1962. 256 p. (Russ. ed.: Boden L. *Inki. Byt. Kul'tura. Religiya*. Moscow, 2004. 255 p.).
9. Eliade M. *Initiation, rites, sociétés secrètes: Naissances mystiques: Essai sur quelques types d'initiation*. Paris, 1992. 282 p. (Russ. ed.: Eliade M. *Taynye obshchestva. Obryady initsiatsii i posvyashcheniya*. Moscow, 1999. 356 p.).
10. Huizinga J. *Homo Ludens: Proeve eener bepaling van het spel-element der cultuur*. Haarlem, 1938. 309 p. (Russ. ed.: Kheyzinga Y. *Homo Ludens. Chelovek igrayushchiy: opyt opredeleniya igrovogo elementa kul'tury*. St. Petersburg, 2011. 416 p.).
11. Caillois R. *Igry i lyudi; Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury* [Man, Play and Games: Articles and Essays on the Sociology of Culture]. Moscow, 2007. 304 p.
12. Barthes R. *Mythologies*. Paris, 1957. 233 p. (Russ. ed.: Bart R. *Mifologii*. Moscow, 2014. 352 p.).
13. Baudrillard J. *L'Échange symbolique et la mort*. Paris, 1976 (Russ. ed.: Bodriyyar Zh. *Simvolicheskiy obmen i smert'*. Moscow, 2019. 392 p.).
14. Boyer P. *Et l'homme créa les dieux: Comment expliquer la religion*. Paris, 2001 (Russ. ed.: Buaye P. *Ob'yasnyaya religiyu: priroda religioznogo myshleniya*. Moscow, 2018. 496 p.).
15. Eliade M. *Le chamanisme et les techniques archaïques de l'extase*. Paris, 1951. 447 p. (Russ. ed.: Eliade M. *Shamanizm i arkhaischeskie tekhniki ekstaza*. Moscow, 2015. 552 p.).
16. Nietzsche F. *Po tu storonu dobra i zla* [Beyond Good and Evil]. Moscow, 2018. 320 p.
17. Le Bon G. *Psikhologiya narodov i mass* [The Psychology of Peoples and Crowds]. Moscow, 2019. 320 p.
18. Otto R. *Das Heilige: Über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen*. Breslau, 1917. 192 p. (Russ. ed.: Otto R. *Svyashchennoe. Ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nyim*. St. Petersburg, 2008. 272 p.).
19. Bergson H. *Le rire. Essai sur la signification du comique*. Paris, 1900. 205 p. (Russ. ed.: Bergson A. *Smekh*. Moscow, 1992. 127 p.).
20. Pascal B. *Mysli* [Thoughts]. Moscow, 2009. 253 p.
21. Dawkins R. *Outgrowing God: A Beginner's Guide*. London, 2019. 304 p. (Russ. ed.: Dokinz R. *Pererastaya boga. Posobie dlya nachinayushchikh*. Moscow, 2022. 256 p.).
22. Berger P.L. *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*. New York, 1990. 229 p. (Russ. ed.: Berger P. *Svyashchennaya zavesa. Elementy sotsiologicheskoy teorii religii*. Moscow, 2019. 208 p.).
23. Eliade M. *Aspects du mythe*. Paris, 1963. 246 p. (Russ. ed.: Eliade M. *Aspekty mifa*. Moscow, 2010. 251 p.).
24. Bierlein J.F. *Parallel Myths*. New York, 1994. 353 p. (Russ. ed.: Birlayn Dzh.F. *Parallel'naya mifologiya*. Moscow, 1997. 336 p.).
25. Jung K.G. *Dusha i mif: Shest' arkhетipov* [Soul and Myth: Six Archetypes]. Moscow, 1997. 384 p.
26. Mannheim K. *Vozrastanie irratsional'nykh elementov v obshchestvennom soznanii. Atmosfera ozhidaniya nasiliya* [The Growth of Irrational Elements in Public Consciousness. An Atmosphere of Anticipation of Violence]. *Krizis soznaniya: sbornik rabot po "filosofii krizisa"* [Crisis of Consciousness: Collected Works on the "Philosophy of Crisis"]. Moscow, 2009, pp. 12–22.
27. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected Works. Vol. 1. Philosophical Aesthetics of the 1920s]. Moscow, 2003. 957 p.
28. van Löben Sels R. *Shamanic Dimensions of Psychotherapy: Healing Through the Symbolic Process*. London, 2019. 256 p.

Информация об авторе

Н.И. Петев – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87).

Information about the author

Nikolay I. Petev, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University (address: ul. Gor'kogo 87, Vladimir, 600000, Russia).

Поступила в редакцию 04.11.2023
Одобрена после рецензирования 06.02.2024
Принята к публикации 12.02.2024

Submitted 4 November 2023
Approved after reviewing 6 February 2024
Accepted for publication 12 February 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 2. С. 135–140.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 135–140.

Рецензия на книгу

УДК [94(470):655.552]:[623.9+664.1]

DOI: 10.37482/2687-1505-V341

Сахар, мины, торпеды: тернистый путь «Гидроприбора»

Рецензия на книгу: Шаповалова А.Е. Минный сахар: от сахарного завода к производству морского подводного оружия / А.Е. Шаповалова; Корпорация «Такт. ракет. оружие», ГНЦ РФ АО «Концерн «Мор. подвод. оружие – Гидроприбор». СПб.: Реноме, 2022. 227 с.

Тимофей Владимирович Алексеев¹

Александр Витальевич Лосик²

¹Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: timofey1967@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0809-2400>

²Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова,

Санкт-Петербург, Россия,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7085-6627>

Аннотация. В статье рецензируется монография А.Е. Шаповаловой «Минный сахар: от сахарного завода к производству морского подводного оружия». Авторы рецензии отмечают, что в указанной работе проведено первое исследование истории промышленных предприятий, существовавших на территории, ныне занимаемой в Санкт-Петербурге акционерным обществом «Концерн «МПО – Гидроприбор». Монография написана с опорой на солидную источниковую базу, вносит весомый вклад в изучение индустриальной истории города на Неве и его военно-промышленного комплекса. Затронутые в ней темы могут рассматриваться как потенциальные предметы будущих диссертационных исследований.

Ключевые слова: сахарная промышленность, минный сахар, мины заграждения, минно-торпедное вооружение, Санкт-Петербург, Л.Е. Кёниг, военная промышленность

Для цитирования: Алексеев, Т. В. Сахар, мины, торпеды: тернистый путь «Гидроприбора» / Т. В. Алексеев, А. В. Лосик // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 135-140. – DOI 10.37482/2687-1505-V341.

Book review

Sugar, Mines, Torpedoes: The Thorny Path of Gidropribor

Review of the book: Shapovalova A.E. Mine Sugar: From a Sugar Refinery to the Production of Marine Underwater Weapons. St. Petersburg, 2022. 230 p. (in Russ.).

Timofey V. Alekseev¹

Aleksandr V. Losik²

¹Mozhaisky Military Space Academy, St. Petersburg, Russia,

²Baltic State Technical University “VOENMEH” named after D.F. Ustinov, St. Petersburg, Russia,

¹e-mail: timofey1967@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0809-2400>

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7085-6627>

Abstract. This article reviews A.E. Shapovalova’s monograph *Mine Sugar: From a Sugar Refinery to the Production of Marine Underwater Weapons*, which for the first time investigates the history of industrial enterprises that existed in St. Petersburg on the territory now occupied by JSC Concern Sea Underwater Weapon Gidropribor. The monograph is based on a solid body of sources and makes a significant contribution to the study of the industrial history of St. Petersburg and its military-industrial complex. The topics raised by the author can be considered as potential subjects for thesis research.

Keywords: *sugar industry, mine sugar, barrage mines, torpedo armament, St. Petersburg, L.E. Koenig, military industry*

For citation: Alekseev T.V., Losik A.V. Sugar, Mines, Torpedoes: The Thorny Path of Gidropribor. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 135–140. DOI: 10.37482/2687-1505-V341

Изучение истории отдельных промышленных предприятий России имеет давние традиции в отечественной историографии. На различных ее этапах направленность подобного рода работ существенно отличалась. Публикации дореволюционного периода характеризовались обилием фактологических материалов, многочисленными отсылками к нормативным актам правительства по вопросам развития отдельных отраслей промышленности или их регулирования. Слабым местом многих работ данного периода был их преимущественно компилятивный характер [1]. Авторы советского периода, по вполне понятным причинам, во главу угла ставили изучение социального положения рабочих и их революционной борьбы. Нередко оставались в тени вопросы производственной деятельности и развития техники и технологий. К тому же во многих работах преобладал публицистический стиль изложения материала [2]. В условиях постсоветской России исследователи получили возможность более объективно и всесторонне, с использованием как наработок предшественников, так

и многочисленных архивных материалов, на строго научной основе освещать историю возникновения и деятельности предприятий на всех этапах. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что и некоторые современные работы не лишены недостатков. Особенно это касается трудов, выход в свет которых приурочен к юбилейным датам предприятий и в которых глубина изложения и научная основательность нередко приносятся в жертву красивой «картинке» и откровенному пиару.

Впрочем, подобные недостатки ни в коей мере не относятся к рецензируемой монографии Анны Евгеньевны Шаповаловой «Минный сахар: от сахарного завода к производству морского подводного оружия». Она посвящена истории сразу нескольких предприятий, располагавшихся на Выборгской стороне Санкт-Петербурга, на территории, которую ныне занимает Государственный научный центр РФ АО «Концерн «МПО – Гидроприбор». Автор весьма убедительно показала, как неумолимая логика исторического процесса привела к тому, что предназначенное для

выпуска сугубо мирной продукции предприятие было вначале привлечено к изготовлению отдельных предметов вооружения в условиях Первой мировой войны, а чуть позже и вовсе оказалось полностью перепрофилированным под производство специального назначения.

Три главы монографии из пяти посвящены так называемому сахарному периоду в истории исследуемого предприятия, продолжавшемуся практически два столетия. Начало было положено указом Петра I от 14 марта 1718 года, согласно которому московский купец П. Вестов на Выборгской стороне Санкт-Петербурга основал сахарный завод, ставший не просто первым подобным предприятием в новой столице России, но и знаменовавшим собой возникновение новой отрасли отечественной промышленности – сахарной индустрии.

А.Е. Шаповалова проследила историю этого завода, показав, как он переходил из рук в руки различных предпринимателей, среди которых были такие известные в бизнес-среде России XIX века персоны, как барон Л.И. Штиглиц или один из основателей Балтийского судостроительного завода М.И. Карр. Однако подлинный расцвет сахарного завода на Выборгской стороне был связан с именем купца Л.Е. Кёнига, ставшего его владельцем в 1862 году. Автор монографии не случайно называет данного предпринимателя «сахарным королем» Российской империи, удачно играя на переводе его фамилии (нем. König – «король»). Коммерческие интересы Л.Е. Кёнига со временем вышли далеко за пределы Санкт-Петербурга, а в Харьковской губернии, по словам исследовательницы, он «создал крупные агропромышленные комплексы с законченным циклом производства» [3, с. 26]. Однако и столичное предприятие не стало для Л.Е. Кёнига «пасынком», а было перестроено, причем с приглашением архитектора Н.В. Трусова, и переоборудовано в соответствии с новейшими технологиями. Это позволило предприятию занять лидирующие позиции на петербургском рынке, а к 1890-м годам и вовсе остаться единственным сахарорафинадным заводом в столице России.

В монографии подробно изложен процесс развития предприятия при самом Л.Е. Кёниге и при его наследниках вплоть до революции 1917 года, представлены интересные детали технологии рафинадного производства, даны характеристики выпускаемой продукции. Анализ условий труда и быта работников позволил автору сделать вывод, что «сахарный завод Кёнига был для своего времени достаточно хорошо технически оснащенным предприятием, которое создавало для своих работников достойные условия как в оплате труда, так и в отношении обеспечения жильем, питанием и медицинским обслуживанием» [3, с. 57].

На завершающем этапе своей дореволюционной истории сахарорафинадный завод оказался вовлеченным в производство военной продукции. Как выяснила А.Е. Шаповалова, в годы Первой мировой войны здесь изготавливались два вида изделий: в организованной снарядной мастерской был налажен выпуск снарядов к бомбметам калибра 9 см, а по своему основному профилю завод поставлял морскому ведомству так называемый минный сахар, использовавшийся в качестве предохранителя в морских минах заграждения. Примечательно, что в изготовлении снарядов по заказам Центрального военно-промышленного комитета завод Кёнига выступал в качестве головного исполнителя, взаимодействовавшего с большим числом других контрагентов (по данным автора, от 27 до 29), что еще раз подчеркивает уровень его технического оснащения. А факт производства минного сахара дал возможность автору монографии полагать, что между дореволюционным сахарным заводом и сегодняшним «Гидроприбором» существует преемство не только с точки зрения общности территории, но и с позиции родственности в производственном профиле [3, с. 69].

Несомненной заслугой А.Е. Шаповаловой следует считать исследование ею в буквальном смысле «темного периода» в истории производственной площадки сахарного завода Кёнига – с момента его закрытия и национализации в конце 1917 – начале 1918 года и до момента

присоединения в 1930 году к заводу по производству минно-торпедного вооружения «Двигатель». Как наглядно показала исследовательница, на судьбе сахарного производства в северной столице самым пагубным образом отразились последствия Первой мировой войны и последующей революции. Нормирование расценок на сахар в военное время, не соответствовавшее реальным производственным затратам, прекращение поставок сырья с Украины, а также удовлетворение требований рабочих по повышению заработной платы в постреволюционный период 1917 года – все эти факторы с неизбежностью привели вначале к прекращению производственной деятельности, а затем и к закрытию предприятия 1 февраля 1918 года. Дальнейшее бесхозяйственное использование его территории повлекло за собой пожары, разрушившие производственные корпуса, и разграбление имущества. К этому же периоду относится еще один крайне любопытный сюжет, связанный с размещением на площадке завода (с середины 1920 до июня 1922 года) 4-го Петроградского лагеря принудительных работ, ставшего центральным карантинно-распределительным пунктом, через который прошли польские военнопленные, венгерские заложники, участники Кронштадтского и Тамбовского восстаний, мелкие преступники и трудовые дезертиры. По словам автора, это учреждение «можно назвать зеркалом России эпохи Гражданской войны, военного коммунизма, антибольшевистских восстаний и красного террора» [3, с. 82].

По справедливому мнению А.Е. Шаповаловой, существование производственных мощностей сахарного завода в подобных условиях сделало невозможным восстановление на нем сахарорафинадного производства и стало одной из предпосылок присоединения его территории к территории соседнего завода «Двигатель», нуждавшегося в расширении производства.

Периоду с 1930 года по настоящее время посвящена пятая глава рецензируемой монографии. В ней автор показала историю промышленного освоения территории бывшего

сахарного завода, связанную с деятельностью на ней целого ряда производственных, научно-исследовательских и опытно-конструкторских учреждений – завода «Двигатель» (правопреемника основанного еще в XIX веке машиностроительного, чугунолитейного и котельного завода «Г.А. Лесснер»), завода № 231, НИИ-400, ЦНИИ «Гидроприбор», НПО «Уран» и, наконец, АО «Концерн МПО – Гидроприбор». Всех их объединял неизменный за все время производственный профиль – разработка и производство морского подводного оружия. В главе кратко представлен ход деятельности перечисленных выше учреждений в довоенный период, трудные годы Великой Отечественной войны и послевоенное время, показана солидная линейка выпускаемых ими образцов морского вооружения (торпеды, тралы, мины, подводные аппараты и др. – всего более 200 образцов), а также изделий промышленного и народного потребления (сейсмографы, дефектоскопы, сварочные автоматы и т. п.). А.Е. Шаповалова подчеркивает, что и на сегодняшний день ГНЦ РФ АО «Концерн МПО – Гидроприбор» является единственным в России комплексным научно-исследовательским, проектно-конструкторским и производственным центром по созданию различных видов морского подводного оружия, морских подводных станций, аппаратов и приборов, а также подводно-технических средств специального назначения для Военно-морского флота.

Особую научную значимость имеют и вынесенные А.Е. Шаповаловой в приложения к монографии материалы. В первом из них приводится подробная история особняка Кёнига, построенного на территории сахарного завода и сохранившегося до наших дней. Особняк этот, представляющий собой редкий пример совмещения жилой и служебной функций, считается выявленным объектом культурного наследия, интерьеры которого по своему богатству и изяществу отделки могут поспорить с интерьерами великокняжеских дворцов.

Во втором приложении исследовательница представила материалы, рассказывающие о

судьбе наследников Л.Е. Кёнига после революции и о наследии сахарозаводчика – сохранившихся зданиях и памяти о нем.

Среди сильных сторон рецензируемой монографии следует назвать ее солидную источниковую базу, опирающуюся прежде всего на материалы одного федерального, двух региональных и одного ведомственного архивов. Несомненным достоинством книги является богатый визуальный ряд, представленный многочисленными фотографиями из фондов Центрального государственного архива кинофотодокументов Санкт-Петербурга и архива ГНЦ РФ «Гидроприбор», планами и схемами территории предприятия и Выборгской стороны Санкт-Петербурга, фотографиями и изображениями выпускавшейся продукции. Нельзя не отметить и великолепное полиграфическое исполнение монографии.

Вместе с тем хотелось бы получить более развернутую картину развития производства морского подводного вооружения в годы первых советских пятилеток и в послевоен-

ное время с опорой на архивные материалы, чего в представленной монографии явно не хватает. Выражаем уверенность, что в последующих работах автора это пожелание будет учтено.

В целом, подводя итог, следует подчеркнуть, что рецензируемая монография А.Е. Шаповаловой является важным вкладом в изучение индустриальной истории Санкт-Петербурга в целом и ее военной составляющей в частности. Книга будет полезна как специалистам по истории регионального (ленинградского) военно-промышленного комплекса, так и всем, кто интересуется историей Санкт-Петербурга, историей его промышленности и предпринимательства в России. Вынесенные в приложения материалы вполне могут заинтересовать краеведов, а также специалистов в области искусствоведения и истории архитектуры. Полагаем, что представленные автором материалы обладают значительным исследовательским потенциалом и могут служить базой для целого ряда диссертационных исследований.

Список литературы

1. Мартьянов В. Исторический очерк развития оружейного дела на Сестрорецком заводе // Оруж. сб. 1890. № 1. Отд. I. С. 1–47.
2. Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. История Путиловского завода. 1789–1917. 2-е изд, сокр. М.; Л.: Госполитиздат, 1941. 631 с.
3. Шаповалова А.Е. Минный сахар: от сахарного завода к производству морского подводного оружия. СПб.: Реноме, 2022. 227 с.

References

1. Mart'yanov V. Istoricheskiy ocherk razvitiya oruzheynogo dela na Sestroretskom zavode [Historical Study of the Development of Gunsmithing at the Sestroretsk Plant]. *Oruzheynyy sbornik*, 1890, no. 1, pt. 1, pp. 1–47.
2. Mitel'man M., Glebov B., Ul'yanskiy A. *Istoriya Putilovskogo zavoda. 1789–1917* [The History of the Putilov Works]. Moscow, 1941. 631 p.
3. Shapovalova A.E. *Minnyy sakhar: ot sakharnogo zavoda k proizvodstvu morskogo podvodnogo oruzhiya* [Mine Sugar: From a Sugar Refinery to the Production of Marine Underwater Weapons]. St. Petersburg, 2022. 227 p.

Алексеев Т.В., Лосик А.В.

Сахар, мины, торпеды: тернистый путь «Гидроприбора»

Информация об авторах

Т.В. Алексеев – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (адрес: 197198, Санкт-Петербург, ул. Ждановская, д. 13).

А.В. Лосик – доктор исторических наук, профессор Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова (адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 1).

Information about the authors

Timofey V. Alekseev, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of History and Philosophy, Mozhaisky Military Space Academy (address: ul. Zhdanovskaya 13, St. Petersburg, 197198, Russia).

Aleksandr V. Losik, Dr. Sci. (Hist.), Prof. at Baltic State Technical University “VOENMEH” named after D.F. Ustinov (address: ul. 1-ya Krasnoarmeyskaya 1, St. Petersburg, 190005, Russia).

Поступила в редакцию 30.01.2024

Одобрена после рецензирования 09.02.2024

Принята к публикации 12.02.2024

Submitted 30 January 2024

Approved after reviewing 9 February 2024

Accepted for publication 12 February 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 2. С. 141–145.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 141–145.

Редакционная статья

УДК 001.83:94(4)

DOI: 10.37482/2687-1505-V342

Северный морской путь на Арктических чтениях в Москве

Владислав Иванович Голдин

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, e-mail: v.i.goldin@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

Аннотация. В статье представлен аналитический обзор материалов Арктических чтений, состоявшихся в феврале 2024 года в Москве. Характеризуются замысел этого международного научного форума, предмет и содержание выступлений. В центре обсуждения участников Арктических чтений была подготовленная и опубликованная международным коллективом исследователей книга об истории Северо-Восточного прохода и Северного морского пути. Подчеркивается, что тема истории и современности освоения Арктики и Северного морского пути, осмысление исторического опыта и перспектив их развития имеют стратегическое значение как для России, так и для международных отношений. Отмечается, что русскоязычная версия указанного международного научного издания будет полезна для специалистов и широкого круга заинтересованных читателей. Высказывается пожелание, чтобы Арктические научные чтения стали доброй традицией в нашей стране.

Ключевые слова: Арктика, Северо-Восточный проход, Северный морской путь, научный форум, международное сотрудничество, фундаментальное научное издание

Для цитирования: Голдин, В. И. Северный морской путь на Арктических чтениях в Москве / В. И. Голдин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 141-145. – DOI 10.37482/2687-1505-V342.

Editorial

Northern Sea Route at the Arctic Readings in Moscow

Vladislav I. Goldin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, e-mail: v.i.goldin@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

Abstract. The paper presents an analytical review of the materials of the Arctic Readings which took place in Moscow in February 2024. The author describes the idea and subject of this international academic forum as well as the contents of the presentations. The discussion of the participants of the Arctic Readings was centred on

the book prepared and published by an international team of researchers into the history of the Northeast Passage and Northern Sea Route. The article highlights that the theme of the past and present exploration of the Arctic and Northern Sea Route as well as the understanding of the historical experience and prospects for their development are strategically important both for Russia and for international relations. It is indicated that the Russian-language version of the discussed publication will be useful for specialists and a wide range of interested readers. A wish is expressed that the Arctic Readings become a good tradition in our country.

Keywords: *Arctic, Northeast Passage, Northern Sea Route, academic forum, international cooperation, fundamental scientific publication*

For citation: Goldin V.I. Northern Sea Route at the Arctic Readings in Moscow. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 141–145. DOI: 10.37482/2687-1505-V342

Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ПГУ) в 2000-е годы стал одним из лидеров в международном научном сотрудничестве на Европейском Севере. В 2001 и 2008 годах здесь, в частности в сотрудничестве с Институтом всеобщей истории (ИВИ) РАН, были проведены XIV и XVI международные научные чтения по изучению Скандинавских стран и Финляндии соответственно.

Расширение повестки международных отношений на Севере и превращение Арктики в новый и важный в геополитическом отношении международный регион сотрудничества привели в 2010 году к диалогу между ПГУ и ИВИ РАН о трансформации привычного формата Скандинавских чтений в Арктические чтения. Но вхождение ПГУ в состав Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (САФУ) отсрочило осуществление проекта – реальностью он стал лишь 14 лет спустя.

Инициатива организации первых Арктических чтений родилась в диалоге между Арктическим университетом Норвегии, ИВИ РАН и САФУ имени М.В. Ломоносова. Поводом для их проведения в конце 2022 года стал выход в свет фундаментального научного труда международного коллектива ученых под названием «From Northeast Passage to Northern Sea Route: A History of the Waterway North of Eurasia» [1]. Международная презентация этого издания состоялась в Осло в декабре 2022 года, но русские авторы не смогли принять в ней участие.

И вот один из редакторов книги, профессор-эмеритус Арктического университета Норвегии в Тромсё и почетный доктор САФУ Й.П. Нильсен, передал ее в дар Государственной публичной исторической библиотеке в Москве, что и стало поводом для проведения на базе данного учреждения презентации указанного научного труда. В названии мероприятия значились «Арктические чтения» с подзаголовком «От Северо-Восточного прохода до Северного морского пути: история кратчайшего маршрута вдоль северного побережья Евразии». Организаторами этих чтений выступили Государственная публичная историческая библиотека и САФУ имени М.В. Ломоносова.

Арктические чтения состоялись 21 февраля 2024 года в зале под сводами Государственной публичной исторической библиотеки, где собрались специалисты и заинтересованные читатели. Это мероприятие открыл вступительным словом директор Исторической библиотеки М.Д. Афанасьев. Он поблагодарил за полученную в дар книгу и подчеркнул тот факт, что история освоения Арктики и Северного морского пути (СМП), вызывающая сегодня большой интерес не только специалистов, но и широкой читательской аудитории, впервые обсуждается на подобном мероприятии в стенах библиотеки. М.Д. Афанасьев выразил уверенность в том, что, хоть книга и издана на английском языке, она найдет благодарных и заинтересованных читателей, вместе с тем он высказал надежду, что труд будет опубликован в дальнейшем и на русском языке.

С приветствием к собравшимся по видеосвязи обратился академик РАН, научный руководитель ИВИ РАН А.О. Чубарьян. Давний научный партнер ПГУ/САФУ и почетный доктор нашего университета, он высоко оценил вышедшее в свет международное научное издание, подчеркнув стратегическое значение освоения Арктики и СМП в прошлом и сегодня. При этом А.О. Чубарьян акцентировал внимание слушателей на актуальности евразийского контекста российского исторического прошлого, настоящего и будущего, отметил в своем выступлении заслуги профессора Арктического университета Норвегии Й.П. Нильсена, который является, по его словам, ведущим норвежским специалистом по истории России. Й.П. Нильсен многие годы работает в тесном и плодотворном контакте с российскими учеными, а в данном случае выступил одним из инициаторов и ответственных редакторов представляемого научного издания. Академик А.О. Чубарьян высоко оценил качество фундаментального труда большого международного коллектива ученых 4-х стран.

Председатель правления Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества», доктор исторических наук Р.Г. Гагкуев в своем приветственном слове подчеркнул важность этого завершённого в наше сложное время международного научного проекта и его результата – фундаментального англоязычного издания, в котором описана более чем тысячелетняя история освоения мореплавателями Северо-Восточного прохода, как до начала XX века называлась международная арктическая морская магистраль, в дальнейшем и сегодня именуемая СМП. Он отметил, что эта арктическая эпопея была полна в прошлом героизма и драматизма, а сегодня развитие СМП является приоритетом руководства России. Р.Г. Гагкуев сделал акцент на важности осмысления исторического прошлого и уроков освоения арктической морской магистрали, сославшись и на собственный интерес как исследователя к данной теме, упомянув издание сборника до-

кументов по истории гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана 1914–1915 годов [2] и планируемую публикацию дневников российских полярников. Заметим, что Р.Г. Гагкуев планировал сделать научное сообщение на Арктических чтениях, но его занятость заставила изменить формат и ограничиться приветствием.

Выступивший по видеосвязи профессор Й.П. Нильсен подробно охарактеризовал осуществленный научный проект и перечислил его участников: трех ученых из Норвегии, четырех российских коллег, а также представителей Великобритании и Нидерландов. К сожалению, двое из тех, кто стоял у истоков этого проекта, – известный английский полярный исследователь Т.Э. Армстронг и российский профессор истории, бывший ректор ПГУ В.Н. Булатов, ушли из жизни, но их материалы использованы в книге, и они заявлены как авторы. Нильсен представил структуру коллективной монографии объемом в 500 стр., состоящей из 7 частей, и охарактеризовал ключевые идеи научного издания.

Он отметил, что исходной точкой проекта стали 1990-е годы, когда в рамках международной исследовательской программы развития СМП авторами этого издания были подготовлены 4 рабочих доклада. После международной научной экспедиции по СМП в августе 2013 года в рамках программы «Арктического плавучего университета» САФУ было принято решение о создании научного коллектива и подготовке научного издания по истории СМП. В коллективной монографии обстоятельно охарактеризовано не только историческое прошлое Северо-Восточного прохода – СМП, но и его современность, а также высказаны суждения о его будущем и перспективах развития. Профессор Нильсен указал, что в ходе реализации этого проекта в России и Норвегии состоялось несколько научных семинаров, в ходе которых проходило обсуждение основных проблем и содержания готовящейся книги. Он поблагодарил всех участников проекта за плодотворную деятельность и выразил надежду, что вышедшее в свет издание будет интересно как специали-

стам, так и широкой читательской аудитории, а в дальнейшем его переведут и опубликуют на русском языке.

Участник проекта, директор Центра исторических и политических исследований Севера и Арктики, профессор САФУ имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск) В.И. Голдин отметил, что ПГУ/САФУ внес значимый вклад в реализацию презентуемого проекта, ибо среди авторов – двое его представителей, и, кроме того, В.В. Тевлина, работающая сегодня в Норвегии, защитила в свое время докторскую диссертацию в САФУ и является по совместительству профессором этого университета. В.И. Голдин рассказал собравшимся о развитии СМП в постсоветский период, таким образом представив часть книги, написанную им. Добавив к трем периодам, описанным в издании, и четвертый, современный, наступивший после февраля 2022 года, он охарактеризовал нынешнее состояние, проблемы, вызовы и перспективы дальнейшего развития СМП, выделив такие параметры, как международные отношения и геополитика в Арктике; климат и ледовая обстановка; экономика, инфраструктура и логистика. В заключение своего выступления В.И. Голдин выразил пожелание, чтобы инициатива Арктических чтений была подхвачена и их проведение в дальнейшем стало доброй научной традицией.

Еще один участник проекта, кандидат исторических наук, доцент Государственного университета науки и технологий имени М.Ф. Решетнева (г. Красноярск) А.Е. Гончаров, рассказал о том, как на страницах издания раскрыты проблемы изучения истории СМП в советскую эпоху. Он подчеркнул, что при подготовке этого научного труда были использованы материалы докторской диссертации, монографии и статьи профессора В.Н. Булатова.

Характеристике использованных при подготовке издания картографических документов на территорию Арктики и СМП начала XX века посвятила свое выступление О.А. Крас-

никова (Библиотека РАН, Санкт-Петербург) – еще один участник представляемого издания и один из редакторов иллюстраций. Она сообщила также, что презентуемая книга являлась предметом обсуждения на заседании Русского географического общества в Санкт-Петербурге, где ей была дана высокая оценка. О.А. Красникова с благодарностью отметила вступительное слово к изданию председателя Полярной комиссии Санкт-Петербургского отделения Русского географического общества, почетного полярника В.И. Боярского.

Кандидат исторических наук, доцент Мурманского Арктического университета М.Б. Ильичева представила в своем выступлении анализ образовательного потенциала изданной коллективной монографии и хорошие возможности ее использования в работе со студентами целого ряда специальностей вузов.

На круглом столе был заслушан доклад сотрудника ИВИ РАН Л.А. Садовой «Фритьоф Нансен и Северный морской путь». Он представлял интерес и в контексте уже упомянутой международной экспедиции по СМП, организованной САФУ в 2013 году и прошедшей от Архангельска до Диксона и Дудинки на научно-исследовательском судне «Профессор Молчанов», посвященной столетию движения по этому маршруту экспедиции Ф. Нансена.

После ряда выступлений, последовавшего обмена мнениями и ответов на вопросы модератора Арктических чтений, кандидат исторических наук, руководитель Центра истории Северной Европы и Балтии ИВИ РАН А.А. Комаров подвел итоги состоявшегося обсуждения. Он отметил высокий уровень Арктических чтений, прозвучавших выступлений и выразил надежду, что удастся подготовить и опубликовать русскую версию этого фундаментального англоязычного международного научного издания.

Видеоматериалы Арктических чтений размещены на официальном YouTube-канале Государственной публичной исторической библиотеки¹.

¹Историческая библиотека России. URL: <https://www.youtube.com/@istorichka/videos> (дата обращения: 02.04.2024).

Список литературы

1. From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia / ed. by J.P. Nielsen, E. Okhuizen. Leiden: Brill, 2022.

2. Б.А. Вилькицкий и Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана в 1914–1915 гг.: сб. док. / науч. ред. В.Г. Смирнов; сост., подгот., коммент. Р.Г. Гагкуева (отв. сост.) и др. М.: Кучково поле Музеон, 2022. 656 с.

References

1. Nielsen J.P., Okhuizen E. (eds.). *From Northeast Passage to Northern Sea Route: A History of the Waterway North of Eurasia*. Leiden, 2022.

2. Smirnov V.G. (ed.). *B.A. Vil'kitskiy i Gidrograficheskaya ekspeditsiya Severnogo Ledovitogo okeana v 1914–1915 gg.* [B.A. Vilkitsky and the 1914–1915 Arctic Ocean Hydrographic Expedition]. Moscow, 2022. 656 p.

Информация об авторе

В.И. Голдин – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2).

Information about the author

Vladislav I. Goldin, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Prof. at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Sciences, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 27.02.2024

Одобрена после рецензирования 29.02.2024

Принята к публикации 29.02.2024

Submitted 27 February 2024

Approved after reviewing 29 February 2024

Accepted for publication 29 February 2024

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Анисимова А.Г., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языкознания Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Антонян К.В., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания Российской академии наук (Москва);

Балдин К.Е., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Ивановского государственного университета;

Варакин В.С., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Волошин Ю.К., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета (г. Краснодар);

Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения Российской академии наук (Москва);

Данилов А.В., доктор философии, доктор богословия, заведующий кафедрой религиоведения Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь);

Елагина Ю.С., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Оренбургского государственного университета;

Зиньковская А.В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, заведующая кафедрой английской филологии Кубанского государственного университета (г. Краснодар);

Киселева С.В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета;

Колосовская Т.А., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь);

Курдюмов В.А., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета;

Лойко М.О., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (г. Гродно, Республика Беларусь);

Макулин А.В., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Медова А.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социальных наук Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева (г. Красноярск);

Назарова Т.Б., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языкознания Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Никитина Н.П., кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой отечественной и всеобщей истории Псковского государственного университета;

Нильсен Е.А., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета;

Олизько Н.С., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка Челябинского государственного университета;

Пархитько Н.П., кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва);

Соколова Ф.Х., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения и международных отношений Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Федяева Е.В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Новосибирского государственного технического университета;

Харченко Е.В., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск);

Хомякова Е.Г., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета;

Чигринова Е.А., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка и социально-культурной адаптации Волгоградского государственного медицинского университета;

Шапаров А.Е., доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Щирова И.А., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург);

Юхнова И.С., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области языкознания, философии, а также истории и археологии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnikgum.ru/> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Параметры страницы

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия, инициалы автора.

Форматирование основного текста

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм; верхнее, нижнее – 20 мм. Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются по середине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: научных статей – 10–15 страниц, обзорных статей – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

ORCID

В сведениях об авторах также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Аннотация	<p>Предоставляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть:</p> <ul style="list-style-type: none"> – информативной (не содержать общих фраз); – оригинальной; – содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированной (следовать логике описания результатов в статье); – компактной (укладываться в объем от 200 до 250 слов). <p>Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию объемом 50–100 слов.</p>
Ключевые слова	После аннотации указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты (если это не книга, сборник, статья и т. п. в электронном виде), документальные источники, а также анализируемую литературу даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	<p>Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»).</p> <p>– Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i></p> <p>в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59];</p> <p>в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: библиография. М., 1961.</p> <p>– Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i></p> <p>в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.;</p> <p>в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М., 1990. 175 с.</p>
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков (черно-белых). Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (Grayscale – Оттенки серого, 300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (<i>рис. 2</i>). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnikgum.ru/>

Тел.: (8182) 21-61-21; e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

На электронную версию журнала можно подписаться через каталоги:

«Урал-Пресс» http://www.ural-press.ru/catalog/97209/8650495/?sphrase_id=328736

«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru/search/>

Свободная цена.